ЖИВОПИСНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО АЗІИ.

ЖИВОПИСНОЕ

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО АЗІИ,

СОСТАВЛЕННОЕ НА ФРАНЦУЗСКОМЪ ЯЗЫКѢ ПОДЪ РУКОВОДСТВОМЪ ЭЙРІЁ (EYRIÈS), И УКРАШЕННОЕ ГРАВЮРАМИ.

Переводъ Е. Корша.

Изданіе А. С. Ширяева.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.
1840.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Марта 8 дня 1840 года.

Цензоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ *И. Снегиревъ.*

ЖИВОПИСНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО АЗІИ.

ГЛАВА LI.

Малдивскіе и Лаккедивскіе Острова.

Къ югозападу отъ Индѣйскаго полуострова, между экваторомъ и осьмымъ градусомъ сѣверной широты, простирается на двѣсти миль въ длину архипелагъ Малдивскій. Онъ состоитъ изъ семнадцати круглыхъ или продолговатыхъ купъ, называемыхъ *атолонами*. Каждый атолонъ заключаетъ въ срединѣ мелкій бассейнъ, окруженный цѣпью коралловыхъ утесовъ, которые, по большей части, въ уровень съ моремъ и простираются на полтораста футовъ и даже на полмилю отъ берега. Въ нѣкоторыхъ частяхъ этихъ скалъ есть такія отверзтія, что въ нихъ могутъ проходить лодки, и выступы подводной ограды мѣстами образуютъ родъ бухтъ, гдѣ суда могутъ бросать якорь на песчаномъ грунтѣ, съ примѣсью коралловъ и раковинъ.

Полное число всѣхъ острововъ и островковъ Малдивскихъ можно полагать до тысячи двухъ-сотъ по-крайней-мѣрѣ; но ихъ никогда не изслѣдовали въ точности, хотя они очень близко къ обычному пути судовъ, направляющихся въ Индію. Съ корабельной палубы, на извѣстномъ разстоянiи, каждая купа представляется однимъ цѣльнымъ островомъ; по мѣрѣ приближенiя открываются десять или двѣнадцать каменистыхъ острововъ, раздѣленныхъ между собою. Значительнѣйшiе острова населены и обработываются; но большая часть ихъ состоитъ изъ однѣхъ скалъ и песчаныхъ отмелей, понимаемыхъ водой въ сильные приливы. Многiе покрыты кокосовыми деревьями и кустарникомъ; вода показывается въ нѣсколькихъ футахъ глубины.

Между атолонами есть каналы, гдѣ могутъ безопасно ходить корабли; они вообще названы такими именами, которыя означаютъ положенiе ихъ относительно къ экватору.

Главный атолонъ — Мале; тутъ живетъ султанъ всего архипелага. «Этотъ островъ, говоритъ путешественникъ, Г. Шульцъ, посѣтившiй его въ 1819 году, лежитъ подъ 4° 20′ сѣверной широты. Онъ имѣетъ около трехъ Англiйскихъ миль въ окружности. Хотя онъ не обширенъ, но султанъ избралъ его мѣстомъ своего пребыванiя вѣроятно потому, что онъ огражденъ каменнымъ рифомъ со всѣхъ почти сторонъ, кромѣ западной; къ этому естественному укрѣпленiю придѣлали искусственное, соединяющее оконечности рифа, такъ что оставлены только два узкiе прохода для судовъ, и тѣ запираются бревномъ, если опа-

саются нападенія Лакедивянъ, закоренѣлыхъ враговъ жителей Малдивскаго архипелага. Прибой весьма силенъ вдоль ограды, и потому доступъ къ ней опасенъ для врага; но между рифомъ и островомъ море такъ тихо, какъ прудочекъ; пространство это не болѣе трехъ сотъ футовъ въ ширину. Всѣ суда и рыбачьи лодки Малейскія находятъ здѣсь убѣжище. Первыхъ стояло при мнѣ семь; смотря по времени года, они пускаются къ Малабарскому берегу, въ Цейлонъ, въ Калькутту, въ Шаттигенъ. Рыбачьихъ ладей было до шестидесяти.

«Кромѣ восточнаго берега, защищаемаго природою, Мале укрѣпленъ десятью бастіонами. Я насчиталъ на нихъ сто орудій: нѣкоторыя были изъ бронзы, но ни одно не превышало двѣнадцати-фунтоваго калибра. Впрочемъ ни крѣпостныя работы, ни пушки не въ такомъ состояніи, чтобы выдержать правильную аттаку.

«Городъ тянется по всему пространству острова; онъ весьма чистъ, улицы широки, прямы и выметаются каждое утро. На лодкахъ въѣзжаютъ въ нѣсколько маленькихъ воротъ съ запада; въ этой же сторонѣ живетъ султанъ, въ нѣкотораго рода цитадели, которой высокія стѣны унизаны бойницами и обведены рвомъ съ водою въ четырнадцать футовъ ширины. Дворецъ—самый простой домъ въ два этажа, съ кровлею изъ тамошнихъ рогожъ; двѣ мечети привлекаютъ взоръ своими размѣрами и величественнымъ видомъ. Султанъ каждую пятницу ходитъ на богомолье въ одинъ изъ этихъ храмовъ; но во всю бытность нашу въ Мале, здоровье не дозволяло ему выходить изъ комнаты: такъ мы и не видали цита-

дели; мнѣ обѣщали однако жъ представить меня монарху, коль скоро онъ будетъ въ состояніи принимать.

«Домы, выстроенные всѣ изъ дерева и рогожекъ, отличаются великими удобствами; при нихъ есть большіе сады съ изгородами и колодезями, въ которыхъ превосходная вода. Жители совершаютъ свои омовенія въ общественныхъ водоемахъ. Въ разныхъ частяхъ острова видны кладбища; могилы означены каменьями, которые ставятся перпендикулярно и покрываются эпитафіями на языкѣ Малдивцевъ, употребляющихъ Арабскія письмена.

«Образъ правленія самовластный и наслѣдственный. Всѣ члены царствующаго дома живутъ въ цитадели, гдѣ стоитъ и регулярное войско въ числѣ полутораста человѣкъ. Всѣ единогласно увѣряли меня, что султаны употребляютъ высшую власть совершенно отечески, и поступки того, который занимаетъ престолъ нынѣ, подтверждаютъ такой отзывъ. Бѣдныхъ кормятъ и одѣваютъ на счетъ его благотвореній. Преступленія повидимому очень рѣдки. Нарушителя общественнаго спокойствія водятъ по улицамъ, и каждый льетъ на него воду и бросаетъ песокъ; стыдъ такого наказанія достаточенъ для укрощенія злоумышленныхъ. Если кто изъ подобныхъ людей дойдетъ до явнаго неповиновенія, ему заковываютъ ноги на день или на два для приведенія его къ чувству долга. Мнѣ говорили, что это строжайшее изъ наказаній случается не болѣе двухъ разъ въ десять лѣтъ. Право, жители Мале, которыхъ число простирается

до двухъ тысячъ, изъяты повидимому отъ многихъ золъ, постигающихъ болѣе образованныя общества.

«У султана есть министерство, составленное изъ осьми особъ, носящихъ визирскій титулъ; четыре принадлежатъ къ высшему разряду старшинъ, прочіе степенію ниже и подчинены первымъ. Визири и губернаторы самыхъ большихъ островов получаютъ въ жалованье доходы съ извѣстныхъ атолоновъ; подати со всего архипелага доставляются въ Мале и состоятъ изъ черепахи, гвинейскихъ монетъ (раковинъ) и кокосовъ; острова, ближайшіе къ столицѣ, снабжаютъ ее пшеницей, яйцами, лимонами, хлѣбными плодами, бананами.

«Регулярное войско одѣто въ красномъ и вооружено саблями и ружьями. Каждый солдатъ получаетъ по двадцати фунтовъ въ мѣсяцъ сарацинскаго пшена, кромѣ бетеля и двухъ мундировъ, да пары платковъ ежегодно. Во время войны, по всѣмъ островамъ производятъ наборы, доставляющіе много людей. Но бичъ этотъ съ давнихъ поръ здѣсь невѣдомъ.

«Малдивцы мусульманской религіи. Если судить по ихъ рѣчамъ и поступкамъ при началѣ какого нибудь предпріятія, они проникнуты глубокимъ чувствомъ благоговѣнія къ Предвѣчному. У нихъ довольно много книгъ на собственномъ языкѣ ихъ, и повидимому обращено большое вниманіе на школы, гдѣ дѣти учатся читать и писать. По преданіямъ туземцевъ, предки ихъ пришли съ Малабарскаго берега. Нарѣчіе, которое они употребляютъ, кажется, исключительно принадлежитъ имъ: по-крайней-мѣрѣ, оно не

имѣетъ сродства ни съ однимъ изъ Индѣйскихъ нарѣчій, которыя были извѣстны нашимъ морякамъ. Но, вслѣдствіе сношеній съ матерымъ берегомъ, многіе Малдивцы говорятъ нарѣчіемъ Гиндустани, и я бесѣдовалъ съ ними на этомъ языкѣ.

«Многоженство дозволено, но запрещается имѣть наложницъ. Муллы пользуются сборомъ съ бракосочетаній: они берутъ по рупіи съ богатыхъ, по полурупіи съ достаточныхъ и по четыре фанона съ прочихъ. Разводы совершаются безъ дальнихъ затрудненій. Въ такомъ случаѣ, мужчина не обязанъ давать содержанія женщинѣ, которую онъ отошлетъ; поэтому молодыя дѣвушки, когда за ними волочатся, всячески выманиваютъ у своихъ обожателей сколько можно болѣе подарковъ. Мнѣ сказывали, что разводы рѣдки и что мужчины довольствуются двумя женами по большей мѣрѣ. Правда, что моряки имѣютъ такой запасъ не на одномъ островѣ, но это должно почитать слѣдствіемъ обычаевъ здѣшняго народа.

«Рѣдкость разводовъ и супружеское счастіе, повидимому господствующее въ семействахъ, должно, бытьможетъ, приписать доброму поведенію женщинъ послѣ замужства. Малдивцы дѣятельны и промышлены. Они почти никогда не бываютъ въ праздности; обыкновенно занимаются выдѣлкою и крашеньемъ холстинки, плетеніемъ койра (кокосовыхъ нитокъ), сбираніемъ гвинейскихъ монетъ или своими домашними дѣлами. Одежда ихъ отличается скромностью; ихъ холстинковыя, иногда и шелковыя платья — съ высокимъ воротомъ, съ длинными рукавами и доходятъ до самыхъ пятъ. Богатые оторачиваютъ воротъ золо-

тымъ галуномъ и носятъ золотыя серьги и ожерелья.»

Нѣсколько лѣтъ тому, Англійскія конторы ежегодно отправляли къ Малдивскимъ островамъ корабль или два за гвинейскими монетами; но задержки, которымъ они здѣсь подвергались, и нездоровость климата побудили оставить эту торговлю; теперь сами Малдивцы производятъ ее на судахъ изъ кокосоваго дерева. Они приходятъ въ Балассоръ въ іюнѣ и въ іюлѣ съ грузами койра, гвинейскихъ монетъ, кокосоваго масла, соленой рыбы, черепахи и другихъ произведеній своихъ островозъ; возвращаются къ половинѣ декабря съ Бенгальскимъ рисомъ, сахаромъ, стальными товарами, шелковыми тканями, сукномъ, толстыми бумажными издѣліями, табакомъ. Многія суда ходятъ ежегодно въ Ашемъ, на островѣ Суматрѣ, и нѣсколько Малайскихъ кораблей посѣщаютъ архипелагъ для вывоза плавательныхъ перьевъ аккулы.

Французъ, Пираръ де Лаваль (Pyrard de Laval), потерпѣвшій кораблекрушеніе у Малдивовъ въ 1602-мъ, и покинувшій ихъ только въ 1607 году, зидалъ прелюбопытное описаніе своихъ путешествій; оно доселѣ служитъ обильнѣйшимъ источникомъ свѣдѣній о Малдивскихъ островахъ. Архипелагъ этотъ такъ бѣденъ, что не привлекаетъ къ себѣ Европейцевъ; но они часто проходятъ каналами, которыми атолоны раздѣляются между собой. Г. де Лапласъ (de Laplace), начальникъ Французскаго корвета *Фаворитъ* (la Favorite), плылъ въ 1830 году Адаматисскимъ проходомъ. Онъ вѣроятно слышалъ, и по-

вторилъ расказъ, будто султанъ этихъ островов занимался одно время морскимъ разбоемъ, а губернаторъ Бамбайскій прекратилъ его грабежи. Это повидимому отнюдь неправдоподобно: ни одна изъ Англійскихъ книгъ, выданныхъ вплоть до 1828 года, не упоминаетъ о такомъ событіи. Всѣ сочиненія касательно Малдивскихъ островов единогласно изображаютъ островитянъ людьми кроткими, смирными, гостепріимными: таково общее свидѣтельство всѣхъ Европейцевъ, которые у нихъ бывали; но Малдивяне часто терпѣли неблагодарность въ награду за свое человѣколюбіе. Буйства, учиненныя въ 1812 году однимъ Португальскимъ корабельщикомъ и людьми его, состоявшими изъ ласкаровъ, навлекли этимъ негодяямъ примѣрное наказаніе со стороны Цейлонскаго губернатора, лорда Минто. Они пострадали за свои наглости, а напротивъ подарки посланы были тѣмъ Малдивцамъ, которые подверглись ихъ оскорбленіямъ. При этомъ случаѣ открылось, что султанъ, по давнему обычаю, отправлялъ пословъ къ Цейлонскимъ государямъ, и что онъ не забылъ его и тогда, когда островъ перешелъ во власть Англіи.

Корабль Гогстонъ (Hogston), который былъ подъ начальствомъ капитана Сарторіуса и на которомъ находился Г. Шульцъ, потерпѣлъ крушеніе у сѣверныхъ Малдивовъ 21 Іюля 1819 года; ему помогли суда островитянъ, спасшія несчастныхъ, которые едва избѣгли смерти; четвертаго августа эти бѣдные люди прибыли въ Мале, и ихъ окружили со всѣхъ сторонъ радушныя заботы. Двадцать третьяго они были отправлены въ Цейлонъ. Сарторіусъ спросилъ, угод-

но ли будетъ султану принять вексель на Калькутту въ платежъ за издержки, сдѣланныя его людьми, и за съѣстные припасы, имъ доставленные. «Султанъ, возразилъ ему сборщикъ доходовъ, ни какъ не потерпитъ, чтобъ люди, которымъ подданные его помогли въ бѣдѣ, платили за что бы то ни было.» Затѣмъ, присовокупляетъ раскащикъ, онъ велѣлъ подать большой реестръ и просилъ насъ записать въ немъ, что мы готовы къ отплытію, дабы не было ни какого сомнѣнія, что мы пускаемся въ путь по одной собственной волѣ. Мы исполнили желаніе островитянина и сказали ему, что хотѣли бы изъявить султану и главнымъ его сановникамъ нашу искреннюю, живѣйшую благодарность, и по прибытіи въ Калькутту не преминемъ сообщить во всенародное извѣстіе, сколь мы обязаны за великодушное гостепріимство, внимательность и снисхожденіе, которыми пользовались во всю бытность нашу въ Мале.

«Въ пять часовъ по полудни, мы отправились; насъ провожали до самаго берега всѣ главные чиновники, распростились съ нами самымъ трогательнымъ образомъ и молили Бога о ниспосланіи намъ всѣхъ благъ. Такъ эти добрые мусульмане, принявъ насъ какъ нельзя человѣколюбивѣе, продолжали до послѣдней минуты оказывать намъ всѣ возможныя попеченія и ласки.

«Двадцать шестаго числа мы вышли на берегъ въ Пуэнъ-де-Галлѣ (Point-de-Galle).»

Лакедивскіе острова, коихъ имя означаетъ *сто тысячь островов*ъ, образуютъ архипелагъ, лежащій къ сѣверу отъ Малдивскихъ, между 10° и 14° 30′ сѣ-

верной широты и между 89° 30′ и 92° восточной долготы. Онъ раздѣленъ на пятнадцать купъ, подобныхъ Малдивскимъ; самыя большія не превышаютъ шести Англійскихъ квадратныхъ миль пространствомъ и окружены коралловыми рифами, отъ которыхъ приближеніе къ нимъ весьма опасно. Острова эти крайне безплодны; корабли могутъ однако жъ запасаться тамъ живностью, яйцами, кокосами, бананами и прекрасною водою.

Жители исповѣдуютъ мусульманскую вѣру и весьма бѣдны; они существуютъ только рыбой и кокосами; главныя вывозныя статьи у нихъ койръ, пальмовый сахаръ, арекъ и немного бетеля. Малабарскіе корабли приходятъ за коралломъ, изъ котораго дѣлаютъ въ Индіи образа или выжигаютъ известь. Лакедивцы сами пускаются къ Малабарскому берегу на мелкихъ судахъ изъ пальмоваго дерева.

Лакедивскіе острова открыты Васко де Гамою на обратномъ пути его въ Европу, въ 1499 году; они рѣдко посѣщаются Европейцами и состоятъ подъ управленіемъ владѣльца, который въ именной зависимости отъ Англичанъ.

ГЛАВА LII.

Гиндустанъ: Мысъ Коморинъ. Малабарскій Берегъ.

Полуостровъ Индѣйскій замыкается къ югу мысомъ Комориномъ, образующимъ оконечность хребта западныхъ Гатовъ; вершина его въ полумилѣ отъ морскаго берега и имѣетъ 3,882 фута вышины. Прекрасный водоскатъ низвергается по его ребрамъ. На горѣ воздавалось поклоненіе богинѣ Парватти; католическій святой Францискъ Ксаверій основалъ тамъ часовню во имя Пречистой-Дѣвы.

Госпожа Греэмъ плыла вдоль этого берега, въ маіѣ 1810 года, на Англійскомъ военномъ кораблѣ. «Въ эту пору, говоритъ она, вѣтры съ суши и съ моря уже теряютъ свое обычное постоянство, а сѣверные еще не скрѣпчали, и мы медленно скользимъ вдоль берега, подходя къ нему такъ близко, что видимъ совершенно хорошо положеніе всякаго мѣста, которое минуемъ. Мысъ Коморинъ, съ окружающими его островами, походитъ съ моря на высокій и каменистый носъ, и по мѣрѣ хода нашего къ сѣверу подымаются горы. Мѣстами онѣ такъ близко къ берегу, что кажутся въ буквальномъ смыслѣ повисшими надъ моремъ; индѣ онѣ отступаютъ отъ него на нѣсколько миль, оставляя мѣсто городамъ и деревнямъ съ полями; онѣ почти до верху одѣты величавыми лѣсами и

пышною зеленью; только изрѣдка обширное пространство, покрытое дженглями или толщами скалъ, прерываетъ темную гряду древнихъ боровъ. У подошвы Гатъ, нѣсколько бѣлыхъ церквей, принадлежащихъ туземнымъ христіанамъ и Португальцамъ, являются среди кокосовыхъ рощъ, окраяющихъ берегъ, и пестрѣютъ между рыбацкихъ хижинъ, Индѣйскихъ храмовъ и развалинъ крѣпостей, принадлежащихъ покинутымъ Европейскимъ колоніямъ. Видъ не менѣе прекрасенъ въ ночное время; здѣсь, передъ дождливою порой, обыкновенно выжигаютъ траву дженглей для утучненія почвы; днемъ видѣнъ только свѣтъ, но съ наступленіемъ ночи, передъ вами открывается пространство въ нѣсколько миль, краснѣющее раскаленной золою или объятое яркимъ пламенемъ.»

Малабарскій берегъ Арабы называютъ *перечною землей*. Этого зелія здѣсь много, и оно отмѣннаго качества. Проѣзжая близъ мыса Коморина черезъ Гатскій хребетъ, путешественникъ достигаетъ воротъ, поставленныхъ въ невысокомъ ущельѣ; они устроены Траванкорскимъ раджею для защиты края отъ набѣговъ южныхъ полигаровъ. За этою тѣсниной, мѣстоположеніе и общій видъ края удивительно измѣняются; прекрасные лѣса, большія деревья, и обработанныя поля слѣдуютъ за тощими, скудными пальмами и за безплодною равниной Тиневелли; замѣтно, что населеніе здѣсь значительнѣй, внутренняя торговля живѣе, промышленость болѣе распространена. Траванкоръ уже только деревня; раджа живетъ въ мѣстечкѣ Тріавандерамъ, которое такъ же бѣдно, но гораздо ближе къ морю. Алипи — маленькая гавань,

принадлежащая этому владѣтелю, производитъ сильный торгъ перцемъ, сарацинскимъ пшеномъ и строевымъ лѣсомъ. Во многихъ мѣстахъ, береговыя низменности перерѣзаны лагунами, а около нихъ разбросаны мелкіе, песчаные острова; по этимъ заливцамъ ходятъ суда и лодки, что̀ значительно облегчаетъ сообщенія. Съ одной стороны лежатъ поля съ сарацинскимъ пшеномъ, защищаемыя плотинами отъ напора соленаго моря, и на свѣжей зелени ихъ отрадно успокоивается взоръ, утомленный видомъ безплодныхъ и горячихъ песковъ побережныхъ.

Въ Котіамѣ, далѣе внутрь, водворились Англійскіе миссіонеры; но миссіи другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій также распространены въ этомъ краѣ. Въ ближайшихъ округахъ и далѣе видны мѣстами цѣлыя деревни, построенныя туземными христіанами. Эта церковь существуетъ съ первыхъ вѣковъ тамъ христіанства. Индѣйскіе государи жаловали большія преимущества христіанамъ Малабарскимъ, зависѣвшимъ въ нѣкоторомъ смыслѣ отъ однихъ епископовъ своихъ, какъ въ свѣтскомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Кажется даже, что у нихъ были свои собственные раджи, и что, по пресѣченіи ихъ дома, области эти отошли къ королю Кохинскому.

Когда, въ 1503 году, Васко де Гама прибылъ въ Кохинъ, онъ видѣлъ тамъ скиптръ этого христіанскаго государя. Португальцы сначала пріятно изумились, нашедши сотню церквей христіанскихъ въ столь отдаленномъ краѣ; но открывъ, что онѣ не признаютъ папы и получаютъ епископовъ отъ Несторіанскаго патріарха въ Антіохіи, они начали силою принуждать

сообразоваться съ правилами Римской церкви. Строгія мѣры не имѣли почти ни какого успѣха; часть этихъ Сирійскихъ христіанъ сдалась правда на убѣжденія, но то были одни прибрежные жители, а во внутренности края никто не хотѣлъ слышать о перемѣнѣ; народъ спряталъ книги, которыя Португальцы намѣревались сжечь, удалился въ горы и просилъ покровительства у туземныхъ владѣтелей.

Два вѣка протекло, и западная Европа не имѣла объ этомъ никакого дальнѣйшаго свѣдѣнія, какъ въ 1805 году, Англійскій пасторъ, Клавдій Бокананъ (Buchanan) испросилъ у генералъ-губернатора Британской Индіи дозволеніе посѣтить Несторіанскія церкви, которыхъ существованіе иные почитали сомнительнымъ. Въ концѣ 1806 года, онъ прибылъ въ Траванкоръ и обошелъ земли, обитаемыя этими христіанами; на слѣдующій годъ онъ опять посѣтилъ ихъ, и въ описаніи, изданномъ въ Англіи, сообщилъ весьма любопытныя подробности объ ихъ текстѣ св. Писанія, догматахъ, языкѣ, нравахъ и обычаяхъ. Другія духовныя и свѣтскія лица, даже военные, любопытствовали узнать лично Малабарскихъ сиро-христіанъ. Англичане, разумѣется, приняли ихъ подъ свое покровительство и роздали имъ экземпляры св. Писанія, напечатанныя по-Сирійски съ рукописи, вывезенной Бокананомъ. У нихъ есть школы и видна весьма похвальная наклонность къ ученью. Дабы посѣтить нѣкоторыя изъ деревень ихъ, одинъ Англійскій офицеръ, на котораго мы много разъ ссылались въ этой книгѣ, пустился на ладьѣ по рѣкѣ Пандѣ, вытекающей изъ западнаго наклона Гатовъ, и впадающей въ

море близъ Алиппи. «На разсвѣтѣ, говоритъ онъ, начали мы подыматься вверхъ по Пандѣ, образующей прекрасную полосу воды; берега ея вездѣ покрыты садами и рощами, гдѣ мы видѣли множество кокосовыхъ, арековыхъ, бетельныхъ, баніановыхъ, тековыхъ, перечныхъ и другихъ деревъ, и безконечное разнообразіе всякихъ прозябеній. Рѣка была наполнена рыбою, а лѣса многочисленными породами разныхъ птицъ, изъ которыхъ иныя красовались удивительнымъ перьемъ. Уединенныя хижины въ лѣсахъ, лѣстницы, грубо высѣченныя въ камнѣ отъ самой воды до дверей жилищъ, челны, скользящіе по рѣкѣ, все оживляло эту великолѣпную картину. Впечатлѣніе, производимое ею, усиливалось еще яркимъ свѣтомъ восходящаго солнца, котораго лучи по временамъ проникали сквозь густоту листьевъ или золотили волнистыя вершины стройнаго аречника.»

Городъ Кохинъ стоитъ на островѣ и въ такомъ низменномъ мѣстѣ, что, приближаясь къ нему съ морской стороны, видишь сначала однѣ крыши. Онъ хорошо выстроенъ, и укрѣпленъ по-Европейски. Цитадель его первая, воздвигнутая Португальцами въ Индіи въ 1503 году. Торговля еще весьма дѣятельна, и на корабельныхъ верфяхъ много работы.

Неподалеку отъ Кохина есть очень древняя колонія Евреевъ. «Они живутъ, говоритъ Бокананъ, въ Матташери, на одну Англійскую милю отъ этого города; тамъ двѣ прекрасныя синагоги. Между ними есть люди умные, знающіе хорошо исторію своего народа. Тамъ найдете Жидовъ изъ отдаленнѣйшихъ концевъ Азіи,* так что можете почерпать извѣ-

стія о состояніи этого народа на всемъ Востокѣ: моремъ существуютъ постоянныя сообщенія съ заливами Аравійскимъ и Персидскимъ и съ устьями Инда. Здѣшніе Жиды раздѣляются на два класса: на Іерусалимскихъ, или бѣлыхъ, и на старыхъ, или черныхъ. Бѣлые живутъ въ Маттишери; у черныхъ тоже есть тамъ синагога, но большинство ихъ разсѣяно во внутреннихъ селеніяхъ.

«Бѣлые Жиды показывали мнѣ бронзовыя доски, на которыхъ вырѣзаны преимущества, дарованныя имъ царемъ Малабарскимъ въ четвертомъ столѣтіи нашей эры.»

Паніани большой городъ, при устьѣ рѣки того же имени, населенъ предпочтительно рыбаками мусульманской вѣры и производитъ значительный торгъ. Паніани проходитъ черезъ одно ущелье въ Гатахъ, которое почти совершенно пересѣкаетъ черту этого хребта.

Каликутъ, обитаемый также мусульманами, стоитъ на низкомъ мѣстѣ и орошается рѣкой, по которой суда ходятъ на тридцать миль вверхъ, а тековый лѣсъ сплавляется внизъ къ морю. Эта очень торговая пристань преимущественно посѣщается Маскатскими Арабами.

Корабль, на которомъ плыла Госпожа Греэмъ, бросилъ якорь передъ Каликутомъ девятнадцатаго марта. «Вчера, пишетъ она отъ двадцатаго, провели мы вечеръ на берегу въ Каликутѣ. Мы старались представить себѣ событія первоначальной высадки Европейцевъ въ Индіи, встрѣчи Заморина съ Васко-де-Гамою, вѣроломства этого государя, отваги и смѣт-

ливости Португальскаго моряка. Но Каликутъ прошелъ чрезъ руки столь многихъ завоевателей, что исчезъ всякой слѣдъ его прежняго блеска и важности. Въ четырехъ Англійскихъ миляхъ къ сѣверу отъ города есть морской рукавъ, гдѣ, какъ иные думаютъ, стоялъ прежній городъ, и куда Португальскій флотъ долженъ былъ укрыться отъ муссона. Еще видны поблизости груды камня и нѣсколько звеньевъ стѣны; но если это въ самомъ дѣлѣ городище древней Калькутты, то морской рукавъ долженствовалъ быть гораздо глубже нынѣшняго, иначе онъ не могъ вмѣстить въ себѣ ни одного корабля.

«Мы успѣли все осмотрѣть, за исключеніемъ города въ теперешнемъ его видѣ. Въ сосѣдствѣ есть остатки огромныхъ кирпичныхъ стѣнъ и древнія ворота, поросшія кустарникомъ. Базаръ довольно великъ; но свиду онъ кажется готовымъ къ паденію, потому что, въ предосторожность отъ пожара, кровля снята съ него, равно какъ и со всѣхъ другихъ зданій: по существующему здѣсь обычаю, домы раскрываютъ на время сухой поры, оставляя одни стропилы въ цѣлости. Такая предосторожность должна часто подвергать жителей большимъ неудобствамъ, ибо нерѣдко сильныя грозы спускаются съ ближайшихъ горъ; это случилось и въ тотъ вечеръ, когда мы съѣхали на берегъ. Къ осьми часамъ страшныя молніи, сопровождаемыя рокотомъ грома, засверкали на небѣ, и всю ночь шелъ проливной дождь, отъ котораго бѣднымъ жителямъ не было никакихъ средствъ укрыться.

«На другой день утромъ мы поѣхали для прогулки за нѣсколько миль, въ загородный домъ къ одно-

му Англичанину, построенный въ самой серединѣ Гатовъ. Дорогою, мы видѣли дворецъ Заморина, но самъ онъ былъ тогда въ любимомъ мѣстѣ своемъ, Паніани; тамъ стоятъ обыкновенно казенныя суда, потому что въ дождливую пору удобно сгонять туда по рѣкѣ строевой матерьялъ, вырубаемый въ лѣсахъ нагорныхъ.

« Близъ Каликута привлекли вниманіе наше стѣны дома одного изъ *наировъ*: это прежнее дворянство Малабарское. Ихъ смѣлый и безпокойный нравъ много тревожилъ не только первыхъ Португальскихъ поселенцевъ, но и туземныхъ владѣтелей. Жилищемъ наира былъ замокъ, окруженный парапетомъ или стѣною, чрезъ которые переходили не иначе, какъ съ помощію подвижной лѣстницы, приставляемой на ту пору. Въ настоящее время наиры упали духомъ; стѣна окружаетъ еще ихъ жилья, но лѣстница остается и день и ночь на мѣстѣ; отъ всей прежней славы ихъ сохранилась только молва о красотѣ ихъ женъ, превозносимой по справедливости донынѣ.

« На всемъ переѣздѣ замѣтили мы только двѣ пагоды, и тѣ были въ развалинахъ; но въ одномъ изъ этихъ капищъ уцѣлѣла храмина, гдѣ совершается богослуженіе; она покрыта рогожками изъ каджана. »

Французское заведеніе, Маге (Mahé), лежитъ на покатости лѣваго берега рѣчки, по которой можно подыматься въ ладьѣ на знатительное разстояніе, а въ хорошую пору даже мелкимъ судамъ легко переходить баръ. Торгъ производится преимущественно перцемъ.

Теллишери, на двѣ мили къ сѣверу, съ 1683 года принадлежитъ Англичанамъ, которые учредили въ немъ контору съ той поры. Это главный рынокъ для сандальнаго дерева.

Кананоръ, обширный городъ на рѣкѣ, въ глубинѣ небольшаго залива, защищается крѣпостью, построенною въ 1502 году Португальцами. Англичане предоставили мнимую власть *биби*, то есть, госпожѣ Кананорской, но въ прежнее время ей повиновались и Лакедивскіе острова. Она мусульманка; верховная власть всегда остается въ женской линіи, сообразно съ обычаемъ того края касательно наслѣдства вообще.

Предѣлъ Малабарскаго берега—далѣе къ сѣверу, близъ устья Чандрагири, гдѣ возвышается гора Дилла, отдѣляемая отъ материка морскимъ рукавомъ. Имя Малабара придаютъ еще области, которая имѣетъ другія границы. Мусульмане, живущіе на этомъ берегу и извѣстные подъ названіемъ Моплеевъ, происходятъ вообще отъ Аравитянъ, водворившихся здѣсь съ осьмаго столѣтія; они дѣятельны, промышлены и богаты.

ГЛАВА LIII.

Гиндустанъ: Гоа, Бомбей, Элефанта, Камбейскій Заливъ, Сюратъ, Гуджратъ.

«Миновавъ медленно Теллишери, Анкедивскіе острова и чрезвычайно живописный мысъ Раму, мы пришли, говоритъ Госпожа Греэмъ, на видъ крѣпости Агуады, у входа въ пристань Гоа. Я надѣялась съѣхать на берегъ на другой день утромъ и осмотрѣть старый городъ, мраморныя церкви, великолѣпные монастыри, и поклониться останкамъ Франциска Ксаверія; но во время ночи подулъ противный вѣтеръ и отнесъ корабль нашъ отъ берега: я должна была покориться горькой необходимости, размышляя о нынѣшнемъ упадкѣ этой нѣкогда столь цвѣтущей колоніи Португальцевъ. И дѣйствительно, она бы отравила мнѣ удовольствіе, которое я могла обѣщать себѣ отъ созерцанія ея наружной красоты. Старый городъ до того вреденъ для здоровья, что надлежало выстроить новый нѣсколько далѣе, и опустѣвшія улицы прежней столицы оглашаются только шумомъ церковныхъ ходовъ, совершаемыхъ по временамъ.»

Начало упадка Гоа относится къ семнадцатому столѣтію. Знаменитый Итальянскій путешественникъ, Петръ делла Валле, посѣщавшій этотъ городъ въ 1623 году, сообщивъ нѣсколько извѣстій объ его чер-

номъ населеніи и о невольникахъ, говоритъ между прочимъ слѣдующее: «Португальцы, которыхъ здѣсь очень мало, обладали прежде большими богатствами; но теперь они пришли въ крайнюю бѣдность отъ страшныхъ потерь, претерпѣнныхъ ими съ того времени, какъ въ здѣшнихъ моряхъ появились Голландцы и Англичане.» Еще въ худшемъ состояніи нашелъ ихъ Таверные въ 1641 и 1648 годахъ. По словамъ его, въ теченіе этого времени, городъ быстро склонялся къ упадку.

Губернаторъ живетъ въ Паджимѣ или Вилла-Новѣ де Гоа, новомъ городѣ на оконечности острова, при устьѣ рѣки Мандавы; здѣсь есть двѣ хорошія пристани, и торговля довольно важна.

Бомбей, построенный на юговосточномъ концѣ острова того же имени, большой городъ, котораго населеніе простирается до 250,000 душъ; тутъ находится третье президенство Великобританской Индіи. Пристань самая лучшая и безопасная на всемъ здѣшнемъ берегу; торговля чрезвычайно обширная; верфи для постройки военныхъ и купеческихъ судовъ въ непрерывной дѣятельности; на нихъ трудятся рабочіе изъ Парсовъ или Гебровъ, безъ помощи Европейскихъ мастеровъ. Эти Парсы составляютъ большинство жителей острова Бомбея.

Здѣсь-то умеръ въ декабрѣ 1832 года извѣстный Французскій путешественникъ, Викторъ Жакмонъ (Jacquemont) на тридцать первомъ году отъ роду. Онъ уже обозрѣлъ всю часть Гиндустана, омываемую Гангомъ, страны Сейковъ, Мараттовъ и Раджпутовъ, сверхъ того западные округи Декана; въ поѣздкахъ

около Бомбея навлекъ онъ себѣ лѣсную лихорадку и умеръ отъ нея къ прискорбію всѣхъ любителей наукъ, которые справедливо надѣялись добрыхъ плодовъ отъ его остроумныхъ изысканій. Хорошо, что рукописи его привезены во Францію и издаются теперь въ свѣтъ почитателями молодаго ученаго, слишкомъ рано погибшаго для науки.

Островъ Сальсеттъ, къ сѣверу отъ Бомбейскаго, соединяется съ нимъ посредствомъ шоссе; близъ деревни Кенери, находятся тамъ обширныя пещеры, подобно какъ въ Элорѣ и въ Карли. Огромнѣйшая изъ нихъ храмъ Будды; она служила церковью Португальцамъ, которые стерли большую часть барельефовъ внутри ея.

Калапуръ, другой островъ Бомбейской купы, прозванъ у Европейцевъ Элефантою по колоссальному изображенію слона, высѣченному изъ чернаго камня у подошвы холма, близъ того мѣста, гдѣ выходятъ на берегъ. Въ сентябрѣ 1614 года, голова и туловище этого гигантскаго произведенія отдѣлились, и съ тѣхъ поръ грозитъ паденіемъ остальная часть. Въ нѣкоторомъ разстояніи оттуда любопытству путешественника представляется обширный храмъ, пробитый въ камнѣ. Сводъ его поддерживается колоннадою, также изсѣченною въ скалѣ. Въ срединѣ видно еще колоссальное изображеніе *Тримурти*, Индѣйскаго тріединства (Л. XXXVII—1). Оно чудеснымъ образомъ избѣгло опустошительной руки Португальцевъ, которые, въ пылу нелѣпой ревности, палили изъ пушекъ для истребленія всѣхъ признаковъ идолопоклонства въ этомъ памятникѣ. Всѣ путешественники, посѣщавшіе

западный берегъ Индіи, описывали пещеры Сальсетты и Элефанты.

Небольшая пристань Даманъ, въ устьѣ Домуи-Ганги, принадлежитъ Португальцамъ вмѣстѣ съ ея маленькой землицею. Здѣсь строятъ много судовъ, потому что ближнія лѣса изобилуютъ превосходнымъ строевымъ матеріяломъ. У Парсовъ есть въ Даманѣ храмъ, гдѣ, по увѣренію ихъ, хранится около тысячи двухъ-сотъ лѣтъ священный огонь, который они принесли изъ Персіи.

Немного сѣвернѣе начинается Камбейскій заливъ, углубляющійся на пятьдесятъ миль внутрь области Гуджрата. Онъ граничитъ къ западу полуостровомъ этого имени; ширина его простирается отъ шести до сорока миль. На оконечности этого рукава, въ семи миляхъ соименнаго ему города, дно обнажается во время отлива, а когда настанетъ приливъ, теченіе идетъ по двѣ мили въ часъ, и вода прибываетъ на двадцать или на тридцать футовъ.

Сюратъ, на лѣвовъ берегу Тапти, въ шести миляхъ отъ моря, имѣетъ 160,000 жителей; торговля его совсѣмъ не такъ сильна, какъ была въ семнадцатомъ вѣкѣ; тогда всѣ морскія державы западной Европы имѣли здѣсь факторіи, и путешественники единогласно восхваляли пышность и богатство Сюрата. Нынѣ Бомбей затмилъ его.

Впрочемъ Сюратъ—городъ очень некрасивый, улицы тѣсны, кривы, грязны до крайности, домы почти всѣ изъ глины и бамбуку. Верхніе ярусы сплошь выступомъ. Половина жилищъ принадлежитъ Парсамъ.

«Я не видалъ тамъ, говоритъ Геберъ, ни одного замѣчательнаго зданія, ни мусульманскаго, ни Индѣйскаго. Дворецъ набаба новой постройки; этотъ государь живетъ ежегодной пенсіей въ полтора лака рупій. Земли нѣтъ у него ни какой.»

Путешественники хвалили домъ призрѣнія, устроенный Гиндусами для животныхъ; тутъ разводятъ и кормятъ не только обезьянъ, домашній скотъ, собакъ, кошекъ, черепахъ, птицъ и особенно павлиновъ, но также клоповъ, блохъ и другихъ непріятныхъ насѣкомыхъ. Право, можно и не находить похвальнымъ столь излишняго скотолюбія.

Нербеда впадаетъ въ море на двѣнадцать миль къ сѣверу отъ Тапти; подымаясь вверхъ по этой рѣкѣ, вы видите на лѣвомъ берегу ея Барошъ, городъ обширный, но въ упадкѣ. «Хотя онъ почти на сорокъ Англійскихъ миль отъ моря, говоритъ Геберъ, юго-западный морской вѣтерокъ достигаетъ его во время прилива и распространяетъ въ воздухѣ пріятное прохлажденіе. При всѣмъ томъ климатъ этого города и Гуджратской области вообще неблагопріятенъ для Европейцевъ.

«Я не былъ въ странопріимницѣ животныхъ, но видѣлъ одну изъ достопамятностей околотка, извѣстное баніановое дерево, называемое *кавиръ баръ*, по имени угодника, который, говорятъ, посадилъ его. Оно на одномъ изъ островов Нербеды и покрываетъ его весь своей тѣнью. Дерево это было знаменито еще во время прибытія Португальцевъ; всѣ стародавніе путешественники упоминали объ немъ, и Мильтонъ воспѣлъ его въ своемъ «Потерянномъ раѣ». По расказамъ

Гиндусовъ, десять тысячь всадниковъ могли укрываться подъ его сѣнью; за нѣсколько лѣтъ, полноводьемъ унесло значительную часть земли, въ которой укоренились и разрослись побѣги его вѣтвей; но ихъ все еще такое множество, что они образуютъ одну изъ великолѣпнѣйшихъ рощъ на свѣтѣ.»

Ахмедабадъ, на правомъ берегу Сабермагея, былъ нѣкогда столицею мусульманскаго царства, независимаго и цвѣтущаго; нынѣ только многочисленныя развалины свидѣтельствуютъ о древнемъ величіи его. Въ іюнѣ 1819 года его опустошило землетрясеніе и простерло свои губительныя дѣйствія на Барошъ, на многіе другіе города и на полуостровъ Гуджратъ.

Послѣдній, сжатый между Камбейскимъ заливомъ къ востоку, между моремъ къ югу и западу, и между Кочскимъ заливомъ къ сѣверу, вообще гористаго свойства, кромѣ восточной стороны, гдѣ лежатъ обширныя равнины. Чолалскія горы замѣчательны дикостію вида и варварствомъ жителей; гора Поллетана отличается храмами, украшающими ея верхъ; Ріутачиль, самый высокій изъ холмовъ Джанагорскихъ, слыветъ священнымъ и окруженъ другими меньшими пригорками, между которыхъ лежатъ долины. Всѣ эти купы пускаютъ отрасли въ разныхъ направленіяхъ; сверхъ того есть отдѣльные холмы среди равнинъ. Весь полуостровъ наполненъ святилищами, знаменитыми у Индѣйцевъ.

Кочскій заливъ углубляется внутрь земель на пространство сорока миль отъ востока къ западу. Ширина его, имѣющая пятнадцать миль въ самомъ устьѣ, постепенно убываетъ на востокъ и составляетъ не

болѣе двухъ миль при соединеніи его съ Реномъ, обширной низменностью, которая бываетъ поперемѣнно безплодной степью, то тинистымъ озеромъ. Поверхность Рена содержитъ въ себѣ тысячу квадратныхъ миль. Островъ Чокаръ дѣлитъ его на двѣ половины; восточная сообщается съ Кочскимъ заливомъ; западная, которая обширнѣе, пересѣкается крайними къ востоку рукавами Инда.

Нѣкоторые географы называли Ренъ болотомъ; но по словамъ Англійскаго путешественника Бёрнса (Burnes) «названіе это не совсѣмъ вѣрно, потому что въ Ренѣ мы не видимъ ни одного отличительнаго свойсвва болотъ: онъ покрывается водой или увлажается только въ извѣстную пору; нѣтъ ни тростника, ни травъ на его почвѣ, которая притомъ совсѣмъ не иловата, а напротивъ тверда, суха, песчана и такъ крѣпко держится, что никогда не бываетъ вязка, развѣ только мѣстами, гдѣ долго стоитъ вода; впрочемъ тамъ никогда не видано грязи. Это—обширное пространство песку, твердое, плоское и упитанное солью, которая лежитъ иногда на цѣлый дюймъ поверхъ земли, а когда солнце выпаритъ всю воду, она является мѣстами въ большихъ и великолѣпныхъ кристаллахъ. Вся окрестность до того проникнута соляными частицами, что колодези, которые роютъ въ уровень съ Реномъ, становятся солоны; поелику Ренъ лежитъ ниже окружающей его мѣстности, то весьма вѣроятно, что онъ не иное что, какъ изсякшее озеро или прежній рукавъ моря.

«Миражъ ни гдѣ такъ не примѣчателенъ, какъ въ Ренѣ, и жители справедливо называютъ его *дымъ*

(дгонанъ). Въ извѣстномъ разстояніи мельчайшіе кусты принимаютъ видъ лѣсовъ, а приближаясь къ нимъ, вы видите, то корабли идутъ на парусахъ, то волны разбиваются объ утесы. Однажды маленькой кустарникъ представился мнѣ набережною, обставленною высокомачтовыми судами, а по близости кустовъ не было ни одного холма, который могъ бы объяснить очарованіе. Когда съ низменности Рена смотришь на Кочскіе пригорки, они кажутся высокими, кроющимися въ облакахъ, потому что испаренія облекають даже ихъ подошву. *Харъ гадга* (дикій оселъ), чуть ли не единственное существо, живущее въ этомъ пустынномъ краѣ; многочисленныя стада его бродятъ по полямъ; ростомъ оно не выше осла обыкновеннаго, но изъ-дали оно кажется иногда съ слона. На солнцѣ обманчивый Ренъ представляетъ видъ пространнаго озера; кто ознакомится съ оптическими явленіями долговременнымъ навыкомъ, только тотъ одинъ можетъ отличить въ этомъ случаѣ истину отъ призрака. Въ пасмурную погоду Ренъ кажется вамъ изъ-дали выше того мѣста, гдѣ вы сами; но наблюденіе это прилагается равномѣрно къ морю и къ другимъ обширнымъ поверхностямъ воды.

«Землетрясеніе 1819 года произвело много щелей и трещинъ на поверхности Рена: очевидцы мнѣ сказывали, что трое сутокъ отверзтія эти изрыгали множество черной и тинистой воды; вода выступала кипяткомъ изъ колодезей нѣкоторыхъ мѣстъ, прилежащихъ къ Рену, и залила окрестности на шесть и даже на десять футовъ въ глубину; пастухи едва успѣли угнать стада свои. Груды корабельныхъ гвоздей и ломанаго

железа были извергнуты моремъ въ одно старое укрѣпленіе, и въ послѣдствіи подобныя вещи найдены въ окружности, при рытіи водоемовъ.»

Кочъ, заключенный между заливомъ этого имени, Реномъ и Оманскимъ моремъ, пересѣкается отъ востока къ западу Уагорскими горами, пускающими отъ себя рѣки въ разныя стороны; почва весьма плодородна, лѣса обширные. Жители—Раджпуты мусульманской вѣры, которые прежде занимались морскимъ разбоемъ и распространяли ужасъ въ сосѣднихъ округахъ и водахъ. Весь край раздѣленъ между многими мелкими владѣтелями; сильнѣйшій изъ нихъ живетъ въ Боджѣ; Англичане занимаютъ нѣсколько округовъ и держатъ другіе въ рукахъ.

Полуостровъ Гуджратъ также подвластенъ нѣсколькимъ князькамъ, данникамъ Англичанъ или раджи Randomness Бародскаго; этотъ владѣтель носитъ родовое имя своего дома — Гюйковаръ. Столица его, вмѣщающая сто тысячъ жителей, расположена на лѣвомъ берегу Дгадора, въ плодоносномъ и хорошо обработанномъ округѣ, на сѣверъ отъ Бароша.

ГЛАВА LIV.

Гиндустанъ: Аджмиръ, или Раджпутана.

Къ сѣверу отъ Гуджратской области простирается Аджмирская, называемая еще Раджпутаною, а иногда Марваромъ. Длина ея отъ сѣвера къ югу сто двадцать шесть миль, ширина—семьдесятъ двѣ. Поверхность вообще ровна, и почва песчана. Видъ нѣкоторыхъ ея округовъ ужасенъ: пустыня, и больше ничего. На сѣверъ и на западъ отъ Рена начинаются безплодныя и необитаемыя части ея. Пустыня Тарръ крайняя къ западу; Г. Бёрнсъ посѣтилъ въ 1828 году маленькій округъ Паркаръ, образующій оазисъ и ограждаемый цѣпями холмовъ: съ одной стороны, отъ песчаныхъ наносовъ, съ другой—отъ наводненій Рена.

Степь тянется къ сѣверу. По ней проложены дороги черезъ долины и холмы; пригорки ея имѣютъ сходство съ песчаными наносами, производимыми вѣтромъ на берегахъ моря; только они гораздо выше, простираясь отъ двадцати до ста футовъ, и болѣе. По словамъ жителей, они измѣняютъ положеніе и видъ свой, смотря по направленію вѣтра. Лѣтомъ страшно проѣзжать этой частью степи по причинѣ вихрей горячаго песку; зимою для путешественника менѣе опасности. Здѣсь попадаются колючіе кусты и трава особаго рода, такъ что мѣстами видны клочки зелени.

Иногда, середи пригорковъ, вы видите жалкія деревушки, съ соломенными избами, низкими, островерхими и окруженными изгородой сухаго терновника. Поля стелются около этихъ бѣдныхъ хижинъ и ожидаютъ росъ и періодическихъ дождей, увлажающихъ бухарское просо и овощи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ роютъ колодези часто до трехъ сотъ футовъ глубины и только на три фута въ поперечникѣ; они обложены камнемъ; вода, которую достаютъ изъ нихъ, солона, вредна для здоровья и получается въ маломъ количествѣ. Миражъ въ этихъ раскаленныхъ и безплодныхъ пескахъ дѣло обыкновенное.

Подаваясь къ сѣверу, путешественникъ достигаетъ почвы глинистой и крѣпкой, звучащей подъ конскими копытами, вовсе лишенной прозябенія и гдѣ, за исключеніемъ крѣпостцы поблизости пруда, нѣтъ ни жителей, ни воды для утоленія жажды; между тѣмъ это дорога, по которой часто ходятъ караваны. Но степь изчезаетъ вдругъ неожиданно, и передъ вами земля, хорошо увлаженная и воздѣлываемая.

Къ востоку, степь непримѣтно сливается съ Делгійскою областью; на западъ, она идетъ за Раджпутану.

Она видимо распространяется далѣе и далѣе, несмотря на то, что подвержена вліянію періодическихъ дождей, ежегодно изливающихъ на алчную поверхность ея цѣлый потопъ, но не надолго. Рѣками орошается только южная часть ея, гдѣ, равно какъ въ гористыхъ полосахъ есть деревья, укрывающія жителей отъ зноя солнечныхъ лучей. Тамъ не только строятъ домы, но и крыши дѣлаютъ изъ камня; если жъ кровля

мховая, то утверждается на переплетахъ изъ травяной рогожи.

Почва во всей области солончата; много потоковъ и прудовъ съ соляною водой; селитра вездѣ почти самородная. Не смотря на всѣ эти обстоятельства, неблагопріятныя для земледѣлія, замѣчено, что въ обыкновенные годы, цѣна на хлѣбъ въ Аджмирѣ измѣняется изъ года въ годъ не болѣе того, какъ въ Бенгалѣ, который такъ справедливо славится своимъ плодородіемъ, и гдѣ, передъ жатвой, сарацинское пшено постоянно возвышается до цѣны, разорительной для бѣднаго.

Население состоитъ изъ Джатовъ и Раджпутовъ: первые малорослы, черны и очень дурны; вторые высоки, прекрасны собою, но отличаются надменностью въ пріемахъ и крайней безпечностью. Они обладатели страны, раздѣленной на нѣсколько мелкихъ владѣній. Никогда Аджмиръ не былъ вполнѣ покоренъ Могольскою имперіей, хотя часть его была присоединена къ ней и платила ей дань: мятежи вспыхивали безпрестанно. По паденіи этой имперіи, владѣтели Аджмира, ставъ по прежнему совершенно независимыми, не прекращали междоусобій ни на одинъ мигъ. Маратты воспользовались ихъ внутренними раздорами и овладѣли частію края; тогда эти мелкіе князья вступили подъ защиту Великобританіи. Каждый изъ нихъ живетъ въ столицѣ своего княжества. Государственное устройство всѣхъ этихъ маленькихъ державъ напоминаетъ общественную систему Средняго Времени; каждая округа, каждый городъ, даже каждое село управляется начальникомъ, пріемлющимъ санъ *такура* (господина), и часто не ставитъ ни во что пове-

лѣніе того, кто величаетъ себя именемъ его властителя. «Нравы ихъ, говоритъ Жакмонъ, чрезвычайно схожи съ рыцарскими нравами феодальной Франціи.»

Нынѣ, эти владѣнія составляютъ союзъ и живутъ въ мирѣ. Главные города въ нихъ Биканиръ, Джесельмиръ, Джейпуръ, Джудпуръ и Одейпуръ. Англичанамъ принадлежитъ Аджмиръ съ его округомъ; они имѣютъ тамъ гарнизонъ, достаточный для защиты края отъ враговъ его и для удержанія Раджпутовъ отъ мятежей и войнъ междоусобныхъ.

Геберъ и Жакмонъ оба видѣли восточную часть Раджпутаны.

Геберъ, на пути изъ Агры, проѣхалъ во первыхъ чрезъ владѣнія раджи Бертпурскаго, о которомъ онъ слышалъ много добра, и который выслалъ министра своего къ нему на встрѣчу. «Здѣшній край, говоритъ онъ, хотя и безлѣсенъ, однако жъ въ немъ разбросано болѣе деревъ, нежели сколько я видѣлъ въ теченіе послѣднихъ дней моего путешествія; и не смотря на то, что почва песчана и поливается только колодезною водой, это одна изъ наилучше воздѣланныхъ, одна изъ самыхъ зеленѣющихъ странъ, какія мнѣ довелось видѣть въ Индіи: вода проведена въ поля канавками. Все обнаруживало довольство и безопасность; народонаселеніе не казалось значительнымъ, но и малое число деревень, которыми я проѣзжалъ, были лучше видѣнныхъ мною въ земляхъ Остъ-Индской компаніи.» Почтенный прелатъ остановился потомъ въ деревнѣ Фарсѣ, лежащей на скатахъ хрящеватаго

холма, подъ которымъ простиралась песчаная ложбина. «По мнѣ сказывали, говоритъ онъ, что въ дождливую пору здѣсь течетъ значительный ручей. Въ селеніи есть укрѣпленный зáмокъ, принадлежащій раджѣ; онъ теперь пустъ и въ развалинахъ; но архитектура вовсе не дурна, и окружающій его дворъ украшенъ рядомъ прекрасныхъ каменныхъ портиковъ, окраяющихъ внутренность землянаго вала.

«Вечеромъ мы пошли гулять на ближнія поля, почти всѣ покрытыя славными всходами еще зеленой пшеницы. А почва между тѣмъ чистый песокъ; но на Индѣйскомъ солнцѣ и песокъ оплодотворяется поливкою. Туземцы до того проникнуты этой истиной, что, не взирая на недавніе дожди, они вездѣ работали на волахъ у колесъ своихъ колодезей, таская воду для наполненія *гуловъ*, или канавъ. Этотъ утомительный трудъ долженъ стоить и немалыхъ издержекъ; но они вознаграждаются за все благонадежнымъ видомъ полей своихъ. Я замѣтилъ, что люди, наполнявшіе канавы, имѣли при себѣ копья, воткнутыя въ землѣ. Я спросилъ, для чего нужна такая предосторожность; мнѣ отвѣчали, что теперь наслаждаются миромъ и бояться нечего, но что обычай этотъ возникъ въ смутныя времена, и что лучше сохранять его, дабы они не воротились. Дорожные разумѣется всѣ вооружены, но поселяне вообще не отличаются тѣмъ воинственнымъ видомъ, какимъ Аудскіе. Я прежде слыхалъ совсѣмъ противные отзывы о жителяхъ здѣшней стороны; впрочемъ десятилѣтняго мира достаточно для произведенія столь

сильной перемѣны въ ихъ привычкахъ и наклонностяхъ.

«Я видалъ много павлиновъ и зеленоватыхъ голубей, которыхъ очень много въ здѣшнемъ краѣ. Всѣ эти птицы были такъ же ручны, какъ наша домашняя живность, и едва сторонились съ дороги, чтобы пропустить насъ; онѣ великолѣпно украшаютъ собою эту сторону.

«Джатскія женщины, кажется мнѣ, выше и сильнѣе видѣнныхъ мною въ областяхъ, гдѣ проѣзжалъ я прежде; всѣ онѣ въ красныхъ плащахъ, изъ ткани, похожей на шалевую, что гораздо красивѣе той грязной и грубой холстинки, въ какую завертываются Бенгальскія и Дуабскія женщины.

«Близость Уара возвѣщаютъ безподобныя рощи; каждый клокъ пахатной земли обсаженъ деревьями. Это большой городъ, окруженный глиняною стѣной. Объѣзжая вокругъ укрѣпленій на пути въ мой таборъ, я миновалъ избушки, обитаемыя *чамарами* (кожевниками) и другими Гиндусами низшихъ классовъ, занимающихся ремеслами, которыя слывутъ нечистыми у ихъ единоземцевъ; поэтому ихъ отнюдь не пускаютъ въ города, наравнѣ съ прокаженными. Всегда найдете много Цыганъ между этимъ смѣшаннымъ и отверженнымъ народомъ, обыкновенно столько же безнравственнымъ, сколько уничиженнымъ и несчастнымъ.

«Мора, порубежное мѣсто княжества Джейпурскаго, заключаетъ въ себѣ большую глиняную цитадель съ шестью бастіонами, а на пригоркѣ, растояніемъ около двухъ Англійскихъ миль, былъ прежде другой замокъ, болѣе значительный. Мы находились въ такомъ краѣ,

гдѣ, до послѣдней поры, укрѣпленіе было столь же необходимо земледѣльцу, какъ житница въ Англіи. Правда, что набѣги Пиндаріійцевъ не часто простирались до того мѣста, гдѣ мы были; однако жъ они оставили по себѣ память. Мужество, которымъ славятся Джаты, частію предохранило ихъ отъ ужасовъ, постигшихъ слабое и несогласное племя Раджпутовъ; а теперь, даже въ самомъ Джейпурѣ, каждая семья можетъ спать покойно и въ безопасности отъ всякаго насилія и убійствъ. Но бытъ общественный еще такъ худо устроенъ, что для защиты головы своей всякъ долженъ преимущественно надѣяться на свою саблю, а угонъ скота или грабежъ едва считается за преступленіе.»

Вершины всѣхъ высотъ того края, которымъ ѣхалъ Геберъ, были покрыты зáмками; въ одинъ день онъ насчиталъ ихъ не менѣе семи. Горно-каменная порода — гранитная, ее было видно сквозь песокъ и вялую траву. Земля становилась все безплоднѣе, горы все круче и выше. Джейпуръ, лежащій на обширной равнинѣ, великъ и защищается высокими зубчатыми стѣнами и башнями; укрѣпленія его, живописныя до чрезвычайности, могутъ служить только скудною защитой. Деревья, съ которыми перемѣшаны городскіе домы, и сады, разбросанные за городомъ наперекоръ безплодію почвы, производятъ безподобный эффектъ. Вода добывается въ небольшой глубинѣ, а съ ея помощію въ здѣшнемъ климатѣ успѣваютъ придавать довольно плодоносія землѣ, самой неблагопріятной для воздѣлки.

«Городъ, продолжаетъ путешественникъ, вообще правильный и замѣчателенъ тѣмъ, что выстроенъ весь по одному плану государя Джая-Синя. Монархъ этотъ знаменитъ въ Индіи по астрономическимъ его познаніямъ. Онъ велѣлъ устроить обсерваторіи въ Джейпурѣ и другихъ городахъ. Домы, по большей части, о двухъ ярусахъ, но есть и о трехъ и о четырехъ, съ изукрашенными окнами и балконами, часто хорошей рѣзной работы: они каменные и одѣты прекрасной штукатуркою подъ мраморъ; многочисленные храмы похожи на Бенарескіе. Красивая башня, въ двѣсти футовъ вышиною, стоитъ подлѣ дворца, занимающаго съ садами своими болѣе шестой части всего города. Фасадъ у него семи-этажный, но верхніе ярусы у́же другихъ; архитектурою своей изображаетъ онъ хвостъ павлиній: цвѣтныя стекла оконъ похожи на пестрыя перья этой птицы. Внутри, вмѣсто лѣстницъ, сдѣланы отлогіе помосты, по которымъ весьма легко всходить; покои низки и темны, но отличаются богатыми украшеніями и живописью. Городъ довольно чистъ, и хотя многіе домы въ упадкѣ, здѣсь считается однако до шестидесяти тысячъ душъ.»

Близъ самаго Джейпура, Геберъ посѣтилъ прежнюю столицу Амбиръ; дворецъ въ ней огромнѣйшій; онъ заключаетъ въ себѣ большія и великолѣпныя зданія и храмы. Геберъ сравниваетъ его въ отношеніи къ отдѣлкѣ съ Таджмагаломъ Агрскимъ.

Седьмаго февраля, Геберъ подъѣзжалъ къ Аджмиру. «Край, говоритъ онъ, былъ безплоденъ какъ и прежде, но гористѣе; купы колючихъ деревъ и кактусовыхъ кустарниковъ мѣстами прерывали его однообра-

зіе. Значительное число верблюдовъ паслось на поляхъ. При первомъ взглядѣ на Аджмиръ, я увидѣлъ, что обманулся въ ожиданіи: думалъ, передо мной откроется большой городъ, а напротивъ, онъ очень невеликъ, только хорошо выстроенъ на горномъ скатѣ. Домы почти всѣ бѣленые; окрестные утесы одѣты колючими деревьями и кустарникомъ, прикрывающимъ наготу ихъ, и выставляющимъ въ полной красѣ маленькія мечети и гробницы мусульманскія, которыя лежатъ въ развалинахъ вокругъ стѣнъ священнаго города. На вершинѣ горы видна замѣчательная крѣпость Тарагаръ, которой окружность простирается до двухъ Англійскихъ миль безъ малаго, но которая, по неправильности своей формы и мѣстоположенія, не можетъ вмѣщать болѣе тысячи двухъ сотъ человѣкъ. При всемъ томъ, это превосходный военный пунктъ во многихъ отношеніяхъ: утесъ почти нигдѣ не приступенъ, и цитадель обильно снабжается водой во всякое время года изъ водоемовъ и чистернъ, пробитыхъ въ самой скалѣ. Всѣ строенія могутъ выдержать бомбардировку, и легко было бы сдѣлать изъ нея другой Гибральтаръ ;но политика Британскаго провительства въ Индіи опирается не на крѣпости, а потому и здѣшнія работы предоставлены разрушенію.

«Главная прелесть Аджмира на глаза мусульманъ состоитъ въ гробѣ шейка Хаджи Мауддина, знаменитаго святостью и прославляемаго въ цѣлой Индіи за свои чудеса. Множество богомольцевъ, которыхъ мы встрѣчали въ послѣдніе три или четыре дня, доказываетъ, что уваженіе къ святынѣ ни сколько не умалилось; набожные люди въ Мальвахѣ, побывавъ на гробницѣ шехай

часто приносятъ съ собой вынутые оттуда камни и ставятъ ихъ у своихъ домовъ. Уже и это сообщаетъ имъ нѣкоторый родъ святости и дѣлаетъ ихъ предметомъ богомольства.

«Государи Деглійскіе благопріятствовали Аджмиру разными способами и особенно тѣмъ, что велѣли заперетъ повыше города устье одной обширной долины, куда провели нѣсколько маленькихъ ручьевъ. Такъ образовалось великолѣпное прѣсное озеро, около четырехъ Англійскихъ миль въ окружности, а въ дождливую пору и до шести миль. Въ это время года, одного озера было бы достаточно для угобженія всего околотка; сверхъ того, оно даетъ славную воду, рыбы въ немъ множество, и даже суда могли бы ходить по немъ, да только ихъ нѣтъ.

«Дорога въ Нессирабадъ, на четырнадцать Англійскихъ миль отъ Аджмира, идетъ чрезъ песчаную, каменистую равнину, лежащую между горъ, которыя были бы живописны если бъ не печально-пустынный видъ ближайшихъ мѣстъ. Далѣе пригорки становятся выше; раздѣляющіе ихъ удолы и каменистыя равнины заняты маленькимъ народцемъ, Мхаирами, которые, причисляя себя къ мусульманамъ, не уважаютъ ни какой религіи и преданы грабежу. Войскамъ нашимъ стоило большаго труда укротить ихъ. Они сдались только въ увѣренности, что ихъ будутъ защищать отъ низовыхъ сосѣдей, и что земли ихъ не подвергнутся ни какимъ податямъ. Къ великому удовольствію этихъ людей, изъ среды ихъ набрали отрядъ легкаго войска, который всегда оказывалъ себя

мужественнымъ и вѣрнымъ. Полагаютъ, что Мхаиры одноплеменны съ Билями, которые тоже горцы.

По словамъ Жакмона, Аджмиръ самый красивый городъ, какіе онъ видалъ въ равнинахъ. Онъ съѣздилъ оттуда въ Беауръ, столицу Мхаирварры; этотъ гористый край населенъ племенемъ, искони не имѣвшимъ инаго промысла, кромѣ разбоя въ сосѣднихъ равнинахъ Марвара и Мевара, и въ послѣдніе десять лѣтъ чудесно обращеннымъ къ порядку и благоустройству. Впрочемъ, свободою пользуется одинъ мужескій полъ, а женщины по-прежнему покупаются: отецъ торгуетъ дочерьми, сынъ продаетъ мать. Безчестье для женщинъ только въ томъ, если онѣ не идутъ съ рукъ, или идутъ, да худо.

«Я видѣлъ, говоритъ онъ далѣе, народъ воровъ и убійцъ, превращенный теперь въ промышленыхъ и мирныхъ пастуховъ и земледѣльцевъ. Ни одинъ Раджпутскій князь, ни одинъ Монгольскій императоръ, нэ могли усмирить эту вольницу; лѣтъ за четырнадцать надобно было все начать у нихъ вновь, и вотъ уже лѣтъ шесть—семь, какъ все сдѣлано. Одинъ единый человѣкъ сотворилъ это неслыханное диво цивилизаціи; этотъ человѣкъ, былъ маіоръ Голль (Hall). Онъ совершилъ такой чудесный опытъ гражданскаго образованія, не погубивъ ровно ни одной души. Онъ только захватилъ самыхъ буйныхъ, и заперъ ихъ или послалъ работать въ цѣпяхъ на большихъ дорогахъ. Изъ тѣхъ, которые съ давнихъ поръ жили оружіемъ, но не провинились въ жестокостяхъ напрасныхъ, онъ сдѣлалъ добрыхъ солдатъ; въ этомъ званіи они стали блюстителями своихъ прежнихъ то-

варищей и, не рѣдко, старшинъ, а остальные принялися за земледѣльческія работы. Избіеніе дѣтей женскаго пола вообще господствовало у Мхаировъ, равно какъ и во всей Раджпутанѣ. Теперь мальчики и дѣвочки умираютъ въ одинаковомъ числѣ, — доказательство, что этотъ варварскій обычай покинутъ. Между тѣмъ, едва ли кто-нибудь былъ наказанъ при этомъ случаѣ: маіоръ Голль, вмѣсто того, чтобъ брать строгія мѣры противъ виновныхъ, старался искоренить причину зла: онъ сдѣлалъ его безполезнымъ, даже вреднымъ для самихъ преступниковъ, и оно никогда болѣе не являлось.»

ГЛАВА LV.

Гиндустан: Мельвах, Земли Голькар и Синдія; Сейки, подвластные Англичанам.

На юг от Аджмира и к западу от Гуджрата простирается древняя область Мельвах, которой названіе значит по-Санскритски край гористый. Эта земля разделена ныне между Маратскими княжествами, Голькаром и Синдіею, которым принадлежит большая ея часть, между Раджпутами, которые владеют некоторыми из северозападных округов, раджею Бопальским. Бендельхендскими князьями и наконец Англичанами, за которыми остались восточные края.

Мельвах есть плоскость, которой средняя высота простирается до трехсот тридцати четырех тоазов, и которую, в южной полосе ея, пересекают от востока к западу Виндійскія горы, образующія рубеж между водами, текущими к заливу Бенгальскому, и между теми, которыя впадают в Оманское море; на восток примыкают они к горам Гандуанским и пускают отрог к северу, отделяющій притоки Джемны от рек, идущих в заливы Камбей и Коч. Высота главной вершины, с Мендуйской * стороны, составляет четыреста тридцать восемь тоазов.

* Менду—город, о котором будет говорено ниже.

Температура вообще умѣренна, и воздухъ благорастворенъ; іюнь, іюль, августъ и сентябрь—дождливые мѣсяцы; въ жаркое время года, знойные вѣтры, дующіе съ сѣвера и запада, не сильны и непродолжительны. Почва извѣстна своимъ плодоносіемъ, и опіумъ, который на ней родится, слыветъ лучшимъ въ торговлѣ; между всѣми табаками Индѣйскими первенствуетъ тотъ, который собираютъ въ округѣ Бильсы.

Главныя рѣки: Чембуль, Большая и Малая Кали-Сьяди, Пербатти, впадающія въ Джемну; Нербеда и Маги, текущія въ Камбейскій заливъ. Одна Нербеда судоходна; но въ дождливую пору, всѣ эти рѣки выступаютъ изъ береговъ. Истоки Чембуля и Маги въ горахъ Виндійскихъ, и одинъ отъ другаго невдалекѣ.

Били живутъ преимущественно въ горахъ, прилежащихъ къ Нербедѣ: они небольшаго роста, но рѣшительнаго характера. «Этотъ народъ, по свидѣтельству Жакмона, обратилъ разбой въ ремесло. Ихъ Маратскіе государи не въ силахъ были съ ними ладить; но съ 1820 года, или около, Англичане взялись управлять ихъ краемъ, предоставляя доходы въ пользу Мараттскаго владѣтеля, и успѣли уже произвести великую и благотворную перемѣну въ нравахъ этого дикаго народа.»

Княжество Бопалъ, лежащее къ югу отъ Мельваха, край чрезвычайно гористый, откуда вытекаетъ много значительныхъ рѣкъ, и гдѣ жили Пиндарріійцы, распространившіеся потомъ и въ остальной части этой страны. То была шайка разбойниковъ, всѣхъ

возможныхъ вѣроученій, которая вскорѣ усилилась отставными и бѣглыми солдатами, побродягами, недовольными, преступниками, ускользнувшими отъ руки правосудія,—усилилась, и всюду распространила ужасъ. Они стали такъ могущественны, что значительно помогали Мараттамъ. Въ 1761 году они сражались вмѣстѣ съ ними въ Паннипатѣ, на равнинахъ Дуаба. Англичанамъ удалось наконецъ положить конецъ ихъ грабительству.

Бенделькендъ лежитъ отчасти въ прежней области Аллахабадской, отчасти въ Мельвахѣ; онъ прорѣзанъ цѣпью горъ Виндійскихъ и Кимурскихъ, которыя, возвышаясь уступами, поддерживаютъ нагорную плоскость; гребни нижняго хребта равняются высотой съ нагорной плоскостью Мельваха; далѣе идутъ Паннахскія Гаты, за ними горы Бендаирскія.

Главныя рѣки: Кенъ, Десанъ и Бетва; рука человѣческая устроила здѣсь обширные водоемы, означаемые именемъ озеръ. Деревьевъ мало; за то разрабатывается желѣзная руда, а на возвышенной плоскости, близъ Паннаха, алмазные пріиски. Они принадлежатъ князю Паннахскому и Англійскому правительству. Нѣкогда были они очень прибыльны; нынѣ совсѣмъ другое дѣло; однако жъ и теперь доставляютъ иногда изрядные камни.

Эндоръ, на обширномъ полѣ, въ семидесяти пяти миляхъ къ сѣверовостоку отъ Сюрата и на высотѣ двухъ тысячъ футовъ отъ морскаго уровня, столица Голькарской области, состоящей изъ трехъ отдѣльныхъ частей. Вся поверхность ихъ простирается до двухъ тысячь семи сотъ миль квадратныхъ, а народо-

населеніе до милліона двухъ сотъ тысячъ душъ. Доходъ владѣтельнаго князя составляетъ около шести милліоновъ франковъ.

Древній городъ Эндоръ истребленъ огнемъ во время войны между Синдіею и Голькаромъ въ 1801 году; нынѣшній выстроенъ почти совершенно вновь и съ 1818 года распространился такъ быстро, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ число жителей возрасло до девяноста тысячъ. То было весьма рѣдкимъ зрѣлищемъ въ Индіи, когда цѣлыя улицы составились вдругъ изъ новыхъ домовъ, строившихся вездѣ съ удивительной быстротою. При всемъ томъ, городъ довольно некрасивъ и худо выстроенъ, и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ зданій въ предмѣстьяхъ, тутъ видно весьма мало хорошаго.

Менду, въ четырнадцати миляхъ къ югозападу отъ Эндора, былъ первоначально столицею одного Индѣйскаго княжества и потомъ Хиллигійцевъ, магометанскихъ государей Мельваха. Подъ правленіемъ ихъ онъ пришелъ въ весьма цвѣтущее состояніе; съ предмѣстіями и садами имѣлъ онъ болѣе семи миль въ окружности, и назывался Шадіабадомъ. Нынѣ, это—обширное пространство, наполненное развалинами; когда Англійскій путешественникъ Ро (Roe) посѣтилъ его въ 1615 году, Менду уже много утратилъ прежняго своего величія.

Еще видны остатки стѣнъ его, и теперь достойны удивленія дворецъ Базъ - Бабадуръ, построенный на высотѣ Джегазъ - ка - Махадъ, лежащій на нѣкотораго рода перешейкѣ, между двумя обширными водоемами, наконецъ большая мечеть, и по ве-

личинѣ, и по красѣ первая въ Гиндустанѣ. Слишкомъ за сто лѣтъ до занятія Мельваха Британскими войсками, Менду былъ повидимому предоставленъ тиграмъ и шайкамъ Билей, которыя въ немъ укрывались и хоронили въ его зданіяхъ все добытое грабежемъ. Они были наконецъ изгнаны; но до 1820 года, постоянное населеніе составляли только немногіе покаянники изъ Гиндусовъ.

Жакмонъ отправился изъ Эндора въ Менду. По словамъ его, «эти необъятныя и малоизвѣстныя развалины лежатъ на краю возвышенной плоскости, поддерживаемой Виндійскими горами. Жаръ, продолжаетъ онъ, сдѣлался нестерпимъ. Я спустился оттуда въ Мейсуръ, на берегу Нербеды, и вотъ уже трои сутки, что я въ Мёндельсирѣ (Mundlesir). Хотя это одно изъ самыхъ знойныхъ мѣстъ въ Индіи, я здѣсь отдыхаю. Край этотъ, отличающійся совсѣмъ особымъ геологическимъ строеніемъ, имѣетъ также и необыкновенную поверхность, не походя вообще ни на одну изъ Индѣйскихъ странъ, видѣнныхъ мною прежде. Нербеда имѣетъ красоту своеобразную, какой не замѣчалъ я ни въ одной другой рѣкѣ: она странна до чрезвычайности!»

Мёндельсиръ маленькій городокъ, по положеніе его на военной дорогѣ изъ Сѣвернаго Гиндустана въ Деканъ побудило Англійское правительство учредить тамъ постъ военный. На каменистомъ пригоркѣ, въ одной милѣ къ сѣверу, видно нѣсколько групъ базальтовыхъ колоннъ, подымающихся на четыре или на пять футовъ отъ земли.

Уджейнъ, въ двѣнадцати миляхъ къ сѣверу отъ Эндора, на правомъ берегу Сипры, есть столица Синдійскаго государства. Новый городъ почти на одну Англійскую милю отъ стараго, представляющаго обширное поле развалинъ. Въ числѣ древнихъ дворцевъ его, замѣчательна такъ называемая пещера раджи Биртея. Это огромное кирпичное зданіе, окруженное необъятными принадлежностями, которыя украшены колоннами, ваяніемъ и рѣзьбой. По одному изъ тѣхъ народныхъ преданій, какія встрѣчаются нерѣдко и въ другихъ мѣстахъ, подземный ходъ ведетъ отъ этого памятника съ одной стороны въ Гердоверу, съ другой въ Бенаресъ. Всѣ путешественники говорятъ съ какимъ-то восхищеніемъ объ *Калидехѣ*, или водяномъ дворцѣ, построенномъ на островѣ. Онъ замѣчателенъ своей странною архитектурой, обширностью, прочностью, и своими гидравлическими постройками, посредствомъ которыхъ вода ниспадаетъ въ тысячѣ различныхъ видовъ, разливая свѣжесть и прохладу въ самые сильные жары.

Новый городъ, одинъ изъ наилучше выстроенныхъ въ цѣлой Индіи, заключаетъ въ себѣ прекрасные храмы и дворцы великолѣпные; нѣкоторые изъ нихъ украшены изваяніями, которыхъ утонченность и отдѣлка превозносится даже Европейцами. Уджейнъ знаменитъ въ здѣшнихъ краяхъ училищами и обсерваторіей, чрезъ которую Индѣйскіе географы проводятъ свой первый меридіанъ. Городъ почитается священнымъ. Число жителей полагаютъ до ста тысячъ человѣкъ. Торговля съ Бенгаломъ очень дѣятельна.

Гуаморъ, на девяносто миль къ сѣверо-сѣверо-западу отъ Уджейна и на двадцать четыре къ югу отъ Агры, мѣсто пребыванія Синдійскаго владѣтеля. Онъ построенъ на восточномъ скатѣ холма, у самаго берега Сунрики, среди необозримой равнины, окруженной сланцеватыми пригорками, на которыхъ не растетъ ни былины. Въ немъ считается около осьмидесяти тысячъ душъ.

На вершинѣ холма, въ трехстахъ пяти футахъ надъ равниной, стоитъ цитадель, долго слывшая неприступною, и служившая, во времена Могольскихъ императоровъ, государственною темницей. Туда всходятъ не иначе, какъ по лѣстницѣ, изсѣченной въ скалѣ, и защищаемой бастіонами. Въ ней есть природныя чистерны, всегда наполненныя славною водой, и обработанныя поля, удовлетворяющія потребностямъ гарнизона; самый городъ и весь холмъ обведены оградою (*Л.* XXXVII—2).

Синдійское государство простирается въ областяхъ Мельвахъ, Агрѣ и Кандейхѣ. Поверхность его составляетъ пять тысячь двѣсти квадратныхъ миль, а населеніе четыре милліона. Доходовъ полагаютъ до 25,000,000 франковъ. Войско состоитъ изъ двадцати тысячъ человѣкъ. Синдія и Голькаръ теперь могущественнѣйшіе изъ Мараттскихъ владѣтелей; земли ихъ, которыя были прежде гораздо обширнѣе, урѣзаны Англичанами. Маратты, населяющіе Мельвахъ и смежныя области, начали играть важную роль съ 1660 года, подъ предводительствомъ начальника своего Севаджи, котораго императоры Монгольскіе не могли усмирить. При наслѣдникахъ его, королевство раздробилось на части. Не смотря на то, Маратты

принимали участіе во всѣхъ войнахъ и обладали столицею Могольской имперіи до тѣхъ поръ, пока не вытѣснили ихъ Англичане.

Земля въ девять сотъ квадратныхъ миль, принадлежавшая прежде къ Делійской области, предоставлена Британскимъ правительствомъ тѣмъ изъ Сейковъ, которыхъ начальники платятъ ему дань. Главные города этой земли — Паттіала, на притокѣ рѣки Гагора; Сиргиндъ, нѣкогда процвѣтавшій, а теперь почти весь лежащій въ развалинахъ; Лодіана, на рукавѣ Сетледжа, въ песчаной равнинѣ, подверженной лѣтомъ палящимъ вѣтрамъ, а зимою — довольно холодной. Великобританскія войска имѣютъ здѣсь всегдашній постъ.

Упомянутая нами рѣка Сетледжъ образуетъ у Лодіаны границу владѣній Англо-Остъ-Индской компаніи. Они раздѣлены въ управительномъ отношеніи на четыре президенства, Калькутту, Аллахабадъ, Мадрасъ и Бомбай: Генералъ-губернаторъ живетъ въ Калькуттѣ. Доходы Компаніи простираются до 550, милліоновъ франковъ. Населеніе странъ, которыми она непосредственно обладаетъ, состоитъ изъ осьмидесяти милліоновъ душъ, да въ земляхъ, подвѣдомыхъ ея блюстительству, считается до шестидесяти милліоновъ. Она содержитъ войско въ двѣсти десять тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ только двадцать тысячъ Европейцы; прочіе всѣ туземные солдаты, извѣстные подъ именемъ *Сипаевъ*.

ГЛАВА LVI.

Лагорское Королевство. Сейки. Кашмиръ.

«Почти вся дорога отъ Агры до Дегли и отъ Дегли до Лагора, говоритъ Тавернье, подобна непрерывной аллеѣ, обсаженной съ обѣихъ сторонъ прекрасными деревьями, что̂ весьма пріятно для глазъ; но, къ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть деревья увядшія, и никто не заботится о подсадкѣ.»

Если во дни величія Могольской имперіи, поддержаніе этой прекрасной дороги было такъ пренебрежено, то чего же должно ожидать въ несчастное время, предшествовавшее паденію этой державы, и наступившее послѣ: деревья почти совсѣмъ исчезли и видны только около деревень. «Въ обработанныхъ округахъ, говоритъ Александръ Бёрнсъ (Burnes), ѣхавшій изъ Лодіаны въ Лагоръ, въ декабрѣ 1831 года, край подобенъ необозримому полю: здѣсь не видно даже кустарника, и нивы съ пшеницею простираются на нѣсколько Англійскихъ миль, не прерываясь ни одной изгородой. Почвы не поливаютъ, хотя вода показывается уже въ двадцати шести футахъ глубины. Дрова здѣсь такая рѣдкость, что повсюду замѣняются коровьимъ пометомъ, который просушиваютъ и сгребаютъ въ кучи. Огонь, отъ него получаемый, до того жарокъ, что вовсе нечего жалѣть о недостаткѣ другаго топлива. Страна, лежащая за

побережьемъ Сетледжа, извѣстна подъ именемъ Малуи; она производитъ разные роды зерноваго хлѣба, отправляемые въ Пенджабъ.»

Имя Пенджабъ, означающее въ переводѣ *пятирѣчье*, происходитъ отъ пяти слѣдующихъ рѣкъ, которыя мы перечтемъ отъ востока на западъ: Сетледжъ (Hysudrus), Бейяхъ (Hyphasis), Рави (Hydraotes), Ченабъ (Acesines), Джалемъ (Hydaspes). Древнія имена ихъ, взятыя съ Греческаго, доказываютъ, что онѣ извѣстны были съ давнихъ поръ. Соединеніе ихъ происходитъ слѣдующимъ образомъ: Бейяхъ, принявъ Сетледжъ, течетъ подъ именемъ Горры, и совокупляется съ Ченабомъ, въ который справа впадаетъ Джалемъ, а съ лѣвой стороны Рави, и тогда обѣ рѣки, подъ именемъ Пенджнада, вливаются въ Индъ.

На берегахъ Гифаза (Горры) Александръ Великій остановилъ шествіе свое въ Индію, вынужденный къ тому ропотомъ войскъ. Онъ воздвигнулъ двѣнадцать алтарей колоссальнаго размѣра для означенія предѣла побѣдъ своихъ; Г. Бёрнсъ напрасно отыскивалъ слѣдъ этихъ зданій.

Пенджабъ составляетъ бóльшую часть владѣній *магараджи*, или короля Сейковъ. Къ сѣверовостоку отъ него лежитъ *Кугистанъ* (т. е. гористая область), примыкающій къ Кашмиру, а на югъ онъ сопредѣленъ съ Мультанскою страной. Поверхность всѣхъ этихъ земель въ совокупности простирается до 15,000,000 миль квадратныхъ; населеніе ихъ полагаютъ въ восемь милліоновъ душъ; доходы въ семьдесятъ милліоновъ франковъ.

Сейки суть народъ сѣверозападнаго Гиндустана; настоящая родина ихъ Дуабъ, между Рави и Сетледжемъ; имя ихъ означаетъ *ученикъ*: они приняли его съ шестнадцатаго столѣтія, когда допустили у себя реформу, введенную въ брахманствѣ Баба-Ианекомъ; они безусловно отвергаютъ почитаніе ликовъ и всѣ мелочныя требы, отличающія это вѣроисповѣданіе. Обряды богослуженія ихъ ограничиваются чтеніемъ молитвъ и пѣніемъ гимновъ въ храмахъ; книга закона есть единственная, какая допускается въ эти святилища.

Сначала Сейки составляли только религіозное общество, которое подверглось гоненіямъ. Одинъ изъ старѣйшинъ ихъ умѣлъ присоединить свѣтскую власть къ духовной; онъ велъ войну, и велъ счастливо; число Сейковъ прибыло, они образовали военный отрядъ и, предводимые искусными начальниками, воспользовались смутнымъ временемъ, слѣдовавшимъ за смертью Ауренгзеба, и овладѣли Пенджабскою страной. До начала девятнадцатаго вѣка, они составляли конфедерацію, или областной союзъ. Хитростію и ласкою удалось Ренджитъ-Синю восторжествовать надъ всѣми другими начальниками, и онъ сдѣлался неограниченнымъ монархомъ всѣхъ Сейковъ. Путешественники, Бёрнсъ и Жакмонъ, равно похваляютъ его мужество и человѣколюбіе; онъ достигъ верховной власти безъ пролитія крови своихъ соперниковъ, и не казнилъ даже ни одного злодѣя: преступниковъ ожидало увѣчье, но не смерть. Если Сейкамъ удалось побѣдить Афганцевъ, занять часть владѣній ихъ за Индомъ и покорить себѣ Кашмиръ,

всѣмъ этимъ обязаны они воинскимъ дарованіямъ Ренджитъ-Синя.

Этотъ государь осыпалъ обоихъ путешественниковъ подарками и знаками искренняго расположенія. Онъ не былъ врагомъ удовольствій и, въ нѣкоторомъ отношеніи, могъ назваться чрезвычайнымъ весельчакомъ. «Однажды, говоритъ Жакмонъ, мы сидѣли съ нимъ на прекрасномъ Персидскомъ коврѣ, середи поля, окруженные нѣсколькими тысячьми солдатъ; вдругъ онъ велѣлъ позвать изъ своего гарема пять молодыхъ дѣвушекъ, и, усадивъ ихъ передо мной, спрашивалъ смѣючись, что я объ нихъ думаю. Я чистосердечно отвѣчалъ, что нахожу ихъ очень хорошенькими, но не высказалъ этимъ и десятой доли моего удивленія ихъ красотѣ. Онъ заставилъ ихъ спѣть въ полголоса какую-то Сейкскую пѣсенку, которая понравилась мнѣ отъ ихъ пригожихъ лицъ; Ренджитъ-Синь говорилъ мнѣ, что у него цѣлый полкъ такихъ красавицъ, и что, для забавы, онъ иногда сажаетъ ихъ на коней; старикъ обѣщалъ показать мнѣ одинъ изъ такихъ разводовъ.»

«Разъ вечеромъ, сказываетъ Г. Бёрнсъ, онъ давалъ намъ частную аудіенцію: мы насмотрѣлись на него вдоволь, потому что онъ выслалъ весь свой людъ. Когда мы пришли, онъ сидѣлъ въ креслахъ, окруженный сорока танцовщицами, одѣтыми однообразно въ мужеское платье. Онѣ, по большей части, были родомъ изъ Кашмира или изъ сосѣдственныхъ горъ, и всѣ очень пригожи; платье изъ яркой шелковой ткани пристало имъ удивительнымъ образомъ; колчанъ и лукъ въ рукѣ придавали еще болѣе прелести

ихъ наряду. «Вотъ одинъ изъ *пельтановъ* (полковъ) моихъ, сказалъ намъ Ренджитъ Синь; но онѣ говорятъ, будто это такой полкъ, съ которымъ мнѣ не управиться.» Замѣчаніе его разсмѣшило насъ и чрезвычайно полюбилось красавицамъ.

Англичане давно ожидали смерти Пенджабскаго властителя, удалившей съ поприща единственнаго государя въ Индіи, который былъ дѣйствительно независимъ.

Ренджитъ-Синь былъ сынъ Мага-Синя и внукъ Черетъ-Синя, который изъ простаго разбойника сдѣлался *сердаремъ*, или начальникомъ, одной изъ двѣнадцати общинъ, составлявшихъ военную державу Сейковъ. Черетъ-Синь имѣлъ область, которая давала три лака (около 21,000 рублей серебромъ) доходу. Убитый въ 1774 году, онъ оставилъ сердарство сыну своему Мага-Синю, который распространилъ отцовское наслѣдіе дарованіями и мужествомъ. У Мага-Синя былъ одинъ только сынъ, знаменитый Ренджитъ, который, родясь въ 1780 году, пять лѣтъ спустя былъ сговоренъ на внукѣ Джи Синя, сердаря другой общины Сейковъ. Этотъ союзъ доставилъ Мага-Синю первенство надъ всѣми прочими старшинами, и въ 1792 году онъ могъ уже спокойно передать верховную власть сыну, которому было только двѣнадцать лѣтъ.

О воспитаніи юнаго сердаря прилагалось мало заботы; онъ не умѣлъ ни читать, ни писать. Ему была полная воля предаваться всѣмъ страстямъ и прихотямъ своего возраста; самымъ невиннымъ занятіемъ его была охота. Въ младенчествѣ онъ едва не умеръ

отъ оспы, которая лишила его лѣваго глаза, испортивъ ему лице.

Девятнадцати лѣтъ, Ренджитъ принялъ самъ бразды правленія, и одною изъ первыхъ его мѣръ было, говорятъ, потворство умерщвленію матери, подъ предлогомъ незаконной связи ея съ Дерваномъ.

Въ 1799 году Пенджабъ подвергся нашествію отъ Кабульскаго шаха Зимана. Для юнаго, дѣятельнаго и неразборчиваго на средства Ренджита это было новымъ поводомъ къ распространенію своей власти. Пособивъ шаху Зиману въ отступленіи, онъ выговорилъ себѣ волю занять Лагоръ, который похитилъ у сердарей Сейкскихъ и удержалъ за собой, не смотря ни на какія усилія изгнать его оттуда. Такимъ образомъ онъ мало по малу смирилъ разныхъ мелкихъ владѣтелей магометанскихъ, а въ 1804 году междоусобія Афгановъ привлекли его на ту сторону Рави, гдѣ онъ захватилъ области ихъ, лежащія къ востоку отъ Инда.

Это безпрерывное распространеніе на счетъ другихъ начинало тревожить Сейкскихъ старшинъ, водворенныхъ между Сетледжемъ и Джемною, и въ 1808 году они просили покровительства Англичанъ. Агентъ Остъ-Индской Компаніи, поддерживаемый военнымъ отрядомъ, принудилъ Ренджита отстать отъ феодальныхъ притязаній своихъ на помянутыхъ старшинъ; но тѣмъ же договоромъ Британское правительство обязалось не трогать Ренджитовыхъ земель за Сетледжемъ. Только при одномъ этотъ случаѣ Ренджитъ находился въ войнѣ съ Англичанами, ибо съ свой-

ственнымъ ему благоразуміемъ онъ скоро замѣтилъ, что борьба съ Англійскимъ обученымъ войскомъ для него невыгодна.

Съ тѣхъ поръ онъ занялся устройствомъ арміи по образцу Европейскому, и составилъ регулярные баталіоны, обучаемые перебѣжчиками отъ Англичанъ. Въ 1822 году два Французскіе офицера, Алларъ и Вентура, оставившіе службу въ отечествѣ послѣ сраженія подъ Ватерло, явились въ Пенджабъ для довершенія начатаго дѣла, и имъ-то дисциплина здѣшнихъ войскъ обязана своими успѣхами.

Между тѣмъ возникли смятенія въ Кабулѣ, а Ренджитъ-Синь не дремалъ. Онъ выступилъ въ походъ и занялъ одинъ за другимъ Кашмиръ, Мультанъ и Пешаверъ. Еще въ 1811 году почти всѣ двѣнадцать *мизулей* или общинъ Сейкскихъ соединились подъ властью Ренджита, принявшаго титулъ Пенджабскаго короля. Столица его сдѣлалась убѣжищемъ двухъ Кабульскихъ владѣтелей; одинъ изъ нихъ, нынѣшній шахъ Шужа-уль-Мулькъ, лишился всѣхъ своихъ драгоцѣнностей, въ томъ числѣ и знаменитаго алмаза *кохъ-и-нура*, или горы свѣта, величиною въ полъ-куринаго яйца.

Въ послѣдніе годы Ренджитъ ограничилъ честолюбіе мудрымъ стараніемъ упрочивать свое могущество, улучшать вооруженіе и выправку войскъ и приумножать свои несмѣтныя сокровища. Владѣнія его простирались отъ Сетледжа до Инда и отъ Кашмира до Мультана.

Ренджитъ-Синь умеръ $\frac{15}{27}$ Іюня 1839 г. отъ водяной болѣзни, которая могла быть слѣдствіемъ его неумѣренности въ питьѣ. Онъ оставилъ по себѣ сына Кер-

рекъ-Синя, который хотя и зрѣлыхъ лѣтъ, однако жъ, какъ говорятъ, не способенъ править государствомъ по скудоумію и невѣжеству. Пріемышъ Ренджита, Ширъ-Синь, родившійся въ 1806 году, человѣкъ съ мужественнымъ и сильнымъ характеромъ; онъ притомъ образованъ и любимъ войсками, только не отличается чистотою нравовъ. Другой усыновленникъ мага-раджи, Кушаль-Синь, — Гиндусъ низкаго происхожденія, обратившійся въ секту Сейковъ, а прежде былъ онъ поваромъ.

Сообщимъ нѣсколько характеристическихъ подробностей о смерти и погребеніи Ренджита, подробностей, заимствованныхъ изъ *Азіатскаго Журнала*, издаваемаго въ Англіи.

Только на самомъ краю могилы знаменитый мага-раджа согласился принять пособіе Англійскаго врача. Въ теченіе нѣсколькихъ дней ему было лучше, но вскорѣ болѣзнь снова усилилась. Тьма народа, привлеченнаго щедрыми дарами, какіе сыпалъ онъ богомольцамъ, стеклась изъ сосѣднихъ областей просить боговъ о выздоровленіи государя. Ренджитъ, чувствуя близкій конецъ, хотѣлъ употребить во благо свои сокровища, и преклонить къ участію въ судьбѣ своей не только окружающихъ, но и самое небо. Онъ отправилъ во всѣ храмы Индѣйскіе, въ Джейеръ и въ Джаггернотъ, богатыя милостыни: сто коровъ съ вызолоченными рогами, сто разукрашенныхъ лошадей, четыре слона съ серебряными и золотыми *годахами*, золотой стулъ и золотую кровать, тяжелую столовую посуду, жемчужныя ожерелья, сабли, ружья, щиты и всякаго рода утварь и драгоцѣнное оружіе. Чѣмъ болѣе онъ отчаявался въ вы-

здоровленіи, тѣмъ щедрѣе былъ на раздачу сокровищъ. Разсчитываютъ, что въ день смерти раздарилъ онъ на сумму около двадцати пяти милліоновъ рублей. Министры и законный наслѣдникъ *кунверъ* Керрекъ-Синь плакали надъ изголовьемъ умирающаго, приговаривая: «что съ нами будетъ?» Жалобы ихъ тронули магараджу: онъ не могъ воздержаться отъ слезъ. Потомъ спросилъ драгоцѣнный алмазъ *кохъ-и-нуръ* и хотѣлъ присоединить его къ другимъ дарамъ въ пользу брахмановъ. Раджи отсовѣтывали ему это, говоря, что алмазъ, равноцѣнный доходамъ цѣлой Индіи, будетъ безполезенъ для брахмановъ, которые никогда не найдутъ для него покупщика. Однако же знаменитый камень завѣщанъ въ Джаггернотскій храмъ для украшенія Индѣйскаго кумира. Такимъ образомъ Ренджитъ продолжалъ до вечера раздавать свои богатства умирающею рукой, въ которой врачи его безпрестанно осязали пульсъ, становившійся менѣе и менѣе ощутительнымъ. Наконецъ онъ испустилъ духъ, вручая пендиту (князю) Мендсудену жемчужное ожерелье, полученное имъ въ послѣднее время отъ генералъ-губернатора Индіи.

«Когда смерть мага-раджи сдѣлалась извѣстною, говоритъ придворный бюллетень, жены (*рани*), кунверъ Керрекъ-Синь, раджа Дгіанъ-Синь, джигмедаръ Кушаль-Синь и другіе, подняли вопли и рыданія, рвали на себѣ волосы, осыпали голову прахомъ, валялись по землѣ и отчаянно бились челомъ объ стѣну. Это печальное зрѣлище продолжалось цѣлую ночь. Покойнаго не покидали ни на минуту. По временамъ, останавливали глаза на неподвижномъ тѣлѣ,

и вопли раздавались пуще прежняго. Велѣно было запереть крѣпостныя ворота, а лавки были отперты на другой же день по приказанію кунвера Керрека который не хотѣлъ ни какой остановки въ дѣлахъ. Между тѣмъ раджа Дгіанъ-Синь заказалъ гробъ изъ сандальнаго дерева, украшенный золотыми цвѣтами, и объявилъ, что хочетъ погибнуть въ огнѣ, который долженъ истребить мага-раджу; но сердари и самъ кунверъ бросили чалмы къ ногамъ его, прося не покидать дѣлъ государственныхъ. Надобно было умолять раджу нѣсколько часовъ, чтобы преклонить его къ жизни, и то онъ согласился съ тѣмъ условіемъ, чтобъ черезъ годъ удалиться отшельникомъ въ Бенарессъ. Четыре жены подошли къ тѣлу съ плачемъ, но въ твердой рѣшимости сгорѣть съ супругомъ на кострѣ. Напрасно кунверъ Керрекъ-Синь молилъ ихъ не предаваться смерти, поставляя на видъ ихъ высокій санъ и богатства, какими онѣ обладаютъ; напрасно онъ обѣщалъ имъ свою душевную преданность, если онѣ отстанутъ отъ своего роковаго намѣренія: онѣ не слушали ни кунвера, ни другихъ князей. Одна изъ нихъ, Рани-Гедденъ, взявъ руку Дгіанъ-Синя и положивъ ее на грудь покойнаго, заставила раджу клясться, что онъ никогда не измѣнитъ ни его преемнику, ни выгодамъ государственнымъ. Потомъ Керрекъ-Синь присягнулъ съ тѣмъ же обрядомъ, никогда не слушать тѣхъ, кто посовѣтуетъ ему отвергнуть добрую службу Дгіанъ-Синя. «Пусть, повторили князь и министръ его, падутъ на клятвопреступника всѣ муки, которыя ожидаютъ человѣка, убившаго тысячу коровъ.» Керрекъ-Синь омылъ потомъ трупъ покой-

наго водою Ганга; его положили въ великолѣпный гробъ, накрыли шалями и торжественно понесли въ садъ Дгалекотъ. Четыре жены, въ богатѣйшихъ украшеніяхъ, слѣдовали за гробомъ, раздавая пѣвчимъ и брахманамъ свои драгоцѣнности. Достигнувъ погребальнаго костра, сложеннаго изъ сандала, поставили на него тѣло. Вѣрная Гедденъ сѣла къ гробу и положила голову усопшаго къ себѣ на колѣни, а три другія жены съ семью молодыми рабынями помѣстились вокругъ, и лица ихъ сіяли чистѣйшимъ удовольствіемъ. Въ десять часовъ, время, назначенное брахманами, кунверъ Керрекъ-Синь зажегъ костеръ.... Вскорѣ лишь немного пепла осталось тамъ, гдѣ прежде были Пенджабскій государь, четыре жены его и семь юныхъ невольницъ. Легкое облачко явилось надъ погребальнымъ огнемъ, уронило въ него нѣсколько капель и исчезло. Четыре раза раджа Дгіанъ-Синь рвался броситься въ самое полымя, но толпа не допустила его.

По окончаніи обряда, Керрекъ-Синь и прочіе князья отправились купаться въ рѣку Рави, а потомъ возвратились въ садъ Гюзури. Пѣвчимъ, которые возглашали пять гимновъ Баба-Нанека, дали пятнадцать паръ шалей и двадцать червонцевъ. Роздали тысячу рупій бѣднымъ, а неутѣшный кунверъ испускалъ вопли отчаянья.

Наканунѣ приготовили уже все для перенесенія праха къ священнымъ водамъ Ганга. 2 Іюля, въ часъ по восхожденіи солнца, шествіе тронулось изъ дворца и проходило городъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Эскадронъ Сейкскихъ уланъ, которые тянулись одинъ за другимъ, по тѣснотѣ Лагорскихъ улицъ;

Пять знаменъ золотой парчи;

Человѣкъ съ кассахомъ, или золотой урною, вмѣщавшею прахъ мага-раджи;

Съ лѣвой стороны, министръ Дгіанъ-синь съ махалкою изъ павлиныхъ перьевъ,

Справа, джигмедаръ Кушаль Синь съ золотымъ жезломъ;

Всѣ приближенные Ренджита;

Въ нѣсколькихъ шагахъ далѣе несли четыре урны съ прахомъ женъ и позади ихъ пятую съ прахомъ семи невольницъ;

Потомъ шли любимые кони Ренджита, всѣ въ золотѣ;

Въ пятидесяти шагахъ за ними слѣдовалъ преемникъ его Керрекъ-Синь на слонѣ, въ простомъ бѣлокисейномъ платьѣ;

Наконецъ, въ такомъ же одѣяніи, безъ оружія и на слонахъ, ѣхали всѣ придворные сановники.

Лагоръ построенъ на лѣвомъ берегу Рави; уже во время Берньé (Bernier), въ 1664 году, онъ значительно приходилъ въ упадокъ: домы, гораздо выше Делійскихъ и Агрскихъ, по большей части, разрушались, ибо дворъ жилъ почти постоянно въ этихъ двухъ столицахъ. «Древній городъ Лагоръ, говоритъ Г. Бёрнсъ, простирался отъ востока къ западу на пять Англійскихъ миль въ длину, а средняя ширина его равнялась тремъ милямъ, чтó легко усмотрѣть при обозрѣніи мѣстности. Мечети и гробницы, выстроенныя прочнѣе домовъ, существуютъ еще среди пашень;

это настоящіе каравансераи. Новый городъ занимаетъ западный уголъ стараго.»

Сдѣланное прежде описаніе Дегли можетъ примѣняться и къ Лагору; базары не обнаруживаютъ великихъ богатствъ. На правомъ берегу Рави, еще заслуживаетъ удивленія *шахдара*, или мавзолей императора Шахъ-Джигана, отличающійся чистотою стиля и выведенный полосами изъ чернаго и краснаго мрамора, черезъ одну; но Г. Бёрнсъ изъявляетъ опасеніе, чтобъ этотъ прекрасный памятникъ не упалъ въ скоромъ времени отъ разливовъ рѣки, которой теченіе въ этомъ округѣ крайне своенравно, и которая еще недавно подмыла часть садовой ограды, окружающей знаменитый гробъ.

Амрицыръ, въ шестнадцати миляхъ къ востоку отъ Лагора, — священный городъ Сейковъ и столица всей ихъ земли. Промежуточный край, именуемый *Манджа*, обработанъ наилучшимъ образомъ; Нахръ, или большой каналъ, устроенный однимъ изъ императоровъ Могольскихъ и начинающійся отъ самой Рави, ведетъ воду на протяженіи осьмидесяти миль Англійскихъ, проходитъ чрезъ Амрицыръ и направляется потомъ въ параллель съ Лагорскою дорогой; онъ довольно мелокъ, и не болѣе осьми футовъ шириной, однако жъ мелкія суда по немъ ходятъ. Амрицыръ большое складочное мѣсто для торга шалями, шафраномъ, товарами Пенджаба, Индіи и Афганистана.

«Народный храмъ, говоритъ Г. Бёрнсъ, — красивое зданіе съ золоченой крышей, — стоитъ среди обширнаго пруда, называемаго Амрицыромъ, то есть вмѣстилищемъ напитка безсмертія. Осмотрѣвъ его вокругъ,

мы вошли во внутренность и поднесли приношеніе Гринтъ-Сагибу, или святой книгѣ, раскрытой передъ жрецомъ, который обмахивалъ ее хвостомъ яка. Когда мы сѣли, одинъ изъ Сейковъ всталъ съ своего мѣста; обернувшись къ собранію, онъ воззвалъ къ *гуру* Говиндъ-синѣ, и каждый сложилъ руки ему въ честь. Онъ говорилъ, что все, чѣмъ ни наслаждаются Сейки на землѣ, дано имъ отъ *гуру*, или Господа; что бывшіе тутъ иноземцы прибыли изъ весьма далекой страны, съ подарками отъ короля Англійскаго, для утвержденія союза между обоими народами, и что они явились въ храмъ съ приношеніемъ двухсотъ пятидесяти рупій. Деньги эти возложили на *гринтъ*. Рѣчь заключилась общимъ возглашеніемъ благоденствія религіи Сейковъ. Потомъ надѣли на насъ Кашмирскія шали; я просилъ оратора изъявить желаніе наше, да продлится дружество Сейковъ съ Англичанами, и новый привѣтственный кликъ огласилъ своды храма.

«Отсюда повели насъ въ *акали-бунгу* (домъ безсмертныхъ), гдѣ мы сдѣлали такое же приношеніе, какъ и въ первомъ. Мы однако жъ не входили во внутренность, потому что эти *акали* или *наханги*, — полоумные фанатики, которыхъ лучше остерегаться. Въ вознагражденіе за подарокъ нашъ, главный жрецъ прислалъ намъ сахару. Акали вообще очень буйны, они всякаго осыпаютъ бранью и оскорбленіями и доходятъ даже до насилій. Въ Пенджабѣ не пройдетъ недѣли, чтобъ кто-нибудь отъ нихъ не погибъ. Хотя они принадлежатъ къ тому же вѣроисповѣданію, которое такъ строго соблюдаетъ Ренджитъ-Синъ, онъ

однако жъ твердой, рѣшительной рукой укрощалъ ихъ безпорядки. Нѣкоторыхъ изъ главныхъ зачинщиковъ онъ размѣщалъ по полкамъ, другихъ препровождалъ за границу.

«Вышедъ изъ храма, мы пустились осматривать весь Амрицыръ. Этотъ городъ одинаковой величины съ *Лагоромъ*; почти всѣ купцы родомъ Гиндусы. Передъ дверями домовъ ихъ лежатъ огромные куски каменной соли, *для* того, чтобъ священныя коровы могли вдоволь лизать это ископаемое, до котораго онѣ большія охотницы. На прогулкѣ, мы посѣтили Рамбагъ, любимое мѣсто пребыванія магараджи, когда онъ пріѣзжаетъ въ Амрицыръ; страсть его ко всему воинному проявляется и въ этомъ чертогѣ: онъ велѣлъ обвести садъ его землянымъ валомъ и рвомъ.

«Жители Пенджаба—люди сильные и атлетическіе, они высоки, стройны и мыщаты. Настоящій Сейкъ, или Хальса, не зная инаго дѣла, кромѣ войны и землепашества, предпочитаетъ первое всему на свѣтѣ.»

«Пенджабцы чрезвычайно нравятся мнѣ, говоритъ Жакмонъ: у нихъ такая простота и прямодушіе въ обращеніи, которыя непремѣнно полюбятся Европейцу, когда онъ проживетъ или проѣздитъ въ Индіи года два. Изувѣрство ихъ укротилось, и вѣротерпимость дошла до такой степени, что великій визирь Ренджита мусульманинъ, и что два брата его, которые тоже магометанской религіи, пользуются расположеніемъ Сейкскаго государя.»

Слѣдуя внушенію воинственнаго духа, Сейки предлагаютъ услуги свои иноземнымъ владѣтелямъ, если дома господствуетъ у нихъ миръ и тишина. Геберъ

повстрѣчалъ одного Сейка на поляхъ у подножій Гималая: онъ ѣхалъ верхомъ, въ длиннополомъ платьѣ изъ бумажной ткани, вооруженный длиннымъ мушкетомъ, саблею и щитомъ; конь его былъ довольно красивой наружности; за нимъ слѣдовалъ слуга съ двумя корзинами съѣстныхъ припасовъ. Епископу сказывали, что этотъ Сейкъ ѣдетъ вѣроятно къ раджѣ Креманскому, Горхинцамъ, или, можетъ-быть, и въ Китай, только для снисканія службы (Л. XXXVII — 1).

Берньѐ въ 1664 году, и Жакмонъ въ 1831 ѣздили изъ Лагора въ Кашмиръ; Англійскій путешественникъ Джоржъ Форстеръ также посѣтилъ этотъ край въ 1783 году, но онъ ѣхалъ не изъ Лагора; впрочемъ всѣ трое проникли туда одной и тою же Бемберскою тѣсниной. Оба Француза путешествовали въ такое время, когда Кашмиръ повиновался могущественному государю, который умѣлъ поддерживать тишину въ своей землѣ, а когда находился тамъ Форстеръ, она была жертвою безначалія, и Англичанинъ этотъ обозрѣлъ ее только переодѣтый въ мусульманскаго странника.

Врачь Ауренгзеба, Берньѐ, шелъ вмѣстѣ съ войскомъ, сопровождавшимъ этого монарха. «Вотъ мы наконецъ и въ Бемберѣ, восклицаетъ онъ, у подошвы крутой горы, почернѣвшей и раскаленной; мы отаборились въ руслѣ широкаго изсякшаго потока, наполненнаго каменьями и жгучими песками!» Большая часть поѣзда императорскаго осталась на этомъ мѣстѣ или расположилась лагеремъ въ поляхъ Пенджабскихъ; Ауренгзебъ взялъ съ собою какъ можно менѣе народу, чтобы не подвергнуть голоду маленькаго

Кашмирскаго королевства и своихъ собственныхъ слоновъ и лошаковъ.

Жакмонъ путешествовалъ съ конвоемъ, и за нимъ тянулся его обозъ; вездѣ встрѣчалъ его хорошій пріемъ со стороны мелкихъ раджъ, вассаловъ Реджитъ-Синя. Но при проходѣ горами, владѣтель Beралійскій хотѣлъ удержать его въ плѣну и вынудилъ у него пятьсотъ рупій. Жакмонъ стойкостью своей умѣлъ вырваться изъ когтей этого хищника, который наконецъ самъ просилъ предстательства его у Мага-раджи а впослѣдствіи вынужденъ былъ возвратить все, что захватилъ.

Приключеніе это внушило Французскому путешественнику слѣдующее замѣчаніе: «Индѣйцы и Персіяне величаютъ Кашмиръ земнымъ раемъ, а намъ обыкновенно говорятъ, что дорога въ рай тѣсна и трудна. Право, должно сказать тоже самое и о здѣшнемъ, во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ.»

Отъ 13 маія онъ пишетъ изъ Кашмира: «Вотъ я наконецъ и здѣсь! Прунхское ущелье, хотя и заваленное снѣгомъ, было для меня игрушкою въ теченіе нѣсколькихъ дней.»

Городъ Кашмиръ, прежде называвшійся Сиренынагоромъ, не имѣетъ ограды. «Онъ простирается, по-крайней-мѣрѣ, на три четверти мили въ длину и на полмили въ ширину, продолжаетъ Берньé; онъ расположенъ на обнаженной полянѣ, миляхъ въ двухъ отъ горъ, образующихъ около него родъ круга, и притомъ на берегу прѣснаго озера, миль четырехъ или пяти въ окружности, которое образуется изъ горныхъ ключей и ручейковъ, и впадаетъ судоход-

нымъ для ладей каналомъ въ рѣку, текущую черезъ городъ. Домы, по большой части, деревянные, но хорошей постройки, и даже въ два или въ три яруса. Здѣсь нѣтъ недостатка въ прекрасномъ дикомъ камнѣ для зданій: видно еще множество древнихъ разрушенныхъ капищъ и другихъ памятниковъ, которые были изъ него сооружены; но деревянная постройка обходится дешевле каменной по обилію въ лѣсѣ, который легко спускается съ горъ посредствомъ рѣчекъ, куда бросаютъ его срубивши. Почти при каждомъ изъ домовъ на рѣкѣ есть особый садикъ, обращенный на воду, что составляетъ весьма пріятный видъ, особенно весною и лѣтомъ, когда катаешься на лодкѣ; при другихъ домахъ, которые не на рѣкѣ, есть тоже почти при всѣхъ по-какому-нибудь саду; сверхъ того многіе изъ нихъ сообщаются съ озеромъ посредствомъ особыхъ каналовъ, по которымъ можно кататься въ челнокахъ....

«Озеро преимущественно отличается тѣмъ, что оно наполнено островами, образующими точно отдѣльныя гульбища, которыя подымаются зелеными купами изъ среды водъ; тамъ ростутъ плодовыя деревья и цѣлыя аллеи винограда, окруженныя широколистными осинами, стоящими фута на два одна другой; толстѣйшія изъ нихъ въ обхватъ не болѣе, и при всемъ томъ онѣ вышиною съ мачту и имѣютъ купу вѣтвей только на самой вершинѣ, какъ обыкновенно бываетъ у однѣхъ пальмъ.

«За озеромъ, на горахъ, только и есть, что увеселительные домы съ садами, или дачи, и не возможно было найдти мѣста для нихъ удобнѣе: воздухъ

совершенно чистъ; передъ вами озеро, острова и городъ; вокругъ извиваются потоки и ручьи.

«Прекраснѣйшій изъ всѣхъ садовъ королевскій, который называется Шахъ-лимаръ.» Берньé дѣлаетъ ему подробное описаніе: по всему видно, что онъ былъ очарователенъ.

«Преданія о древнихъ царяхъ Кашмирскихъ гласятъ, что весь здѣшній край былъ прежде обширнымъ озеромъ, и что какой-то святой старецъ, именемъ Кашебъ, открылъ истокъ водамъ, прорѣзавъ чудеснымъ образомъ гору Барамуле. И я съ своей стороны не могу отрицать, чтобъ вся эта земля была нѣкогда подъ водою; говорятъ же такъ объ Ѳессаліи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ; но мнѣ плохо вѣрится, чтобъ отверзтіе въ горѣ было дѣломъ рукъ человѣческихъ, ибо она и высока и широка; я скорѣе думаю, что одно изъ тѣхъ землетрясеній, которымъ этотъ край довольно часто подверженъ, образовало какую нибудь подземную полость, куда обрушилась гора. . . .

«Какъ бы то ни было, но Кашмиръ теперь не озеро; это прекрасная равнина, испещренная множествомъ мелкихъ холмовъ; она простирается миль на тридцать въ длину и отъ десяти до двѣнадцати въ ширину на самой оконечности Гиндустана, отъ Лагора къ сѣверу, и замыкается Кавказскими горами.... *

«Первыя окружающія ее высоты, то есть, ближайшія къ равнинѣ, не весьма значительны; но одѣты

* По географическимъ понятіямъ того времени, Кавказскія горы простирались далеко въ сердце Азійскаго материка.

зеленью лѣсовъ и пажитей, наполнены всякаго рода скотомъ, дичью и другими животными.

«За этими невысокими горами, тянутся другія, гораздо болѣе; вершины ихъ, всегда въ снѣгу, возносятся надъ облаками и обыкновенными туманами въ спокойномъ и величавомъ блескѣ Олимпа.

«Изъ этихъ горъ течетъ во всѣ стороны множество ручьевъ и рѣчекъ, искусно проводимыхъ жителями къ рисовымъ полямъ и даже на возвышенности и пригорки. Раздробясь на тысячи потоковъ и каскадовъ, эти воды сливаются наконецъ въ одно русло и образуютъ прекрасную рѣку (Джалемъ), которая несетъ такія же суда, какъ наша Сена, и медленно обогнувъ весь край и перерѣзавъ главный его городъ, проходитъ наконецъ въ Барамуле между двухъ крутыхъ скалъ, а тамъ летитъ чрезъ пропасти, пріемлетъ мимоходомъ нѣсколько горныхъ рѣкъ и исчезаетъ въ лонѣ Инда.

«Всѣ эти воды, нисходящія съ горъ, придаютъ такую красу и плодоносіе бугристой равнинѣ, что весь край кажется обширнымъ зеленымъ садомъ, унизаннымъ селами и мѣстечками, которыя выглядываютъ изъ-за деревъ вмѣстѣ съ полянами и лугами, нивами риса и пшена, грядами разнородныхъ овощей, полосами конопели и шафрана, а между нихъ тянутся рвы, наполненные водой, каналы, мелкія озера, ручьи и потоки; все усѣяно нашими растеніями и цвѣтами, все покрыто деревьями Европейской почвы: тутъ найдете яблони, груши, сливы, априкосы и орѣшникъ, обремененные своимъ плодомъ, тутъ найдете и виноградъ въ извѣстное время года. Сады частныхъ лицъ

наполнены дынями и арбузами, поручейникомъ, свеклой, хрѣномъ, большей частію нашихъ огородныхъ растеній и еще многимъ чего у насъ нѣтъ.

«Правда, что и въ числѣ и въ качествѣ здѣшніе плоды нѣсколько уступаютъ нашимъ; но я думаю, что виной тому не земля, и что будь здѣсь такіе садовники, какъ у насъ въ Европѣ, то есть, люди, умѣющіе растить и прививать деревья, избирать годныя мѣста и выписывать прививки изъ чужихъ краевъ, то явились бы и плоды не хуже нашихъ. По-крайней-мѣрѣ, во множествѣ тѣхъ, которые мнѣ случалось отвѣдывать, я часто попадалъ на превосходные.

«Изъ всего сказаннаго мною можно видѣть, что Кашмиръ меня немножко очаровалъ и что на мои глаза врядъ ли есть изъ мелкихъ государствъ другое столь же прекрасное; оно заслуживало бы господства надъ всѣми окрестными горами вплоть до Татаріи и надъ Гиндустаномъ вплоть до Цейлона, какъ было прежде: Монголы не безъ причины зовутъ его земнымъ раемъ Индіи, не даромъ Акберъ такъ сильно домогался отнять его у туземныхъ владѣтелей, а сынъ его Джиханъ-гиръ до того пристрастился къ этому краю, что не могъ разстаться съ нимъ и говорилъ: «Легче мнѣ потерять все царство, только не Кашмиръ.» Зато едва мы туда прибыли, всѣ стихотворцы, и тамошніе, и Монгольскіе, старались наперерывъ воспѣть хвалу маленькой области и поднесть стихи Ауренгзебу, который охотно принималъ ихъ и награждалъ сочинителей.»

Бернье́ провелъ три мѣсяца въ Кашмирѣ и совершалъ небольшія поѣздки въ разныя части той стра-

ны. Онъ говоритъ, что былъ сильно изумленъ при переходѣ за Бемберскую тѣснину, нашедъ по ту сторону горъ воздухъ легче, свѣжѣе и благорастворен-нѣе, и ощутивъ себя какъ бы внезапно перенесеннымъ въ Европу.

Форстеръ, въ письмѣ изъ Кашмира, отъ апрѣля 1783 года, изъявляетъ крайнее сожалѣніе, что до путешествія своего въ Индію не читалъ полныхъ истины Записокъ Берньé, заслуживающаго одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду историковъ Индіи. «Онъ обладалъ такими выгодами, прибавляетъ Форстеръ, какія даются немногимъ путешественникамъ, и, къ счастію для всего ученаго міра, дарованія Берньé дозволили ему воспользоваться благопріятнымъ случаемъ. Мое краткое описаніе Кашмира прольетъ по-крайней-мѣрѣ нѣкоторый свѣтъ на его разсказъ, пополнитъ нѣкоторые пропуски и укажетъ на перемѣны, совершившіяся послѣ его путешествія.»

Лестный отзывъ Форстера о точности и правдолюбіи Берньé дѣлаетъ столько же чести безпристрастному Англичанину, сколько Французскому путешественнику. Какъ много было такихъ людей, которые въ подобныхъ обстоятельствахъ старались унижать своихъ предмѣстниковъ. Когда Форстеръ видѣлъ Кашмиръ, этотъ городъ былъ той же величины, какъ и за сто девятнадцать лѣтъ прежде; не измѣнились даже размѣры домовъ. «Они, по словамъ его, построены весьма легко изъ дерева и известки, съ большими навѣсами. На досчатой кровлѣ насыпанъ слой мелкой земли для сбереженія жилья отъ снѣговъ, которыхъ выпадаетъ много въ дождливую пору. Оболочка эта

сохраняетъ тепло зимою и даетъ прохладу во время жаровъ; лѣтомъ верхи домовъ, усѣянные разными цвѣтами, походятъ изъ-дали на огромный цвѣтникъ, пестрѣющій тысячью оттѣнковъ. Улицы тѣсны и грязны отъ неопрятности жителей, которая такъ ужасна, что вошла въ пословицу. Весь городъ не заключаетъ въ себѣ ни одного достопримѣчательнаго зданія, хотя Кашмирцы и превозносятъ какую-то деревянную мечеть, называемую большою и построенную однимъ изъ Гиндустанскихъ императоровъ. Памятникъ этотъ не имѣетъ большихъ правъ на удивленіе любопытныхъ...

« Здоровый и благорастворенный воздухъ, которымъ отличается городъ Кашміръ, рѣка, черезъ него текущая, множество большихъ и уютныхъ домовъ, всѣ эти выгоды теряютъ цѣну отъ некрасивой и тѣсной постройки и отъ чрезмѣрной нечистоплотности жителей. Пловучія, крытыя купальни, расположенныя вдоль береговъ рѣки, суть единственные предметы, напоминающіе предусмотрительность и заботливость объ удобствѣ. Купальни особенно полезны для Индѣйскихъ мусульманъ, которые, бгагодаря имъ, легко могутъ совершать частыя омовенія, требуемыя климатомъ и закономъ ихъ вѣры. Учрежденіе это облегчаетъ ихъ сверхъ-того въ заботѣ укрывать женъ своихъ отъ взоровъ любопытныхъ.

« Кашмирское озеро или Даллъ, какъ именуютъ его на туземномъ нарѣчіи, съ давнихъ поръ знаменито своей красой и наслажденіями, какія доставляетъ оно жителямъ. »

Подробности, въ которыя входитъ потомъ Форстеръ на счетъ пріятныхъ окрестностей Кашмира, отзывы его о Шахъ-Лимарѣ и островахъ озера, во всемъ согласны съ разсказами Бернье. «Множество островковъ, продолжаетъ онъ, которые какъ будто возникаютъ изъ лона водъ, придаютъ дивную красоту всей картинѣ.

«Одинъ изъ нихъ, четыреугольный, называется Чехаръ Чинаръ (четыре чинара), потому что на каждомъ углу его есть по одному такому дереву; впрочемъ одно уже исчезло равно какъ и павиліонъ, находившійся въ срединѣ острова: такой жребій постигъ всѣ памятники Монгольскіе, за исключеніемъ Шахъ-Лимара, содержимаго въ исправности и часто посѣщаемаго губернаторомъ: я видѣлъ его тамъ съ чиновниками и знатнѣйшими изъ горожанъ.»

Но если всѣ зданія, сооруженныя Монголами, пришли въ упадокъ съ тѣхъ поръ, какъ Афганцы завладѣли Кашмиромъ, природа красовалась по прежнему, и Форстеръ превозноситъ до небесъ великолѣпную растительность всего края: особенно роза блистаетъ здѣсь прелестью, давно вошедшею въ пословицу на Востокѣ. Кашмирцы празднуютъ большими увеселеніями ту пору, когда почки розъ начинаютъ распускаться. Они собираются въ садахъ и затѣваютъ потѣхи, весьма рѣдкія у Азіатцевъ. Тутъ разстаются они съ степенностью, составляющею основу Мусульманскаго характера.

Жакмонъ прибылъ въ Кашмиръ въ маіѣ мѣсяцѣ, а выѣхалъ оттуда въ сентябрѣ. Въ іюлѣ былъ онъ среди высокихъ горъ, у истоковъ Джалема. Воротясь

въ столицу, онъ въ концѣ августа посѣтилъ пустынныя горы, отдѣляющія Кашмиръ отъ Тибета, и потомъ снова пустился въ Пенджабъ чрезъ городъ Джамму, лежащій при рѣкѣ Ченабѣ, къ востоку отъ Бемберскихъ тѣснинъ.

«Кашмиръ, говоритъ онъ, простираясь по сѣверному склону большаго снѣжнаго хребта, отдѣленъ такой преградою отъ климата Индіи, и имѣетъ свой собственный, удивительно схожій съ Ломбардійскимъ. Дикорастущія и воздѣлываемыя прозябенія, при извѣстности закона, по которому температура понижается отъ экватора къ полюсу, даютъ разумѣющему языкъ ихъ столь ясныя указанія на счетъ возвышенности края, что хотя до путешествія моего никто не измѣрялъ уровня этой чудной долины, я заранѣе опредѣлилъ его въ пять или шесть тысячь Англійскихъ футовъ по нѣсколькимъ растеніямъ, вывезеннымъ оттуда купцами. Позднѣйшія наблюденія показали мнѣ около 5,350 футовъ высоты.

«Итальянскій тополь и чинаръ господствуютъ на обработанныхъ пространствахъ. Чинаръ колоссаленъ, виноградъ въ садахъ исполинскаго роста, лѣса состоятъ изъ кедровъ и разнаго рода хвойныхъ деревъ, совершенно подобныхъ Европейскимъ, а на возвышенныхъ полосахъ растутъ березы, которыя, какъ мнѣ кажется, не разнствуютъ съ нашими. Кувшинка цвѣтетъ поверхъ стоячихъ водъ; надъ нею, вмѣстѣ съ тростникомъ, возвышаются сусакъ и вахта: все точно Европейская природа.»

Въ этомъ Жакмонъ совершенно согласенъ съ Бернье, но какъ онъ разнорѣчитъ съ нимъ въ другомъ от-

шенія! «Кашмирская долина, прославленная въ самыхъ дальнихъ странахъ, заслужила это, быть-можетъ, только тѣмъ, что часто посѣщалъ ее дворъ Великаго Могола, обыкновенно запертый въ душныхъ стѣнахъ Дегли и Агры, въ краю голомъ, сожженномъ лучами солнца, всегда безоблачномъ. Здѣшнія озера—ничто передъ Альпійскими, а изъ дворцовъ, выстроенныхъ по берегамъ ихъ Монгольскими императорами, уцѣлѣлъ только одинъ знаменитѣйшій, Шахъ-Лимаръ. Меня принялъ въ немъ губернаторъ, стараясь всѣми силами угостить пріѣзжаго и изумить его роскошью. Мѣсто мнѣ очень полюбилось чистотою водъ своихъ и великолѣпіемъ тѣни; но сколько виллъ на берегахъ Лаго Маджіоре превосходятъ въ красотѣ Шахъ-Лимаръ! Эти горы подобно Гималайскимъ, болѣе поражаютъ величавостью, чѣмъ красой: славные очерки, вотъ и только. Природа ничего не сдѣлала для внутренности: это огромная рама, въ которой ничего нѣтъ....

«Я отаборился въ царскомъ саду, на берегу прозрачнаго озера. Садъ наполненъ розами въ цвѣту, но онѣ мелки и недушисты. Сколько прекрасныхъ растеній я видѣлъ здѣсь!...»

Сидя на островѣ Чинаровъ, онъ пишетъ къ отцу отъ 8-го августа: «Вотъ уже нѣсколько дней, какъ чрезмѣрный жаръ сломилъ мою обычную силу. Я бѣгу изъ саду, который сталъ парникомъ, и ищу капли воздуха на озерѣ; но и здѣсь, у подошвы горъ, та же тишь царствуетъ въ атмосферѣ. Завидны мнѣ теплые вѣтры Индѣйскіе.... Столь нестерпимый зной рѣдко случается въ Кашмирѣ; онъ бываетъ лишь

въ такіе годы, каковъ нынѣшній, при совершенномъ отсутствіи лѣтнихъ періодическихъ дождей. Рѣки, питающія здѣшній край, уже съ мѣсяцъ какъ высохли: это—народное бѣдствіе въ полномъ смыслѣ слова.... Вода въ озерѣ такъ тепла, что отъ погруженія въ нее кажется отнюдь не легче: надо пробыть въ ней не одинъ часъ, чтобъ почувствовать освѣженіе.

«Бернье́, котораго вы, думаю, читали, также говоритъ объ этомъ островѣ. Это игрушка Монгольскихъ императоровъ; онъ весь осѣненъ двумя огромными чинарами, оставшимися отъ четырехъ, насажденныхъ Шахъ-Джиганомъ: послѣ этого не нужно говорить вамъ, какъ онъ малъ. Дворецъ просто зала, отверзтая всѣмъ вѣтрамъ, какому бы ни вздумалось дуть въ нее; потолокъ поддерживается колонадой страннаго стиля. Шахъ-Лимаръ стоитъ противъ прекрасной аллеи изъ тополей.» Онъ исчисляетъ потомъ разныя мѣста въ сосѣдствѣ, о которыхъ говорилъ Бернье́, и оканчиваетъ слѣдующими словами: «Панорама, меня окружающая, вызываетъ рой воспоминаній; Кашмирцы смотрятъ на нее всю жизнь свою, и она утѣшаетъ ихъ въ горѣ.»

Вотъ какъ говоритъ о здѣшнемъ народѣ Бернье́: «Кашмирцы извѣстны за людей отличной крови; они такъ же стройны, какъ и мы... Особенно пригожи женщины; поэтому здѣсь запасаются ими почти всѣ новопріѣзжіе ко двору Могола... И дѣйствительно, если судить о красѣ женщинъ, болѣе сидящихъ дома, по тѣмъ, которыя принадлежатъ къ простонародію и встрѣчаются на улицѣ и въ лавкахъ, должно думать, что здѣсь есть первостепенныя красавицы...»

Послушаемъ теперь Форстера: «Кашмирцы молодцоваты и стройны; живя подъ 34-мъ градусомъ широты, они могутъ назваться красивымъ племенемъ. Въ южной Франціи или въ Испаніи, женщины ихъ слыли бы хорошенькими брюнетками; но составивъ себѣ предварительно слишкомъ высокое мнѣніе о прелестяхъ здѣшнихъ дамъ, я былъ непріятно разочарованъ, увидѣвъ нѣсколькихъ танцовщицъ, извѣстнѣйшихъ своей красой и соблазнительными уловками своего искусства. Онѣ вообще довольно неуклюжи, черты у нихъ грубыя, ноги перетолщены.

«Городъ Кашмиръ былъ нѣкогда богатъ прелестницами веселыми и очаровательными, но страшныя поборы безпощадныхъ Афганцевъ крайне умалили число ихъ, а остальныя томятся въ самомъ жалкомъ положеніи. Немногія изъ нихъ, которыхъ я видѣлъ, доставили мнѣ большое удовольствіе ловкостью въ пляскѣ и пріятнымъ голосомъ.... Кашмирскія женщины удивительно многоплодны. Не смотря на тираннію правительства и на жестокость судьбы, не замѣтно, чтобъ населенность убывала...»

Жакмонъ согласенъ, что порода мужчинъ совершенно хороша. Что жъ касается до женщинъ, то мрачныя, смуглыя красавицы ему не по вкусу. Однако жъ и въ Индіи, и въ Пенджабѣ иногда встрѣчалъ онъ прелестныя лица въ особенномъ родѣ красоты. Въ Кашмирѣ не встрѣчалось ему ни одного такого исключенія. «Съ прискорбіемъ противорѣчу тѣмъ немногимъ изъ Европейскихъ путешественниковъ, которые посѣтили здѣшній край до меня. Если не произошло ужаснаго измѣненія съ тѣхъ поръ, какъ лѣтъ

за пятьдесятъ Форстеръ былъ здѣсь переодѣтый, должно думать, что онъ чрезмѣрно прикрасилъ истину, что́ позволительно лишь поэтамъ...» Не льзя вообразить себѣ ничего страшнѣе здѣшнихъ старухъ.

По словамъ Берньé: «Кашмирцы славятся остроуміемъ; *они* гораздо тоньше и ловчѣе Индѣйцевъ, способны къ поэзіи и наукамъ не менѣе Персіанъ; притомъ весьма трудолюбивы и промышлены...»

Форстеръ описываетъ ихъ живыми, веселыми, любопытными, преданными забавамъ, порочными и распутными; по замѣчанію Жакмона, смышленость и плутовство этихъ людей вошли въ поговорку на Востокѣ.

Берньé первый говорилъ о томъ замѣчательномъ произведеніи ихъ промышлености, которое въ такомъ уваженіи у дамъ нашихъ западныхъ сторонъ: онъ описываетъ сначала деревянныя издѣлія, отличающіяся дивной утонченностью и требуемыя въ цѣлой Индіи, потомъ продолжаетъ: «Но что́ у нихъ особенно важно и что привлекаетъ къ нимъ торговлю и много денегъ, это страшное количество шалей, ими выдѣлываемыхъ, при чемъ они употребляютъ и малыхъ дѣтей. Эти шали въ полтора *о́на* длины и въ одинъ ширины, по обоимъ концамъ съ затканными каймами, шириною около фута. Монголы и Индѣйцы, мужчины и женщины, носятъ ихъ на головѣ въ зимнее время, свѣшивая чрезъ лѣвое плечо въ видѣ плаща. Онѣ дѣлаются двухъ разборовъ: однѣ изъ туземной шерсти, которая тоньше и нѣжнѣе Испанской, другія изъ шерсти или, точнѣе, изъ пуха, называемаго *тузъ*, и получаемаго съ груди извѣстной породы дикихъ козъ

въ Великомъ-Тибетѣ; послѣднія гораздо дороже первыхъ, зато ни какой бобровый мѣхъ не сравнится съ ними въ мягкости. Изъ числа ихъ видѣлъ я сдѣланныя по заказу для Омръ (или вельможъ), которыя стоили до полутораста рупій; напротивъ ни одна, тканая изъ туземной шерсти, не попадалась мнѣ дороже пятидесяти рупій.

«Въ здѣшнихъ шаляхъ замѣчательна та особенность, что сколько ни стараются дѣлать подобныхъ въ Патнѣ, Агрѣ и Лагорѣ, ни какъ не могутъ довести ихъ до той нѣжной мягкости, какою отличаются Кашмирскія. Свойство это приписываютъ обыкновенно здѣшней водѣ...»

«Что́ составляетъ главное богатство и славу Кашмира, говоритъ Форстеръ, это шалевыя фабрики, которыхъ издѣлія нигдѣ не находили себѣ подобныхъ и служили только образцемъ для слабыхъ подражаній. Употребляемая на нихъ шерсть не туземное произведеніе; ее привозятъ изъ разныхъ округовъ Тибета, разстояніемъ на мѣсяцъ пути къ сѣверозападу. Въ первобытномъ видѣ она темнодикая; ее бѣлятъ въ Кашмирѣ составомъ изъ рисовой муки, а пряжу красятъ въ тотъ цвѣтъ, который считаютъ выгоднѣйшимъ для продажи. Вытканную шаль отдаютъ однажды въ мытье. Кайма, обыкновенно съ фигурами и испещренная разными цвѣтами, пришивается по выходѣ шали изъ станка, но шовъ отнюдь непримѣтенъ. Цѣна обыкновенной шали на фабрикѣ восемь рупій, но, смотря по добротѣ, есть онѣ въ пятнадцать и въ двадцать; я даже видѣлъ одну отличную, за которую дали фабриканту сорокъ рупій. Цвѣты значительно возвышаютъ цѣну,

и если услышите, что за какую-нибудь шаль заплачено ткачу до ста рупій, можете быть увѣрены, что узоръ стоилъ половину этой суммы.

«Есть три вида шалей: продолговатыя и малыя квадратныя, обыкновенно употребляемыя въ Индіи, и длинно-узкія, въ которыхъ всегда много чернаго, и которыя сѣверные Азійцы носятъ вмѣсто кушаковъ.»

При Форстерѣ, часть Кашмирскихъ доходовъ взималась шалями, отправляемыми въ столицу Афганцевъ; въ новѣйшее время, онѣ отсылались въ Лагоръ. Эта прекрасная страна много терпѣла отъ подручниковъ магараджи, въ чемъ согласны и Бёрнсъ и Жакмонъ. Послѣдній сообщаетъ краткій перечень исторіи Кашмира: «Нѣтъ сомнѣнія, что народъ Кашмирскій, держась первоначально буддійскаго, потомъ брахманскаго закона, имѣлъ съ давнихъ поръ единовѣрныхъ властителей и наслаждался при нихъ политическою независимостью, которой защиту облегчила сама природа, окруживъ этотъ край со всѣхъ сторонъ огромными горами. Отъ длиннаго древняго періода остается лишь нѣсколько смутныхъ воспоминаній между тѣми, кого называютъ теперь учеными, да кое-какія развалины тамъ и сямъ: по тяжелой постройкѣ и по стилю украшеній своихъ, они принадлежатъ къ Индѣйскому разряду. Есть еще нѣкоторые слѣды древнихъ работъ, предпринятыхъ для общественной пользы; онѣ относятся къ тому же времени. Исламизмъ здѣсь только разрушалъ. Делійскіе императоры строили кіоски и водометы, не думая о каналахъ и мостахъ. Въ минувшемъ вѣкѣ, Афганцы лишили Монголовъ это-

го завоеванія, въ нынѣшнемъ—Сейки выгнали изъ него Афганцевъ; за каждымъ нашествіемъ слѣдовалъ всеобщій грабежъ, а въ промежутки мира угнѣтеніе дѣлало все что могло противъ трудолюбія и промышлености: весь край приведенъ въ такое разореніе, что кажется бѣдные Кашмирцы «бросили топорище вслѣдъ за топоромъ» и сдѣлались безпечнѣйшимъ народомъ въ мірѣ. Нѣсколько тысячь безсмысленныхъ и грубыхъ Сейковъ, съ саблею при бедрѣ или съ пистолетомъ за поясомъ, пасутъ какъ стадо барановъ этотъ народъ умный и многочисленный, но вмѣстѣ и лишенный всякаго чувства самоуваженія. . »

ГЛАВА LVIII.

Мультанъ.

Нѣкогда, именемъ Мультана означали весь край между Лагорскою областью къ сѣверу и Океаномъ къ югу. Нынѣ, названіе это придается небольшой землѣ, омываемой Индомъ, Горрою, Рави и Ченабомъ. Въ четырехъ Англійскихъ миляхъ отъ послѣдней изъ этихъ рѣкъ лежитъ городъ Мультанъ, посѣщенный въ 1808 году Эльфинстономъ, а въ 1831-мъ Бёрнсомъ. Онъ окруженъ стѣною отъ сорока до пятидесяти футовъ вышины, съ башнями на извѣстныхъ разстояніяхъ. На возвышенномъ мѣстѣ стоитъ цитадель. Въ городѣ есть прекрасныя гробницы; двѣ черепичныя украшены живописью и покрыты глазурью. Мультанъ знаменитъ шелковыми и ковровыми фабриками, которыя мало уступаютъ Персидскимъ.

Когда Мультанъ зависѣлъ отъ Афганцевъ, онъ былъ въ плачевномъ состояніи; было явно, что этотъ край, нѣкогда цвѣтущій, томился въ бѣдствіи подъ вліяніемъ худаго правительства: въ этомъ положеніи видѣлъ его Эльфинстонъ. Онъ отдохнулъ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ подвластенъ королю Лагорскому. «Ренджитъ-Синь, говоритъ Г. Бёрнсъ, обновилъ народонаселеніе, исправилъ каналы, умножилъ число ихъ и возвелъ Мультанъ на степень богатства и благо-

состоянія, давно чуждую этому краю. Земля стала съ избыткомъ вознаграждать труды дѣлателей, и она до того плодоносна, что поле пшеницы, скошенное дважды на кормъ скоту, даетъ при третьемъ всходѣ славную жатву. Не менѣе обиленъ сборъ индиго и сахарнаго тростнику: мы проѣзжали мимо узкой полосы, длиною въ пять миль Англійскихъ, которая даетъ 75,000 рупій ежегоднаго доходу. Доходъ, получаемый со всего округа, простирается до десяти лаковъ рупій, то есть вдвое противъ того, что получалось въ 1809 году. Мультанскій табакъ извѣстенъ своею добротой, но самое замѣчательное произведеніе для Индѣйской области суть финики. Этого плода здѣсь много, и онъ отнюдь не уступаетъ тому, который родится въ Аравіи, потому что здѣсь не истощаютъ дерева сверленіемъ для добычи напитка, какъ водится это въ Нижней Индіи. Думаю, что полной зрѣлостью своей финики обязаны теплотѣ Мультана: рѣдко дозрѣваютъ они въ остальной части Индіи. Мультанскія манги лучшія въ верхнемъ Гиндустанѣ; превосходство ихъ происходитъ кажется отъ той же причины; ибо къ сѣверу отъ тропика этотъ плодъ обыновенно не такъ вкусенъ.

« Суда, служащія для плаванія по Ченабу, снабжены небольшою мачтою, на которой подымается парусъ. Они строятся изъ *діасоваго* или кедроваго дерева, растущаго въ горахъ, откуда текутъ Пенджабскія рѣки. Деревья эти, вырываемыя и несомыя быстриною водъ во время разливовъ, даютъ достаточный запасъ лѣсу для разныхъ потребностей, безъ особаго вмѣшательства со стороны торговыхъ людей.

Для починки судовъ употребляютъ дерево *тали*, которое есть около каждаго села.

«Мультанцы переплываютъ рѣки безъ помощи ладей: они прибѣгаютъ къ надутымъ кожамъ или къ тростнику, связанному какъ бы снопами. Увидите цѣлыя семьи, плывущія такимъ образомъ, хотя, кажется, и не безопасно. Я особенно замѣтилъ посреди Ченаба одного человѣка съ женою и троими дѣтьми: отецъ, сидя на кожѣ, тянулъ за собой всю свою семью; одинъ изъ дѣтей сосалъ грудь у матери. Одежда и всѣ вещи—въ узлахъ, которые каждый держитъ на головѣ своей Хотя крокодилы вѣрно водятся въ здѣшнихъ рѣкахъ, ихъ должно быть не слишкомъ много, или по-крайней-мѣрѣ не столько, чтобъ удерживать жителей отъ повторенія такихъ опытовъ, конечно несовсѣмъ безопасныхъ.

«Къ юговостоку отъ Мультана, лежитъ Багавальпуръ, главный городъ землицы, находящейся межъ Лагорскимъ королевствомъ и Синди, орошаемой рѣками Индомъ, Горрою, Пенджнадомъ, и сопредѣльной на востокъ съ Аджмирскою областью. По рубежу ея съ Синди, пространство миль на десять длиной оставлено въ пару для устраненія всякаго спора о границѣ.

«Бо́льшую часть этого края составляетъ степь, покрытая песчаными холмами. Въ сосѣдствѣ рѣкъ, почва тучна и плодоносна, будучи орошаема ежегодными разливами Инда и притоковъ его. Городовъ немного, и тѣ разсѣяны, но хуторы ча́сто попадаются вдоль Ченаба. Багавальпуръ, на лѣвомъ берегу Горры, самый торговый изъ городовъ, съ двадцатью

тысячами жителей. Ахмедпуръ, далѣе къ югу, въ половину меньше его; но въ немъ живетъ ханъ, потому что этотъ городъ ближе къ Дарауалю, древней крѣпости, стоящей одиноко въ степи и единственной въ цѣломъ краѣ; она болѣе важна по положенію, нежели по дѣйствительной силѣ.

« Могущество хана Багавальпурскаго такъ же ограничено, какъ и пространство его владѣній: онъ платитъ Сейкамъ три лака рупій дани, оставляя себѣ около семи. Однако жъ онъ живетъ на великолѣпную ногу и содержитъ отрядъ регулярныхъ войскъ съ потребнымъ числомъ артиллеріи; въ соединеніи съ вассалами его, вся армія составила бы тысячъ двадцать

« Нынѣшній ханъ наслѣдовалъ, говорятъ, значительную казну отъ отца. Онъ изъ племени Даудпутръ (сыновей Давида); но ханъ производитъ себя отъ Аббаса, дяди Магометова, что считается гораздо болѣе священнымъ. Даудпутры — мусульманское поколѣніе, пришедшее изъ Шикарпурской округи, съ праваго берега Инда. Они занимали ее въ первые годы Аурензебова царствованія. Перейдя рѣку, подвигами блистательной храбрости завоевали они у Дагъ, Магровъ и другихъ Синдскихъ племенъ страну, которою владѣютъ нынѣ: они водворились въ ней за пять поколѣній. Родоначальники ихъ называются *Пирджани*, простой народъ *Кихрани*; число всѣхъ Даудпутръ не превышаетъ пятидесяти тысячъ душъ: они высоки, статны и бѣлотѣлы, но портятъ видъ свой длинными космами, которыя висятъ у нихъ по плечамъ.

«Багавальпуръ платилъ дань Кабульскому ханству; властитель его носилъ титло набаба и былъ почти совершенно независимъ; впослѣдствіи переименовали его ханомъ Нынѣшній ханъ весьма любимъ подданными; онъ ободряетъ торговлю и земледѣліе.

«Въ Багавальпурѣ выдѣлываютъ *лонги* (кушаки), извѣстные тониною ткани. Ткачи, изъ Гиндусовъ, составляютъ многочисленный классъ народа и имѣютъ болѣе свободы въ промышлености, нежели въ дѣлахъ вѣры. Багавальпурскіе купцы производятъ значительный торгъ издѣліями Европейскими: получая эти товары изъ города Палли, въ Мерварѣ, черезъ Биканиръ и черезъ степь, они посылаютъ ихъ въ Афганистанъ, Мультаномъ и Лейею, переправляя черезъ Индъ въ Кагири. Богавальпурскіе Гиндусы крайне предпріимчивы: они часто ѣздятъ по дѣламъ въ Балкъ, въ Бухару, даже иногда въ Астрахань.

«Учъ, лежитъ въ плодоносной равнинѣ, къ югозападу отъ Багавальпура, и въ четырехъ Англійскихъ миляхъ на востокъ отъ Ченаба, ниже слитія его съ Горрою; прекрасныя деревья осѣняютъ его; онъ состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ городовъ, которые на нѣсколько сотъ футовъ одинъ отъ другаго и окружены каждый кирпичною стѣной, теперь уже въ развалинахъ. Жителей двадцать тысячь. Улицы тѣсны; рогожи, натянутыя поперекъ, укрываютъ отъ солнца: вообще это бѣдный городъ. Насъ помѣстили въ саду, наполненномъ плодовыми деревьями и цвѣтами. . . .

«Мы приготовлялись ѣхать къ хану, жившему тогда въ своемъ степномъ зáмкѣ, какъ вдругъ явился

гонецъ съ извѣстіемъ, что государь изволилъ самъ проѣхать шестьдесятъ Англійскихъ миль для избавленія насъ отъ трудностей путешествія. Посланецъ принесъ намъ въ даръ козленка, убитаго самимъ ханомъ, сорокъ кувшиновъ шербету и мѣшокъ съ двумя стами рупій, которыя ханъ просилъ меня раздать бѣднымъ по случаю нашего радостнаго прибытія.

«Третьяго іюня, утромъ, мы были у хана, остановившагося въ большомъ домѣ, за милю отъ города... Насъ приняли со всѣми почестями военными. Онъ сидѣлъ во дворѣ на коврахъ, всталъ и разцѣловалъ насъ. Онъ особенно спрашивалъ о Г-нѣ Эльфинстонѣ, чрезъ котораго, какъ онъ говорилъ, заключено искреннее и прочное дружество между домомъ его и Британскимъ правительствомъ.

«Онъ красивый мужчина, лѣтъ тридцати; немного пасмуренъ, но очень привѣтливъ и умѣетъ держать себя отличнымъ образомъ. Въ рукѣ у него были четки; считая зерна, онъ не прерывалъ разговора ни на одинъ мигъ...

«Мы жили цѣлую недѣлю въ Учѣ. Пятаго іюня ханъ посѣтилъ насъ; онъ напередъ прислалъ большую палатку, которую раскинули близъ сада нашего, и въ ней мы его принимали. Онъ пробылъ съ нами около часа и засыпалъ насъ вопросами о мануфактурахъ Европейскихъ. У него врожденная страсть къ механикѣ: онъ показывалъ намъ ударное ружье, сдѣланное подъ его собственнымъ руководствомъ и приносящее честь художнику; онъ же изготовилъ потребныя капсули и порохъ... При отъѣздѣ хана, мы проводили его до экипажа, состоящаго изъ креселъ

на двухъ носилкахъ, несомыхъ парою лошадей, такъ, что одна шла спереди, другая сзади; его сопровождало около тысячи человѣкъ конвоя. Я замѣтилъ, что дорогою онъ раздаетъ милостыню... Черезъ нѣсколько минутъ ханъ прислалъ намъ еще богатые подарки, значительную сумму для прислуги нашей и прекраснѣйшее ружье, котораго цѣна еще усугубилась слѣдующими словами посланнаго: — Ханъ побилъ этимъ ружьемъ множество дикихъ козъ; онъ проситъ васъ принять его и вспомнить, когда будете изъ него стрѣлять, что Багаваль-ханъ вашъ пріятель. — »

«Вечеромъ, мы явились къ нему проститься; я поднесъ ему хорошенькое ударное ружье и изъявилъ наши искреннія чувства, увѣряя Его Милость, что благосклонное гостепріимство его никогда не изгладится у насъ въ памяти.»

Въ Миттанкотѣ, маленькомъ городкѣ на лѣвомъ берегу Инда, подъ 28° 55′ сѣверной широты, впадаютъ въ эту рѣку всѣ пять Пенджабскихъ ея притоковъ, соединившись прежде въ Ченабѣ, который слыветъ Пенджнадомъ у географовъ. Ширина главной рѣки простирается здѣсь до шести тысячъ футовъ; глубина мѣстами до шестнадцати сажень и нигдѣ не менѣе четырехъ. «Не забудьте, говоритъ Г. Бёрнсъ, что я измѣрялъ ее въ концѣ маія, когда воды наиболѣе понижаются.»

Почти на сто Англійскихъ миль выше Миттана стоитъ на лѣвомъ же берегу Удудакотъ, посѣщенный въ 1809 году Эльфинстономъ. Изъ этого маловажнаго городка хорошо видны горы на западѣ; онѣ образуютъ три уступа, подъятые одинъ надъ другимъ.

Между этими двумя точками, рѣка Индъ течетъ прямо къ югу; здѣсь обыкновенно именуютъ его *Синдомъ* или *Аттокомъ*; благодаря низменности береговъ, онъ легко разливается въ обѣ стороны. Въ Кагири, гдѣ Эльфинстонъ проѣзжалъ въ январѣ, ширина Инда три тысячи футовъ, а глубина только двѣнадцать.

По правую сторону, округъ прибрежнаго города Дера-гази-хана весьма плодоносенъ. Это одинъ изъ самыхъ большихъ городовъ на Индѣ; онъ окруженъ садами и рощами финиковыхъ пальмъ. Этотъ край подвластенъ князьямъ, признающимъ себя вассалами государя Пенджабскаго и повиннымъ служить ему на войнѣ. Городъ Аттокъ у котораго Г. Бёрнсъ переправлялся черезъ Индъ на лодкѣ, стоитъ на лѣвомъ берегу его; рѣка здѣсь въ семьсотъ восемьдесятъ футовъ ширины, а глубиною въ тридцать пять футовъ. Цитадель, построенная на низкомъ холмѣ, не показалась Англійскому путешественнику весьма крѣпкою; городъ вовсе незначителенъ. Земли, принадлежащія магараджѣ, простираются на три Англійскія мили за рѣку.

Трое завоевателей, вступавшіе въ Индію съ многочисленными ополченіями, Александръ, Тамерланъ и Надиръ-шахъ, переходили Индъ противъ Аттока. Этотъ городъ, лежащій на семьдесятъ двѣ мили къ сѣверозападу отъ Лагора, находится подъ 33° 56′ сѣверной широты и въ ста двадцати пяти миляхъ къ сѣверу отъ Миттанкота.

ГЛАВА LVIII.

Синди. Устья Инда.

Принявъ въ себя Пенджабскія рѣки, Индъ течетъ прямо къ югозападу и, въ нѣсколькихъ миляхъ ниже Миттанкота, входитъ въ страну Синди, которая обязана ему именемъ своимъ. Онъ дѣлится на нѣсколько рукавовъ узкихъ и излучистыхъ, однако же судоходныхъ: ладьи, идущія вверхъ по рѣкѣ, отдаютъ имъ предпочтеніе. Край чрезвычайно плодоносенъ влѣво отъ Инда; множество канавъ, имъ напояемыхъ, содѣйствуютъ по обоимъ берегамъ къ увлаженію земли. Судоходный каналъ Синди, прорытый Могольскими императорами, ведетъ много воды къ Шикарпуру, на западѣ. Этотъ городъ—знатнѣйшій въ здѣшнихъ странахъ и даже въ Синди; хотя онъ ощутительно упалъ противъ прежняго, но все еще производитъ большой внутренній торгъ.

По этой части Инда и до самаго устья его, немогон увидите городовъ и деревень прибрежныхъ: покрывая разливами обширное пространство, онъ препятствуетъ обработкѣ большой части поемныхъ земель. Оттого и стараются проводить изъ него воду канавами въ отдаленнѣйшіе округи.

Край къ западу не такъ хорошо населенъ, какъ было бы возможно; племена Белучей, живущихъ однимъ грабежемъ, безпрестанно опустошаютъ его: Син-

дскіе государи старались привлечь къ себѣ на службу начальниковъ этихъ шаекъ, но мелкіе разбои все продолжаются. Нѣсколько ордъ засѣли въ Гендарійскихъ горахъ, начинающихся почти въ широтѣ Миттанкота и идущихъ параллельно съ Индомъ.

Рукава Инда соединяются немного выше крѣпости Бахкара, построенной на каменистомъ острову, между Саккаромъ справа и Рори слѣва: она защищается пушками, разставленными по валамъ. Къ востоку отъ Рори, кремнистые, отдѣльные одинъ отъ другаго пригорки, представляютъ безплодный и весьма печальный краевидъ; далѣе, роща финиковыхъ пальмъ тянется на три или на четыре Англійскія мили къ югу, осѣняя многочисленные виноградники и сады.

Саккаръ вполовину менѣе Рори. Оба города были прежде значительны; свидѣтели тому развалины минаретовъ и мечетей. Въ Саккарѣ берегъ рѣки совсѣмъ некрутъ.

Далѣе къ югу, замѣчательны только два новые города: Хирпуръ влѣво и Кеканахъ вправо отъ Инда, оба въ разстояніи четырнадцати Англійскихъ миль отъ рѣки, при каналахъ, изъ нея проведенныхъ. Въ Кеканахѣ есть маленькое земляное укрѣпленіе, которое содержитъ въ страхѣ безпокойныя шайки сосѣднихъ горцевъ. Каналъ Мируахъ, шириною въ сорокъ футовъ, прорѣзывая Хирпуръ, идетъ на девяносто Англійскихъ миль къ югу и потомъ теряется въ пескахъ или поглощается нивами. Этотъ каналъ, равно какъ и другіе, пересѣкающіе здѣшнюю сторону, окаймлены селами и обработанными полями. Они доставляютъ удобство перевозить водою естественныя

произведенія, а въ сухую пору превращаются въ прекрасныя дороги, всегда заслуживающія предпочтенія передъ обыкновенными, которыя, по причинѣ сильной растительной силы здѣшняго климата, всѣ почти заросли кустарникомъ.

Водою, сто пять миль изъ Баккара въ Сигуанъ, который на двѣ мили къ западу отъ Инда. Между этими двумя мѣстами, рѣка течетъ излучисто къ юго-западу до тѣхъ поръ, гдѣ Сакксія горы поставляютъ ей преграду. Ниже Сигуана, берега такъ низменны, что она захватываетъ часть земли и образуетъ множество островковъ, покрытыхъ тучными пажитями. Едва начинается разливъ, побережье съ обѣихъ сторонъ понимается водою. Напоръ ея открываетъ себѣ путь въ Амеркотскую степь къ востоку, выше Баккара, и устремляется къ Кори, самому восточному рукаву Индійской дельты, текущему къ западу отъ Коча.

Почти въ двадцати пяти миляхъ подъ Баккаромъ, Индъ посылаетъ къ западу протокъ Нару, омывающій подошву горъ Гала̀ и сливающійся съ главною рѣкой въ Сигуанѣ. «Въ этой части своего бѣга, говоритъ Г. Бёрнсъ, Индъ рѣдко течетъ однимъ русломъ; при трехъ четвертяхъ мили въ ширину, онъ имѣетъ не менѣе пятнадцати футовъ глубины въ самомъ мелкомъ мѣстѣ и нигдѣ непереходимъ въ бродъ. Наклонъ его долженъ быть весьма легокъ, ибо надъ дельтою теченіе пробѣгаетъ три съ половиною Англійскія мили въ часъ. Хотя въ прибрежной странѣ вовсе не имѣется жилищъ и взоръ встрѣчаетъ только густые тамариндовые кустарники, однако жъ тамъ вид-

но было множество колесъ для подъема воды на берегъ. Восточный берегъ, отъ Баккара до Сигуана, самая населенная часть Синди; но мѣстечки, которыя здѣсь мелькаютъ, скорѣе многочисленны и оживлены, чѣмъ значительны и богаты. Изъ числа ихъ многія имѣютъ домовъ до пятисотъ. Деревни обыкновенно удалены отъ рѣки мили на двѣ или на три.

« Каменистыя горы подъ Сигуаномъ вынуждаютъ ее обратиться на юго-юго-востокъ. Мысъ, ими образуемый, стѣсняетъ ея русло, выдаваясь какъ-бы крутою лѣстницей, футовъ въ пятьдесятъ вышины; теченіе тутъ чрезвычайно быстро, и хотя ширина рѣки составляетъ не болѣе полуторы тысячи футовъ, сомнительно, чтобъ можно было выстроить здѣсь мостъ. Въ Сигуанѣ всегда найдете около сорока плоскодонныхъ барокъ.

« Кромѣ Сигуана, не увидите ни одного значительнаго города по самый Гайдерабадъ; край населенъ весьма умѣренно, хотя тученъ и удобенъ къ воздѣлкѣ; только мѣстами онъ тощъ и солончатъ.

« Сигуанъ, кажется, богатый городъ; благосостояніемъ своимъ обязанъ онъ гробу Лаль-шаха-База, угодника Хорасанскаго, къ которому ходятъ на поклоненіе и Гиндусы, и мусульмане. Сигуанскій базаръ снабженъ наилучшимъ образомъ.

« Жители обоихъ береговъ спѣшили глядѣть на насъ съ крайнимъ любопытствомъ; благосклонность, намъ оказываемая, равнялась только удивленію, которое мы возбуждали. Набожное восклицаніе *Бисмиллахъ*! (во имя Божіе!) вырывалось изо всѣхъ устъ при появленіи нашемъ; насъ величали царями и князь-

зьями, не менѣе. Женщины не уступали въ любопытствѣ мужчинамъ. Серги у нихъ пребольшія и обыкновенно украшены бирюзой. Синдани или Беби, внучки Магометовы, одѣты въ длинное бѣлое платье, которое покрываетъ ихъ съ головы до ногъ; только для глазъ и для рта оставлены отверзтія съ сѣточками. Эти Беби просто нищія, и смертельно надоѣдаютъ своими крикливыми мольбами. Толпа ихъ (онѣ обыкновенно ходятъ небольшими артелями), замѣтивъ, что я не слишкомъ тороплюсь удовлетворить ихъ просьбѣ, предъявила мнѣ, для возбужденія моей щедрости, грамату, выданную блюстителемъ храма Лаль-шахъ-Базова. Отецъ Манрике, странствовавшій по берегамъ Инда въ семнадцатомъ столѣтіи, жалуется, въ описаніи своемъ, на *слабыхъ* женщинъ, пристававшихъ къ нему на пути. Въ настоящее время туалетъ прелестницъ, которыхъ найдете здѣсь во всякомъ значительномъ мѣстѣ, можетъ дать выгодное понятіе о богатствѣ Синди; слушать ихъ соблазнительное пѣніе, вотъ одно изъ немногихъ удовольствій здѣшняго народа, одно, если не единственное. Женщины эти очень пригожи, и въ игрѣ своей обличаютъ столько души и пылкости, сколько у Гиндустанокъ нѣтъ и въ воображеніи.

« Сигуанъ построенъ на высотѣ у оконечности болота на Арралѣ,—какъ называется продолженіе Нары за Ларканахомъ. Самое чудное изъ зданій его есть, быть-можетъ, разрушенный за́мокъ, который надъ нимъ господствуетъ и который вѣроятно относится къ Греческой эпохѣ. Мы оставались четыре дня въ этомъ городѣ, и зной былъ удушливъ, невыносимъ. »

Почти во стѣ Англійскихъ миль за Сигуаномъ, Индъ посылаетъ къ востоку нѣсколько рукавовъ, въ числѣ коихъ замѣчателенъ Фалайли; между имъ и главною рѣкой возвышается Гайдерабадъ, столица Синди. Этотъ городъ былъ посѣщенъ въ 1809 году Г-мъ Поттингеромъ, въ 1827-мъ Джономъ Бёрнсомъ, въ 1831-мъ Александромъ Бёрнсомъ. Эти трое Англичанъ суть единственные Европейцы, видѣвшіе Синди въ недавнемъ времени и описавшіе свое путешествіе въ здѣшнемъ краѣ; четвертый, Дж. Мекмёрдо (Macmurdo), составилъ объ немъ записку, напечатанную только по смерти автора, въ 1834 году. Александръ Бёрнсъ проѣхалъ весь Синди, поднявшись водою отъ устьевъ Инда въ Лагоръ: ему поручены были лошади, посланныя отъ короля Англійскаго въ подарокъ Ренджитъ-Синю. Дж. Бёрнсъ, главный хирургъ въ Буджѣ, въ Кочской области, и родной братъ предъидущаго, былъ призванъ однимъ изъ эмировъ Синдскихъ, вынужденнымъ болѣзнію прибѣгнуть къ его помощи. Г. Поттингеръ отправился съ порученіемъ отъ верховнаго правительства Остъ-Индскаго. Всѣ трое шли вверхъ по Инду въ Гайдерабадъ различными рукавами. Описанія ихъ, изложенныя съ простотой, поселяющей довѣріе, хорошо знакомятъ насъ съ малопосѣщаемой страною.

Гайдерабадъ, на восточномъ берегу острова, образуемаго, какъ мы сказали, рѣками Индомъ и Фалайли, лежитъ въ четырехъ миляхъ къ югозападу отъ перваго и только въ тысячѣ футовъ отъ втораго; небольшой рукавъ, однако жъ такой, который подымаетъ ладью въ полноводье, отдѣляется отъ

Фалайли и подходитъ къ подошвѣ укрѣпленій. Городъ и цитадель построены на каменистомъ пригоркѣ; стѣны—кирпичныя, отъ пятнадцати до тридцати футовъ въ вышину, и обставлены круглыми башнями, въ одинаковомъ разстояніи одна отъ другой (Л. XXXVIII—1). Укрѣпленія не выдержали бы хорошей аттаки. Въ срединѣ крѣпости, массивная башня заключаетъ въ себѣ большую часть сокровищъ Синди. Городскіе домы—жалкія землянки. Главная промышленость города состоитъ въ выдѣлкѣ разныхъ родовъ оружія, которое можетъ равняться съ Европейскимъ. Жителей полагаютъ не болѣе двадцати тысячъ душъ.

Синди, сопредѣльный къ сѣверу съ владѣніями магараджи, къ сѣверозападу съ Белучистаномъ, къ югу съ Оманскимъ моремъ, Кочемъ и Реномъ, а къ востоку съ Раджпутаною, имѣетъ 125 миль отъ сѣвера къ югу, восемьдесятъ отъ востока къ западу, и около трехъ тысячъ квадратныхъ миль поверхности. Это плоская страна, прорѣзываемая Индомъ и его рукавами. Испытавъ различныя перемѣны судьбы, онъ вошелъ въ составъ Могольской имперіи и управлялся субадаромъ, жившимъ въ Мультанѣ и Таттѣ. Въ 1737 году, время упадка Могольской державы, одинъ воинъ Афганистанскаго племени Калордвъ, пріобрѣлъ себѣ верховную власть; но былъ побѣжденъ Надиръ-Шахомъ и вынужденъ искать убѣжища въ Амеркотѣ, въ степи. Побѣдитель дозволилъ ему однако воротиться и принять правленіе въ качествѣ подручника. Домъ Калоры удержалъ его за собою до 1779 года; тогда овладѣли краемъ Тальпуры, вы-

шедшіе изъ Белучистана, и обязались платить ежегодную дань хану Кабульскому. Они выполняли обязательство до 1792 года, и тутъ еще заплатили нѣкоторую часть, но потомъ, пользуясь внутренними междоусобіями въ Кабулѣ, они наконецъ освободились отъ данничества.

Тальпуры не переставали дѣлать завоеванія насчетъ окрестныхъ государствъ, и простерли бы власть свою гораздо далѣе, если бъ не боялись съ одной стороны Сейковъ, а съ другой Англичанъ.

Весь край подѣленъ между тремя отраслями царствующаго дома: первая пребываетъ въ Мирпурѣ, вторая въ Баккарѣ, третья, и сильнѣйшая, въ Гайдерабадѣ. Главы ихъ принимаютъ титулъ эмировъ: старѣйшины Гайдерабадскіе управляли прежде сообща; ихъ было четыре брата. Въ 1836 году оставался дѣйствительнымъ властелиномъ только одинъ; племянникъ его, человѣкъ слабаго здоровья, не имѣлъ ни какого участія въ правительствѣ.

Весь доходъ Синди полагаютъ въ 13,000,000 франковъ. Говорятъ, что цѣнность эмирскихъ сокровищъ простирается до пятисотъ милліоновъ, изъ которыхъ триста двадцать пять въ монетѣ, остальное въ дорогихъ каменьяхъ.

Войско состоитъ изъ 50,000 человѣкъ. Синдіецъ храбръ на полѣ битвы; совсѣмъ не такъ, какъ другіе Азіатцы, онъ гордится тѣмъ, что онъ пѣшій, а не на конѣ. Главное оружіе его мушкетонъ, сабля и щитъ. Онъ предпріимчивъ, смѣлъ и отваженъ, передъ старшими кротокъ и послушенъ; поэтому онъ легко находитъ себѣ службу у сосѣднихъ государей.

«У Синдійцевъ, говоритъ Г. Поттингеръ, цвѣтъ кожи весьма темный; но вообще можно сказать, что это прекрасные собою люди, стройные и съ весьма правильными чертами. Красота Синдіекъ не даромъ вошла въ пословицу. Одежда мужчинъ состоитъ изъ широкой туники, сборчатыхъ шароваръ, доходящихъ до голени, и шапочки изъ сукна или тканья, похожей видомъ на шляпу и вышитой по верху шелковыми или золотыми цвѣтами (Л. XXXVII—4). У женщинъ то же одѣяніе, за исключеніемъ шапочки, да подъ рубашку надѣваютъ онѣ шелковый корсажъ, который охватываетъ имъ талію и стягивается сзади.

Населенія считаютъ до милліона душъ; оно состоитъ изъ смѣси Белучей съ Гиндусами. Именемъ Джетовъ означаютъ потомство послѣднихъ, принявшее исламизмъ. Оно-то собственно и составляетъ народъ Синдійскій.

На аудіэнціи, данной эмирами Господамъ Поттингеру и Дж. Бёрнсу, эти князья были одѣты съ ослѣпительнымъ великолѣпіемъ: рукоятки и ножны ихъ сабель и кинжаловъ горѣли отъ драгоцѣнныхъ камней; портупеи тоже. Половые ковры и заспинныя подушки покрыты были чахломъ изъ кисеи, шитой съ удивительнымъ искуствомъ золотыми и серебряными цвѣтами. Нарядъ многихъ чиновниковъ ихъ не уступалъ въ богатствѣ ихъ собственному. «Вообще, говоритъ Г. Дж. Бёрнсъ, декорація была блестяща.

«Меня отвели потомъ въ предназначенное мнѣ мѣсто жительства. Это былъ огромный садъ, отъ города на четверть мили; между множествомъ раскинутыхъ тамъ палатокъ была одна въ сорокъ футовъ длиной

и въ двѣнадцать вышиною; она была такъ роскошно убрана, что осматривая ее съ тѣмъ же изумленіемъ, какое породилъ во мнѣ блескъ пріемной залы, я невольно припомнилъ многія изъ сценъ, описанныхъ въ *Тысячѣ одной ночи.*»

Когда братъ Дж. Бёрнса прибылъ въ Синди, лучезарность эмирскаго двора померкла уже ощутительно, а сверхъ-того глубокая тишина и отличный порядокъ, господствовавшіе тамъ во время двухъ первыхъ путешественниковъ, замѣнились шумомъ и смятеніемъ.

Хотя правленіе эмировъ утѣснительно, Синди нельзя назвать злополучною страной. Плодоносіе ея, можно сказать, посмѣвается гибельнымъ слѣдствіямъ безпощадной, невѣжественной администраціи. Вездѣ признаки довольства и обилія поражаютъ взоръ изумленнаго чужестранца. Несмотря на вериги, обременяющія торговлю, она дѣятельна, а сколь цвѣтущаго состоянія могла бы она достигнуть, если бъ наслаждалась потребной свободою! Индъ, только открой по немъ судоходство, сталъ бы для Синди неисчерпаемымъ ключемъ богатствъ. Г. А. Бёрнсъ шелъ вверхъ по немъ отъ одного изъ его устьевъ до слитія съ Ченабомъ, а отсюда по самый Лагоръ. Пароходы могли бы пробѣгать все это разстояніе, и края, орошаемые прекрасною рѣкой, воспользовались бы тогда дивнымъ открытіемъ.

Татта въ двѣнадцати миляхъ къ югозападу отъ Гайдерабада и въ двадцати миляхъ отъ морскаго берега, въ плодоносной долинѣ, омываемой разливами рѣки. Этотъ городъ былъ нѣкогда столицею Синди;

въ немъ теперь сорокъ тысячъ душъ. Часть домовъ въ совершенномъ упадкѣ; торговля и промышленость, хотя разстроились, однако еще довольно важны.

Въ пяти миляхъ ниже Татты Индъ дѣлится на два рукава: Баггаръ идетъ вправо, Сата влѣво. Оба далѣе еще подраздѣляются. Рѣка притекаетъ къ морю одиннадцатью устьями. Непостоянство ея теченія дельтою вошло въ поговорку, и судоходство здѣсь затруднительно и опасно. Устья, въ которыхъ наименѣе прѣсной воды, самыя доступныя для судовъ, идущихъ съ моря, потому что въ нихъ не такъ много песчаныхъ наносовъ, какъ въ другихъ. Рукавъ Баггаръ именно поэтому представляетъ самый чистый и глубокій фарватеръ; часто посѣщается и одно изъ подраздѣленій его, Питти, впадающее въ Корачинскую губу.

Передъ устьями Инда, глубина открытаго моря незначительна, но постоянна. Поелику весь берегъ Синди открытъ югозападному муссону, судоходство прекращается здѣсь раньше, нежели въ сосѣдственныхъ странахъ. Во время полнолуній и новолуній приливъ подымается въ устьяхъ рѣки на девять футовъ; онъ покрываетъ и потомъ оставляетъ съ неимовѣрною быстротой отмели и земли, имъ понимаемыя.... Г. А. Бёрнсъ наблюденіями своими подтвердилъ эти феномены, которые изумили и вмѣстѣ устрашили воиновъ Александра Великаго, привыкшихъ до тѣхъ поръ къ водамъ одного Средиземнаго Моря.

Главная пристань Синди есть Корачи, въ глубинѣ бухты этого имени; хотя она довольно стѣснена и не можетъ вмѣщать суда, сидящія въ водѣ глубже шест-

надцати футовъ, здѣсь производится значительный торгъ, по выгодности положенія Корачи на рубежѣ Белучистана съ краями, омываемыми Индомъ. Городъ защищается весьма посредственной крѣпостью; мануфактурная промышленность состоитъ въ выдѣлкѣ войлоковъ и холстинокъ; вокругъ ровное мѣсто и песокъ. Корачи — одно изъ не такъ давнихъ завоеваній эмировъ Синдскихъ.

Въ осми миляхъ къ сѣверозападу отъ Корачи, мысъ Монзъ или Могари, возвышающійся на оконечности горъ Гала́, означаетъ западный предѣлъ Индіи.

ГЛАВА LIX.

Белучистанъ.

Обогнувъ мысъ Монзъ на пути къ западу, мореплаватель вскорѣ откроетъ небольшой заливъ Сонмини, куда впадаетъ рѣчка Пуралли, текущая съ сѣвера. На лѣвомъ берегу выстроена слобода Сонмини, обитаемая рыболовами; она уже въ Белучистанской области, Лоцъ. Въ этой-то пристани, 2 января 1810 года, вышли на берегъ Англійскіе офицеры Поттингеръ и Кристи (Christie), посланные губернаторомъ Индіи для изслѣдованія земель, лежащихъ между этою страной и Персіей. Они странствовали переодѣтые въ агентовъ богатаго Индѣйскаго коне-торговца. Ихъ описанію и замѣткамъ единоземца ихъ Г-на Гранта, видѣвшаго только часть этихъ странъ, гдѣ такъ рѣдко бываютъ Европейцы, обязаны мы достовѣрными извѣстіями, которыя знакомятъ съ столь любопытнымъ угломъ Азіатскаго міра.

Заливъ Сонмини представляетъ отличное пристанище для флотовъ самыхъ значительныхъ; здѣсь соединились морскія силы Неарха, адмирала Александрова. Описаніе этихъ мѣстъ, оставленное намъ Арріаномъ, изумляетъ своею точностью.

«Обозрѣвая Сонмини, говоритъ Г. Поттингеръ, мы удивились цвѣтущему состоянію торговли, вовсе не соотвѣтственному съ жалкимъ видомъ этого мѣстечка;

впрочемъ вся она въ рукахъ баніановъ, или Индѣйскихъ купцевъ. Мы распрашивали одного изъ нихъ, и онъ сказывалъ, что дѣла шли здѣсь прежде еще несравненно лучше, но что въ исходѣ 1808 года пираты Арабскіе, зашедъ сюда изъ Персидскаго залива, выжгли и разграбили Сонмини, который доселѣ не могъ оправиться отъ этой бѣды.»

Англичане, сѣвъ на верблюдовъ, отправились со всѣми пожитками изъ Сонмини 19 января. Они ѣхали солончатымъ болотомъ, поросшимъ кустами тамаринда, потомъ шли ровныя и вообще необработанныя мѣста; воздѣлка обнаруживалась только около селеній. Двадцать втораго января, они прибыли въ главный городъ Лоцы, Белу. Она на правомъ берегу Пуралли; въ ней двѣ тысячи домовъ. Начальникъ, именуемый джамомъ, давалъ имъ аудіенцію въ чрезвычайно простой залѣ; но принялъ ихъ весьма ласково и распрашивалъ о Европейскихъ обычаяхъ и морской силѣ Англичанъ. Подробности, ими сообщенныя, изумили его до такой степени, что онъ воскликнулъ: «Я долженъ вѣрить всему этому, потому что слышу отъ васъ: но если бъ самъ святой Пророкъ, — да будетъ надъ нимъ миръ Господень, — расказалъ это жителямъ Лоцы, они и отъ него потребовали бы доказательства.»

Когда они объяснили джаму цѣль своего путешествія, онъ обѣщалъ имъ рекомендательныя письма къ начальникамъ тѣхъ округовъ, гдѣ имъ слѣдовало проѣзжать, и чрезъ посредство его они заключили договоръ съ Рахметъ-Ханомъ, княземъ Безенджей, у которыхъ путешественники такъ часто подвергаются

грабежу. Они заплатили ему шестьдесятъ рупій, а онъ далъ имъ слово ихъ покровительствовать: «Вы въ безопасности, говорилъ онъ имъ: никто изъ смертныхъ васъ не тронетъ; прочее зависитъ отъ Вседержителя и Его великаго Пророка.»

Джамъ управляетъ Лоцою, какъ вассалъ Келатскаго хана; владычество его кротко и справедливо. Баніаны, то есть Гиндустанскіе купцы, пользуются въ торговлѣ всѣмъ покровительствомъ и всею безопасностью, какихъ только желать можно. Многіе изъ нихъ, родомъ изъ Мультана и Шикарпура, навѣщали Англичанъ и были въ восторгѣ отъ свѣдѣній, оказанныхъ Г-мъ Кристи въ разговорѣ о торговлѣ здѣшнихъ странъ, что́ было весьма полезно для путешественниковъ.

Вскорѣ, они отправились въ путь, подъ прикрытіемъ шайки разбойниковъ. Послѣдніе, увидѣвъ дорогою поле сахарнаго тростнику, набрали его, сколько было можно взять съ собою, а бѣдные хозяева, оцѣпенѣвъ отъ страха, только смотрѣли на нихъ, безъ малѣйшей жалобы. Это было уже за предѣлами Лоцы.

По мѣрѣ углубленія къ сѣверу, край дичалъ и становился неровнымъ; виды были разнообразны, мѣстами — роскошны и величественны. Англичане проѣзжали чрезъ городокъ Хоздаръ, окруженный плодовыми садами и стоящій въ долинѣ, среди горъ. Путешествуя по этому дикому краю, они удостовѣрились въ суровости его зимы: не только горы покрыты были снѣгомъ, но даже вода замерзала въ бурдюкахъ.

Девятаго февраля путешественники въѣхали въ Келатъ, столицу Белучистана, и остановились въ предмѣстіи. Въ теченіи цѣлаго дня имъ надлежало поддерживать большой огонь среди комнаты. Бывшіе при нихъ люди чрезвычайно страдали отъ холода, который былъ такъ жестокъ, что вода замерзала по мѣрѣ того, какъ ее лили. «Наше издрогшее общество, говоритъ Г. Поттингеръ, составляло странную противоположность съ здоровымъ домохозяиномъ и братомъ его, которые уходили на зарѣ въ окрестныя горы за дровами.»

Келатскій ханъ отправился со всѣми приближенными въ область Кочъ-Гондаву, лежащую на востокѣ отъ горъ. Онъ обыкновеннò проводитъ тамъ зиму, потому что климатъ благопріятнѣе. Махмудъ царствовалъ съ 1795 года; онъ наслѣдовалъ отцу своему Нессиръ-хану, замѣчательному дарованіями и высокимъ характеромъ, освободителю и законодателю своего края. Память его, чтимая соотчичами, передала имя его въ видѣ прозвища для означенія самаго лучшаго государя. Махмудъ-ханъ не умѣлъ, подобно ему, держать твердою рукой бразды правленія.

Шестаго марта путешественники выѣхали изъ Келата. Дорога сдѣлалась весьма неровною; они слѣдовали на западъ. Ночи были по-прежнему очень холодны. Достигнувъ печальными и безплодными мѣстами вершины одной горы, они увидѣли въ направленіи своего пути песчаную степь, простиравшуюся докуда было видно. Крутой спускъ привелъ ихъ въ деревню Нушки, гдѣ, по собраннымъ ими указаніямъ, они рѣшились ѣхать врозно. Кристи пустился къ

сѣверу на Гератъ; Г. Поттингеръ продолжалъ путешествіе свое къ западу. Двадцать пятаго марта онъ выѣхалъ изъ Нушки въ сопровожденіи пяти человѣкъ. «Ни одинъ изъ насъ, говоритъ онъ, не былъ вооруженъ какъ слѣдуетъ, такъ что вразсужденіи безопасности нашей мы должны были положиться болѣе на счастье, которое могло избавить насъ отъ непріятныхъ встрѣчъ, нежели на свои способы къ отраженію людей, которые вздумали бы насъ ограбить.»

Вскорѣ онъ достигъ послѣдняго колодезя, гдѣ наливаютъ бурдюки, и потомъ углубился въ степь. Часто приходилось идти пѣшкомъ въ этой неизмѣримой пустынѣ, которая видомъ своимъ разнилась съ подобными мѣстами въ Аравіи и въ Африкѣ. Красноватый песокъ состоитъ изъ столь мелкихъ пылинокъ, что едва можно осязать ихъ, посыпавъ на руку: колышимый вѣтромъ, онъ образуетъ волнистыя неправильныя массы, отъ десяти до двадцати футовъ въ вышину, идущія, по большей части, отъ востока къ западу; одна сторона этихъ подвижныхъ холмовъ всегда бываетъ круче, и изъ-дали можно принять ее за стѣну кирпичную; напротивъ бокъ, обращенный къ вѣтру, представляетъ отлогую покатость. Путешественникъ долженъ искать дороги во рвѣ, который песчаные валы оставляютъ между собою. Переходить цѣпи такихъ холмовъ крайне затруднительно; взобравшись на нихъ, верблюды съѣзжаютъ съ вершинъ вмѣстѣ съ пескомъ, и когда одинъ прошелъ впередъ, другимъ уже легче за нимъ слѣдовать. Песокъ, взмятенный вѣтромъ, подымается въ воздухѣ какъ туманъ, и проникая въ ротъ, въ глаза, въ ноздри, причи-

няетъ болѣзненное раздраженіе и усиливаетъ муку жажды, тѣмъ болѣе жестокую, что миражъ представляетъ со всѣхъ сторонъ обманчивые виды свѣтлыхъ водъ.

Перваго апрѣля путешественники ѣхали русломъ Будона, имѣющаго полторы тысячи футовъ ширины, но тогда совсѣмъ пересохшаго. Деревни были покинуты жителями, бѣжавшими голода отъ засухи. Втораго апрѣля дождь лилъ ручьями съ полчаса, и вода была мгновенно поглощена отощавшею землею; въ то же время поднялся страшный вихрь. «Потмнѣло до такой степени, говоритъ путешественникъ, что я не могъ ничего видѣть въ десяти шагахъ. Эти бури довольно часты, и безпокоятъ, пока продолжаются, но зато очищаютъ воздухъ. Коль скоро замѣтишь признаки, ихъ предвѣщающіе, надобно слѣзть съ верблюда и спрятаться за него.»

Четвертаго апрѣля, на рубежѣ этой негостепріимной страны, Г. Поттингеръ достигъ Мекрана. Передъ въѣздомъ въ Келлеганъ, вожатый, который отправился упредить сердаря объ ихъ прибытіи, по наказу послѣдняго присовѣтовалъ путешественнику снять его Индѣйскій нарядъ и одѣться мусульманскимъ богомольцемъ. «Не думай, сказалъ ему этотъ человѣкъ, что ты во владѣніяхъ хана Келатскаго, и не надѣйся встрѣтить здѣсь порядокъ и безопасность, какія тамъ господствуютъ. Мы въ Мекранѣ, гдѣ каждый разбойничаетъ и готовъ безъ зазрѣнія ограбить брата или сосѣда. Званіе купеческаго прикащика хуже всѣхъ, какія ты можешь выбрать для продолженія своего пути: напрасно бы стали мы увѣрять та-

кихъ головорѣзовъ, что человѣкъ, занимающійся торговлею, не имѣетъ при себѣ цѣнныхъ вещей, или по-крайней-мѣрѣ, средствъ пріобрѣсти ихъ.» Нельзя было терять времени на обсужденіе этой проповѣди, казавшейся преувеличенною. Г. Поттингеръ переодѣлся по желанію проводника и поспѣшилъ проѣхать эти страшныя мѣста со всевозможной быстротою. Прибывъ къ племенамъ не столь свирѣпымъ, онъ только дарами могъ выманивать у старшинъ достаточныя прикрытія для переѣзда такихъ странъ, гдѣ на каждомъ шагу грозила ему опасность. Наконецъ, двадцать третьяго апрѣля, добрался онъ въ Реганъ, укрѣпленное мѣсто на Персидской границѣ.

Онъ съѣхался съ товарищемъ въ Испагани. Кристи путешествовалъ сначала краемъ, наполненнымъ песчаными увалами и порой вовсе безводнымъ. Двадцать седьмаго апрѣля достигъ онъ береговъ Гельменда; земля по обѣимъ сторонамъ рѣки обработана на разстояніе полумили, потому что удобно поливать ее; далѣе начинается степь. Однажды ночью, подъ селомъ, неподалеку отъ Гельменда, жившіе тамъ Афганцы чуть было не захватили въ расплохъ Белучей, съ которыми ѣхалъ Кристи. Къ счастію одинъ изъ нихъ далъ тревогу, вошли въ переговоры и поладили. Весь этотъ край безплоденъ и полонъ разбойниковъ.

Ви Элондарѣ, Седжистанскомъ городѣ, Кристи, по совѣту одного Индѣйца, разстался съ Белучами и продолжалъ свое странствованіе мусульманскимъ богомольцемъ съ проводникомъ и тремя другими путешественниками. Онъ былъ очень хорошо принятъ начальникомъ этого маленькаго городка. «Онъ былъ

одѣтъ, по словамъ его, щегольски и окруженъ многочисленною прислугой. Это бичъ всѣхъ сосѣднихъ округовъ: онъ живетъ однимъ грабежемъ, потому что землица его маленькая и заключена въ Афганистанѣ; Гельмендъ орошаетъ ее; берега рѣки славно обработаны и плодоносны, но наибольшая ширина этой доброй полосы не превышаетъ двухъ миль Англійскихъ. За ней крутояры означаютъ степь, идущую далеко во всѣ стороны. Этотъ край, нынѣ обитаемый только Афганцами и Белучами, которые живутъ въ войлочныхъ юртахъ, еще носитъ слѣды прежней гражданственности и богатства. Увидите развалины селъ, крѣпостей, вѣтряныхъ мельницъ.»

Далѣе подступила къ Кристи шайка изъ шести вооруженныхъ Афганцевъ; но бодрость его и проводникова избавили отъ бѣды все ихъ общество; разбойники удалились. Осмнадцатаго маія онъ прибылъ въ Персидскій городъ Гератъ.

Белучистанъ, гранича къ сѣверу и сѣверовостоку съ Афганистаномъ, къ востоку—съ Синди, къ югу съ Оманскимъ моремъ, къ западу съ Персіею, имѣетъ 275 миль въ длину, 175 въ ширину и 16,600 квадратныхъ миль поверхности. Берега песчаны и безплодны; край подымается во внутренности и составляетъ обширную плоскость, прорѣзанную къ востоку высокими горами, которыя, подъ общимъ именемъ Брагуикскихъ или Гизнійскихъ горъ, тянутся съ юга на сѣверъ и проходятъ въ Афганистанъ. Другія горы, простирающіяся отъ востока къ западу, раздѣлены лощинами въ продоль.

Близъ Келата, кряжи, раздѣленные страшными ущельями, достигаютъ тысячи четырехъ-сотъ тоазовъ высоты. Почва суха и тоща на всей плоскости, но въ долинахъ вообще тучна и плодоносна. Степи занимаютъ обширное пространство, рѣки незначительны: нѣкоторыя теряются въ пескахъ, и почти всѣ пересыхаютъ лѣтомъ. Мы прежде видѣли, какъ сурова температура въ гористыхъ округахъ; жары въ Мекранѣ, или древней Гедрозіи, длятся съ марта по октябрь; въ Кочъ-Гондавѣ, къ востоку отъ горъ, воздухъ до того душенъ, что богатые ищутъ прохлады въ возвышенной части края.

Несмотря на каменистое свойство почвы вообще, нѣкоторые округи даютъ обильную жатву пшеницы и ячменю; въ другихъ мѣстахъ густая и высокая трава доставляетъ лучшій кормъ для скотины. Различные металлы находятся въ горахъ. Желѣзныя и свинцовыя руды разработываются; на западѣ много каменной соли. Лѣса наполнены прекрасными деревьями, сады—Европейскими плодами.

Изо всѣхъ домашнихъ животныхъ, Белучи наиболѣе цѣнятъ двугорбыхъ и одногорбыхъ верблюдовъ, которымъ очень хорошо въ здѣшнихъ пескахъ. У нихъ есть также прекрасныя гончія собаки; и порода ихъ тщательно сберегается. Въ кустарникахъ много дикихъ собакъ, равно какъ и другихъ животныхъ.

Населеніе всего Белучистана полагаютъ приблизительно въ три милліона душъ. Оно преимущественно состоитъ изъ Белучей и Брагуевъ; но есть здѣсь и Дехвары, потомки древнихъ Гебровъ и Гиндусовъ. Белучи и Брагуи равно преданы кочевой жизни, и дѣ-

лятся на множество племенъ. Языкъ первыхъ имѣетъ много общаго съ новымъ Персидскимъ; напротивъ нарѣчіе Багруевъ сходно съ Пенджабскимъ.

Белучи рослы, стройны и бодры. Нѣкоторыя изъ племенъ ихъ, стоящія на низкой ступени образованія, уважаютъ грабежъ и презираютъ воровство мелочное. Впрочемъ, гостепріимство найдете у нихъ вездѣ, и законы его никогда не нарушаются. Белучи охотно повинуются начальнику; они живутъ подъ *гедапами*, то есть, палатками изъ чернаго войлока, или толстыми навѣсами, растянутыми на остовѣ изъ плетеныхъ вѣтвей тамаринда. Соединеніе извѣстнаго числа этихъ юртъ составляетъ *туменъ*, или деревню, а собраніе ихъ жителей называется *хейль* (міръ или община); нѣсколько хейлей образуютъ племя. Иногда половина хейля живетъ въ юртахъ, другая въ избахъ. Нарядъ и оружіе Белучей сходны съ Афганскими.

Брагуи не такъ рослы, какъ Белучи, но они весьма сильны, дѣятельны и привычны къ усталости; притомъ кротки, честны, миролюбивы и работящи. Они преимущественно занимаются уходомъ за стадами, и хейли ихъ, разбросанные среди высокихъ горъ, являли взору Англійскихъ путешественниковъ прелестный образецъ пастушеской жизни. Женщины не только не заперты, какъ въ Гиндустанѣ, напротивъ, онѣ превесело говорили съ чужеземцами, и всѣ члены семейства, даже малыя дѣти, принимали участіе въ земледѣльческихъ трудахъ.

Подобно многимъ народамъ въ Азіи, Белучи любятъ яства съ крѣпкой приправою; эту страсть простираютъ они даже до крайности. Одинъ изъ жителей Нуш-

ки, желая изъявить признательность свою Англійскимъ путешественникамъ, принесъ имъ разъ, въ обѣденное время, молодой отпрыскъ дурнаго-духу (assa foetida), сваренный въ прогоркломъ маслѣ. Трудно было увѣрить его, что пріѣзжіе не шутятъ, когда они стали говорить ему, что имъ вовсе не по вкусу лакомый кусокъ, который онъ расхваливалъ какъ записной обжора и нарочно изготовилъ для новыхъ своихъ пріятелей. «Вонь отъ него, говоритъ Поттингеръ, была истинно невыносима; ибо духъ отъ свѣжаго растенія гораздо крѣпче и отвратительнѣй, нежели отъ сухаго, извѣстнаго у насъ въ Европѣ. Въ бытность нашу въ деревнѣ представилось тому страшное доказательство: привезли свѣжій запасъ пахучаго растенія; всѣ жители наѣлись, и не только провоняли сами, но заразили даже воздухъ въ окрестности.»

Вѣра здѣшняго края — исламъ. Келатскій ханъ можетъ назваться главою союза, образуемаго сердарями разныхъ племенъ. Многія изъ послѣднихъ повинуются ему только тогда, когда находятъ въ томъ свои выгоды, а нѣкоторыя пріобрѣли и полную независимость. Совокупность военныхъ силъ полагаютъ свыше ста тысячъ. Ханъ былъ прежде вассаломъ государя Кабульскаго; но теперь, уже нѣсколько лѣтъ, онъ не признаетъ его верховной власти.

ГЛАВА LX.

Афганистанъ. Пейшаверъ. Кабулъ. Кандагаръ. Гератъ.

Когда въ 1782 году Форстеръ проѣзжалъ Афганистаномъ, этотъ край повиновался государю, котораго мѣстомъ пребыванія былъ Кабулъ. Держава Афганская, сильная въ то время, существовала съ 1747 года; она заключала въ себѣ пять большихъ странъ: къ востоку — часть Хорасана, въ срединѣ—собственный Афганистанъ, къ сѣверу — Балханъ, къ югу — Сеистанъ, къ западу отъ Инда — Мультанъ, то есть, Кашмиръ, Пенджабъ, Мультанъ и Синди. Она простиралась отъ 28° 54′ до 37° 26′ сѣверной широты и отъ 77° 48′ до 90° 59′ восточной долготы. Поверхность ея превышала 80,000 миль квадратныхъ; населеніе полагали въ 14,000,000 душъ.

Въ теченіи Среднихъ Вѣковъ Афганистанъ подвергался частымъ перемѣнамъ, повинуясь то туземнымъ властителямъ, то Персіянамъ, Монголамъ, Тамерлану; потомъ значительная часть его вошла въ составъ Дегллйской имперіи. Около 1720 года, Афганцы подъ предводительствомъ туземныхъ начальниковъ завоевали Персію и взяли Испагань; Надиръ-Шахъ изгналъ ихъ и покорилъ себѣ ихъ землю. По смерти этого завоевателя, Ахмедъ-ханъ, глава племени Абдаллійцевъ, позже названнаго Дурани, проходитъ съ тремя ты-

скачами конницы весь Хорасанъ, идетъ прямо къ Кандагару, овладѣваетъ казной, предназначенной для Надира и, безъ большаго кровопролитія, провозглашаетъ себя шахомъ въ октябрѣ 1747 года. Онъ увеличилъ страну свою, простерши завоеванія до Дегли, и умеръ въ 1773-мъ, пятидесяти лѣтъ отъ роду, оставивъ свою державу въ цвѣтущемъ положеніи. Афганы доселѣ говорятъ съ восторгомъ о его храбрости, дарованіяхъ, могуществѣ и характерѣ, снискавшемъ ему любовь различныхъ племенъ, которыя составляли обширное его государство. Онъ былъ изъ рода Садози.

Сынъ его Тимуръ, лишенный качествъ, нужныхъ для поддержанія новорожденной монархіи, долженъ былъ уступить Пенджабъ во власть Сейковъ; однако жъ умѣлъ сберечь бóльшую часть своихъ земель. Когда онъ умеръ, сынъ его Земанъ-шахъ взошелъ на престолъ, лишивъ зрѣнія старшаго брата; но въ 1800 году онъ былъ сверженъ, и меньшой братъ его Махмудъ сдѣлалъ съ нимъ то же, что онъ со старшимъ. Махмудъ обязанъ былъ своими успѣхами Фетхъ-хану, главѣ рода Барахзіевъ; между послѣднимъ и Акрамъ-ханомъ возникла пагубная вражда. Смуты возрасли до такой степени, что вскорѣ Махмудъ царствовалъ дѣйствительно въ одной столицѣ. Въ 1803 году онъ былъ изгнанъ въ свою очередь роднымъ братомъ Шуджа-уль-Мулькомъ, который, противъ обыкновенія, оставилъ ему и жизнь и глаза. Шуджа былъ худо вознагражденъ за свое милосердіе: въ 1809 году Махмудъ, снова возведенный на престолъ происками Фетхъ-хана, принудилъ его бѣ-

жать въ Гиндустанъ. Не задолго до того времени, прибыло Англійское посольство, порученное Моунтъ-Стюартъ Эльфинстону. Шахъ-Шуджа принялъ его въ Пейшаверѣ; но когда оно получило отпускную аудіенцію, Махмудъ уже поднялъ знамя бунта, и Англичане пустились обратно на востокъ.

Сынъ Махмудовъ Камру, недовольный преобладаніемъ Фетхъ-хана, внушеніями своими убѣдилъ отца сбыть съ рукъ министра, которому онъ былъ обязанъ верховной властію: Фетхъ-хану сперва выкололи глаза, а послѣ, въ 1818 году, предали его смерти самой мучительной. Тогда всѣ братья его подняли мятежъ. Махмудъ, покинутый бо́льшею частію своихъ подданныхъ, поспѣшно бѣжалъ въ Гератъ, не пытаясь даже сражаться. Бѣгство это было признакомъ отреченія отъ власти; ибо хотя онъ удержалъ за собой Гератъ и санъ королевскій, онъ сдѣлался вассаломъ Персіи. Онъ умеръ въ 1829 году, и сынъ его Камру принялъ у него изъ рукъ ограниченное могущество.

Едва Махмудъ удалился въ Гератъ, Барахзійцы призвали обратно Шуджу, который поспѣшилъ къ нимъ изъ Пейшавера; но неосторожностію поступковъ онъ оттолкнулъ своихъ приверженцевъ: они обратили глаза на брата его Эюба, человѣка вполнѣ ничтожнаго, но имѣвшаго столько предусмотрительности, чтобъ сгубить всѣхъ искателей престола, которые попались къ нему во власть.

Шуджа, изгнанный вторично, возвратился опять въ Лодіану. Явныя попытки и скрытые происки снова возвести его на престолъ не имѣли успѣха. Онъ жилъ нѣсколько времени пенсіей Британскаго правитель-

ства, и только при его помощи снова достигъ верховной власти.

Смятенія, слѣдовавшія за смертію Фетхъ-хана, оставили безъ защиты Кашмиръ и другія области по ту сторону Инда; всѣ онѣ, одна за другой, подпали власти Ренджитъ-Синя Пенджабскаго. Въ 1822 году онъ перешелъ Индъ и совершенно разбилъ Афганцевъ въ большомъ сраженіи. Побѣда, рѣшенная его мужествомъ, утвердила власть Сейковъ въ странѣ ихъ всегдашнихъ враговъ, и съ того времени Пейшаверъ платилъ дань магараджѣ.

Барахзійцы, вмѣсто того, чтобъ оставаться въ ладу, раздѣлились на партіи и такимъ образомъ сами помогли успѣху честолюбивыхъ замысловъ Ренджитъ-Синя. Среди кровопролитныхъ междоусобій, призракъ короля, Эюбъ, потерялъ своего роднаго сына. Пораженный страхомъ онъ искалъ убѣжища при Лагорскомъ дворѣ. Синдійцы отреклись отъ всякой зависимости; Балхъ со всѣми землями своими былъ присоединенъ къ владѣніямъ Бухарскаго хана.

Одинъ изъ Барахзійскихъ начальниковъ утвердился въ Кандагарѣ, другой въ Пейшаверѣ, третій въ Кабулѣ: такъ наконецъ пала держава Дуранійцевъ, существовавъ въ теченіи семидесяти шести лѣтъ. По раздѣленіи ея, Г. Бёрнсъ путешествовалъ въ Афганистанѣ; онъ прибылъ туда въ 1832 году.

Афганы съ незапамятныхъ временъ обитаютъ въ странѣ, которой сообщили они свое названіе. Сами себя именуютъ они *Пештанé*, изъ чего въ Индіи передѣлали *Пи́танъ* или *Па́танъ*. Подобно всѣмъ народамъ, незнавшимъ употребленія письменъ до принятія

ислама, они воспользовались Арабскою грамотой и утратили настоящее преданіе о своемъ началѣ. Основываясь на понятіяхъ, заимствованныхъ изъ Корана и на бредняхъ Жидовъ, они выдаютъ себя за потомковъ десяти колѣнъ, плѣненныхъ Ассирійскими царями. Сколько ни явно такое заблужденіе, его повторяли въ Европѣ люди весьма ученые. Но довольно одного языка для опроверженія подобной нелѣпости: въ немъ нѣтъ ни малѣйшей аналогіи ни съ однимъ изъ Семитскихъ нарѣчій; только Арабскія слова вошли въ него вмѣстѣ съ изученіемъ корана, а коренныя слова Пешту представляютъ много сходства съ Персидскими.

Путешественники, жившіе у Афганцевъ, изображаютъ ихъ крѣпкими, худощавыми и мыщатыми; говорятъ, у нихъ черные волосы на головѣ и на бородѣ, впрочемъ иногда и темнорусые; носъ орлиный, черты правильныя, лице продолговатое; въ видѣ ихъ находили что-то Еврейское, и тѣмъ еще болѣе подтверждали басню, о которой мы упомянули. У восточныхъ Афганцевъ физіономія не такъ выразительна, какъ у западныхъ, но послѣдніе выше и сильнѣе; цвѣтъ у нихъ бѣлѣе, нежели у тѣхъ, между которыхъ есть люди, не уступающіе въ смуглотѣ Индѣйцамъ. Афганки прекрасны собою, милы, и ростомъ выше Индіянокъ.

Западные Афганцы подверглись вліянію Персидской образованности, а восточные—Индѣйской: и тѣ и другіе заимствовали нравы и обычаи ближайшихъ сосѣдей; напротивъ средніе наиболѣе удержали древняго быта своего племени. Оно раздѣляется на

двѣ главныя отрасли: одна, кочевая, живетъ еще въ шатрахъ, другая уже осѣдлая.

Различіе это опредѣляется разностію въ свойствѣ края, который на сѣверѣ и на востокѣ гористъ. На правомъ берегу Инда—конецъ Гималаямъ; на лѣвомъ начинается Гинду-Кушъ (Паропамизъ у древнихъ), который, съ нѣсколькими уклонами на югъ, идетъ отъ востока къ западу, понижаясь къ Герату, гдѣ представляетъ уже лабиринтъ холмовъ. Главная вершина его, *Спингуръ* (Бѣлокъ, Бѣлая гора), въ 20,493 фута вышиною; подъ 67-мъ меридіаномъ простираются отъ него двѣ огромныя вѣтви къ югу: одна восточная подъ именемъ Солиманъ-ку, другая западная, Брагоикъ-ку, параллельна съ первою. Нѣтъ точныхъ извѣстій касательно вышины этихъ горъ, идущихъ внутрь Белучистана; но думаютъ, что она составляетъ около 1,400 тоазовъ. Онѣ посылаютъ отроги къ востоку и къ западу. Послѣдніе простираются весьма далеко, оставляя между собою обширныя розныя мѣста.

Индъ, главная рѣка западнаго Афганистана, принимаетъ справа Кабулъ, а пониже Гомалъ, которыя долго змѣятся между горами. Въ противоположномъ направленіи течетъ Гельмендъ; онъ проходитъ сперва обширное пространство гористыми мѣстами, потомъ достигаетъ равнинъ къ западу, далѣе бѣжитъ степью и напослѣдокъ оканчиваетъ двухсотъ-пятидесятимильное теченіе въ озерѣ Зерре.

Климатъ весьма разнообразенъ въ Афганистанѣ: постоянное пребываніе снѣговъ на возвышеннѣйшихъ вершинахъ и медленное таяніе ихъ на горахъ средней величины имѣютъ большое вліяніе на темпера-

туру, которая очень холодна зимой, и умѣренна лѣтомъ въ гористой половинѣ края; напротивъ въ равнинахъ жаръ невыносимъ. Дождей вообще немного: зимніе чрезвычайно важны для обработки земель. Дѣйствіе муссоновъ ощутительно въ южныхъ округахъ. Горы довольно лѣсисты. Произведенія почвы отличаются дивнымъ многообразіемъ: кромѣ Европейскихъ прозябеній, тамъ ростутъ отчасти тѣ, которыя родятся только въ Индіи. То же и съ животнымъ царствомъ: саранча, этотъ бичъ восточнаго міра, причиняетъ здѣсь большія опустошенія.

О минералогіи Афганистана извѣстно еще весьма немного. Говорятъ, что въ большей части рѣкъ находятся частицы золота; въ высокихъ горахъ Гинду-Куша есть серебряныя руды, а въ разныхъ другихъ мѣстахъ свинецъ, желѣзо, сюрьма. Соляные источники многочисленны.

Племена, изъ которыхъ состоитъ народъ Афганскій, превышаютъ число трехсотъ, включая и мелкія ихъ подраздѣленія. Улусъ—общее имя, употребляемое для означенія племени въ совокупности. Въ каждой общинѣ есть князь, или сердарь, подчиненный племенному главѣ, имѣющему титулъ хана. Выборъ почти всегда зависитъ отъ короля, который можетъ по произволенію смѣнить хана и назначить вмѣсто его одного изъ родственниковъ. Въ нѣкоторыхъ улусахъ, ханъ назначается членами рода. Во всякомъ случаѣ, тутъ обращаютъ вниманіе на право старшинства и еще болѣе на зрѣлость лѣтъ, опытность и доброе имя. Такой неправильный образъ наслѣдованія даетъ поводъ къ смутамъ и проискамъ. Во всѣхъ междоусобныхъ

войнахъ, честолюбецъ, которому не удалось схватить начальства надъ улусомъ, пристаетъ съ клевретами своими къ сверженному королю.

Джиргою называютъ собранія отрядныхъ начальниковъ, гдѣ рѣшаются общественныя дѣла. Ханъ председательствуетъ въ главной джиргѣ, составленной изъ старѣйшинъ улуса, а послѣдніе собираютъ на сходки каждый своихъ подчиненныхъ. Въ неважныхъ случаяхъ, ханъ дѣйствуетъ по собственному усмотрѣнію; но въ дѣлахъ важныхъ онъ обязанъ сзывать совѣтъ. Весьма часто, каждое подраздѣленіе улуса, даже просто каждый родъ не спрашивается старѣйшинъ и поступаетъ по своимъ видамъ или прихотямъ. Въ отвращеніе пагубныхъ слѣдствій такой вольности, избираютъ на время сановника съ неограниченной властью, который, по минованіи бѣды, снова вступаетъ въ рядъ частныхъ лицъ.

Совокупность всѣхъ мелкихъ общинъ управлялась однимъ верховнымъ начальникомъ, пока существовала монархія. Теперь племена раздѣлены между старшинами, господствующими въ разныхъ частяхъ страны. Впрочемъ нѣкоторыя племена никогда не признавали вполнѣ королевской власти.

Западныя области заняты Дуранами, Гильджійцами и Хазарами, у которыхъ главный промыслъ скотоводство; Бердураны, Юссуфзаи, Хираоны и другія племена живутъ въ горахъ. Между послѣдними всего чаще возникаютъ междоусобія; нѣкоторыя изъ нихъ пробавляются однимъ грабежемъ.

По отзыву разныхъ путешественниковъ, наблюдавшихъ Афганца у него дома, онъ гостепріименъ,

простодушенъ въ жизни, во нравахъ и въ рѣчахъ; онъ не скупъ, но горделивъ; прямъ и благороденъ, но вспыльчивъ и неспособенъ переносить обиды. Негодованіе свое передаетъ онъ семьѣ, даже цѣлому племени, такъ-что наслѣдственныя вражды длятся безконечно.

Афганцы, хотя и очень преданы догматамъ ислама, однако чужды нетерпимости. Брачные обряды, право собственности и судопроизводство опредѣлены у нихъ обычнымъ уложеніемъ, которое называется *пештенуалли*, и которое, во многихъ предписаніяхъ своихъ, разнится отъ Корана.

Женщинамъ болѣе свободы, нежели въ другихъ земляхъ мусульманскихъ, и, по словамъ Эльфинстона, онѣ не употребляютъ ея во зло. «Женщины высшихъ сословій, говоритъ онъ, живутъ затворницами, но имъ дозволены всѣ увеселенія, вся роскошь, какими онѣ могутъ наслаждаться въ своемъ быту. У бѣдныхъ, женщины заботятся по хозяйству и ходятъ сами за водой; у племенъ полуварварскихъ онѣ исправляютъ разныя работы внѣ дома. Изъ дамъ высшаго разряда рѣдкая не умѣетъ читать, а иныя вообще не безъ образованія. Но писать для честной женщины почитается величайшей нескромностью. Матери имѣютъ большое вліяніе въ домашнемъ быту семействъ. Въ отсутствіи мужа, онѣ допускаютъ къ себѣ тѣхъ, кто просится погостить; деревенскія бабы и особенно жены пастуховъ извѣстны чистотою нравовъ.

«Афганцы, кажется мнѣ, единственный изъ восточныхъ народовъ, у котораго чувство любви проявляется такъ, какъ понимаютъ его въ Европѣ: любовникъ не-

рѣдко похищаетъ предметъ страсти своей, не смотря ни на какія опасности, и даже самый молодой человѣкъ, влюбясь въ дѣвушку, даетъ ей слово, и отправляется въ дальнюю сторону, пока трудами или торговлею пріобрѣтетъ сумму, нужную для полученія невѣсты отъ родителей.

«Такую душевную любовь найдете въ особенности у сельскихъ жителей; она не столь обыкновенна между высшими сословіями, однако жъ примѣры ея случаются и въ этомъ кругѣ: нѣжная связь главы Турколанскаго племени съ женою хана Юссуфзаевъ была причиною долгой и кровolитной войны между обоими улусами.

«Большая часть пѣсень и сказокъ Афганскихъ имѣютъ предметомъ своимъ любовь, которая изображается въ нихъ самыми пламенными и нѣжными чертами.»

Эльфинстонъ сообщаетъ много любопытныхъ подробностей о нравахъ Афганцевъ. «Они очень любятъ бесѣду и съ удовольствіемъ слушаютъ историческіе разсказы или пѣсни. Всѣ они, и преимущественно западные, страстны къ охотѣ. Часто бываютъ у нихъ конскіе бѣги, особливо по случаю свадьбъ: молодой выставляетъ въ призъ верблюда; двадцать или тридцать лошадей оспориваютъ одна у другой побѣду, пробѣгая пространство отъ трехъ до четырехъ миль. У нихъ есть и карусель, состоящая въ томъ, чтобы на всемъ скаку пронзить или сбить деревяннаго голубя.

«Всадники Афганскіе упражняются въ дѣйствованіи карабиномъ, мушкетономъ или лукомъ тоже на скаку. Люди разныхъ улусовъ оспориваютъ другъ у друга

призы въ стрѣльбѣ изъ пищалей: призъ заключается обыкновенно въ обѣдѣ, а отнюдь не въ деньгахъ.

«Любимая забава у западныхъ Афганцевъ, это пляска *аттамъ* или *гумбу*. Отъ десяти до двадцати человѣкъ мужчинъ или женщинъ становятся въ кружокъ, лѣтомъ передъ домами или палатками, зимою около большаго огня. Пляшущіе принимаютъ всякаго рода положенія и дѣлаютъ разнообразныя фигуры: кричатъ, бьютъ въ ладони и щелкаютъ пальцами.

Большая часть игръ ихъ кажутся намъ ребяческими и вовсе не подъ стать къ ихъ длиннымъ бородамъ и важному виду. Какъ у насъ школьники, взрослые люди играютъ здѣсь въ мячи; а впрочемъ не такъ же ли это въ Персіи, да кажется и у Турковъ? Вотъ еще одна весьма употребительная игра: человѣкъ, удерживая рукой одну ногу, подпрыгиваетъ на другой къ своему противнику, принявшему такое жъ положеніе, и оба стараются уронить другъ друга: правила этой игры весьма сложны. Другія забавы, чуждыя людямъ зрѣлыхъ лѣтъ, суть бѣганье въ запуски, игра въ маленькой кружокъ, игра, въ которой передаютъ изъ рукъ въ руки чью-нибудь шапку, наконецъ борьба и другія гимнастическія упражненія. Бой пѣтуховъ и перепеловъ, травля собакъ, барановъ и даже верблюдовъ возбуждаютъ живѣйшее участіе.

«Не смотря на разнообразіе одеждъ, господствующее у Афганцевъ, нарядъ западныхъ племенъ кажется мнѣ народнымъ по преимуществу: онъ состоитъ изъ широкихъ холстинковыхъ шараваръ темнаго цвѣта, изъ полукафтанья съ преширокими рукавами, полусапожекъ и узкой шапки, вышитой черным шелкомъ,

на которую надѣвается ермолка изъ золотой парчи или какой-нибудь матеріи яркаго цвѣта. Сверхъ этого платья носятъ часто большой плащъ съ стоячимъ воротникомъ изъ смушекъ, внизъ шерстью. Чтобы всегда быть въ готовности къ отбою непріятельскихъ нападеній, поселяне Дуранійскіе вооружаются мушкетономъ и саблею (Л. XXXVIII—2).

«У женщинъ рубашки такія жъ, какъ у мужчинъ, но длиннѣе, изъ тончайшей ткани, и притомъ узорчатыя или шитыя цвѣтнымъ шелкомъ. Шаравары у нихъ цвѣтные и у́же мужскихъ; шапочка шелковая, яркаго цвѣта, вышитая золотомъ, чрезвычайно мала и едва касается лба или верхняго края уха. Кромѣ того, у нихъ большой вуаль или покрывало изъ бумажной ткани, которымъ онѣ завѣшиваютъ лице предъ посторонними. Въ западной части края, онѣ часто навязываютъ на шапочку платокъ; волосы раздѣляютъ позади на двѣ длинныя косицы.

«Любимый уборъ ихъ Венеціанскіе цехины, которыми, нанизавъ ихъ на нитку, повязываютъ голову; надѣваютъ также золотыя или серебряныя цѣпи съ большими шариками, висящими около ушей; къ носовому хрящу привѣшиваютъ разной величины кольца; дѣвицы отличаются бѣлымъ цвѣтомъ шараваръ и распущенными волосами.

«Замѣчательно то, что Афганцы составляютъ самую малую часть городскаго населенія: тамъ живутъ только знатныя лица съ челядью, военнослужащіе, муллы, да немного купцевъ и ремеслениковъ.

«Ни одинъ Афганецъ не занимается ни разничною торговлею, ни ремеслами. Все это предоставлено Тад-

жикамъ, которые совсѣмъ различнаго корня съ Афганцами: ихъ найдете въ Персіи и въ другихъ странахъ Азіатскихъ; они всегда имѣютъ постоянныя жилища и часто занимаются земледѣліемъ. Особливо встрѣчаются они близъ городовъ. Нѣкоторыя изъ племенъ ихъ весьма воинственны; они носятъ кафтанъ, подпоясываемый кушакомъ, и чалму, только небольшую (XXXVIII—2). Сверхъ кафтана надѣваютъ иногда плащъ.

«Въ восточныхъ округахъ, механическія ремесла отправляются Гиндкійцами, народомъ, пришедшимъ изъ Индіи.

«Равно какъ и во всѣхъ странахъ мусульманскихъ, въ Афганистанѣ есть рабы; они, по большей части, изъ туземцевъ; впрочемъ покупаютъ ихъ и за границею: изъ Аравіи получаютъ Абиссинцевъ и Негровъ. Рабовъ преимущественно употребляютъ въ услуженіе и для обработки земель; обходятся съ ними вообще кротко: они ѣдятъ съ господами и одѣты съ ними одинаково.

«Господа дѣлаютъ имъ подарки и даже покупаютъ женъ для нихъ также изъ рабскаго состоянія. Хозяинъ дочери, взявъ плату, часто предоставляетъ ее отцу или самой новобрачной, а между тѣмъ удерживаетъ за собой права на невольницу и по замужствѣ: рожденныя отъ нея дѣти принадлежатъ ему. Рабы могутъ имѣть собственность, рѣдко подвергаются побоямъ и, считая себя членами той семьи, которой принадлежатъ, убѣждены, что должны трудиться для собственной пользы.

«Если раба отпустятъ на волю, то всегда безъ выкупа: въ этомъ случаѣ Афганцы поступаютъ, какъ Пер-

сіяне. Отецъ Красинскій, котораго нельзя упрекнуть въ пристрастіи къ этому народу, говоритъ въ своей *Исторіи послѣдняго Персидскаго переворота* слѣдующее: «Въ обхожденіи ихъ съ военноплѣнными отнюдь нѣтъ того варварства, какое находимъ у бо́льшей части Восточныхъ народовъ. Они почитаютъ безчеловѣчіемъ, жестокимъ до гнусности, обычай продавать ихъ въ неволю. Правда, они употребляютъ ихъ для услугъ, но кромѣ того, что въ самомъ рабствѣ смягчаютъ судьбу ихъ благодушіемъ и заботливостію, черезъ нѣсколько времени господа обыкновенно возвращаютъ имъ свободу, если хоть сколько-нибудь довольны ихъ поведеніемъ.»

Едва лишь Г. Бёрнсъ ступилъ за предѣлъ владѣній Ренджитъ-синевыхъ, лежащій въ трехъ Англійскихъ миляхъ къ западу отъ Инда, какъ онъ оставилъ свой Сейкскій конвой, повторилъ три раза: прощальное привѣтствіе и передался на руки Афганцамъ, которые встрѣтили его и товарищей возгласомъ *уасъ селямъ алейкомъ* (миръ вамъ)! Эти Афганцы были Хаттакской орды, — «разбойничье племя» говоритъ путешественникъ. Впрочемъ онъ не могъ пожаловаться на ихъ начальника, который изъявилъ даже неудовольствіе за то, что чужеземцы купили себѣ кое-чего на базарѣ въ одной сосѣдней деревнѣ: онъ почелъ это знакомъ сомнѣнія въ гостепріимствѣ Его Милости. «Онъ простился съ нами, говоритъ Г. Бёрнсъ, прося, чтобъ мы считали себя въ такой же безопасности, какъ яйца подъ насѣдкой.» Однако, именно въ этомъ мѣстѣ, бѣдный Муркрофтъ и его товарищи

встрѣтили прежде такія затрудненія, что должны были пробиться силой.

«Мы находились теперь за рубежемъ Гиндустана и въ такомъ краѣ, гдѣ господствующая страсть—желаніе чужаго добра. Поэтому, мы держались какъ можно ближе къ своимъ пожиткамъ; малочисленная прислуга наша была распредѣлена такимъ образомъ, чтобъ содержать постоянный караулъ во время ночи. Мы сами присматривали за часовыми. Впрочемъ мы жили совершенно по-туземному, не приходя въ отчаянье ни отъ жестокой земли, ни отъ мерзкихъ лачугъ, гдѣ иногда ночевали. Я роздалъ часть своихъ денегъ прислугѣ подъ сохраненіе, и учредилъ такую строгую отчетность, что въ продолженіе всего пути не пропало у насъ ни одного червонца. Люди наши оказали себя достойными того довѣрія, какое мы къ нимъ имѣли. Къ лѣвой рукѣ я привязалъ себѣ кредитивъ на 5,000 рупій въ видѣ талисмановъ, столь обыкновенныхъ у жителей Азіи, а къ правой — паспортъ, написанный на разныхъ языкахъ; мѣшокъ съ червонцами служилъ мнѣ поясомъ.»

Г. Бёрнсъ ѣхалъ вмѣстѣ съ хирургомъ Джерардомъ, который долго жилъ въ Гималайскихъ горахъ. Начальникъ Пейшавера выслалъ навстрѣчу Англичанамъ шесть всадниковъ; при въѣздѣ въ городъ явился сынъ начальника, сопровождаемый слономъ и коннымъ отрядомъ. «Это былъ прекрасный мальчикъ, лѣтъ двѣнадцати, въ голубой туникѣ, и съ Кашмирской шалью на головѣ, вмѣсто чалмы. И мы, и онъ, слѣзли съ лошадей и разцѣловались. Онъ тотчасъ повелъ насъ къ отцу своему, султану Могаммедъ-хану;

который принялъ насъ самымъ лестнымъ образомъ: онъ вышелъ встрѣтить насъ къ воротамъ своего жилья и повелъ въ комнату, убранную зеркалами и изпачканную ужаснымъ живописцемъ. «Домъ мой, земля, достояніе, все, говорилъ онъ, къ услугамъ вашимъ: я союзникъ Британскаго правительства, и доказалъ это добрымъ пріемомъ Г-ну Муркрофту; между нами настоящій дружественный союзъ.» Мы, съ своей стороны, и не подумали бы его нарушить. Онъ велѣлъ очистить *гаремъ* свой для помѣщенія нашего. Такого пріема мы конечно не ожидали.

«Всѣ члены Могаммедъ-ханова семейства были люди благовоспитанные, образованные и безъ религіозныхъ предразсудковъ; нѣкоторые изъ нихъ оказались весьма свѣдущими въ Азіатской исторіи. Во время бесѣдъ нашихъ, когда наступалъ часъ молитвы, многіе подымались съ мѣста и читали ее. По мѣрѣ того, какъ мы узнавали Пейшаверъ, кругъ связей нашихъ распространялся болѣе и болѣе, посѣтители являлись къ намъ ежеминутно, особливо когда мы бывали одни. Афганцы не любятъ уединенія; они всегда извинялись передъ нами, если заставали кого-нибудь изъ насъ безъ товарища, хотя иногда намъ бы и хотѣлось побыть однимъ.

«Въ день Новаго года, 21 марта, Могаммедъ-ханъ заѣхалъ за мною съ своими братьями и пригласилъ меня прогуливаться съ ними верхомъ по окрестностямъ Пейшавера. Бо́льшая часть жителей расхаживали въ садахъ, держа въ рукахъ букеты и персиковыя вѣтви въ полномъ цвѣтѣ. Сѣвъ на уступчатой кровлѣ одного изъ загородныхъ домовъ, мы глядѣли

*

на собравшуюся толпу народа. Деревья были всѣ въ цвѣту; ни что не могло сравниться съ прелестью окружавшей насъ картины. Могаммедъ-ханъ и братья его сами сообщили мнѣ нѣсколько подробностей объ окрестныхъ горахъ, объясняя, какими племенами онѣ заняты, и распространяясь о тѣхъ частностяхъ, которыя, по ихъ мнѣнію, могли возбудить мое любопытство. Они сказывали мнѣ также, что знатная особа, отдѣлавшая сады, гдѣ мы находились, обладала Философскимъ Камнемъ (сенгъ-и-фарсъ), ибо нельзя было постигнуть, какимъ другимъ способомъ могла она пріобрѣсть столько богатствъ. Они говорили, что этотъ удивительный человѣкъ бросилъ сенгъ-и-фарсъ въ глубину Инда, и такимъ образомъ успокоилъ себя на счетъ владѣнія этимъ неоцѣненнымъ талисманомъ.»

Могаммедъ-ханъ, бывшій въ ссорѣ съ братомъ своимъ, ханомъ Кабульскимъ, хотѣлъ убѣдить Англичанъ, чтобъ они проѣхали черезъ городъ тайкомъ, не показываясь его владѣтелю. «Онъ даже предлагалъ, присовокупляетъ путешественникъ, послать одного знатнаго Персіянина для препровожденія насъ за предѣлы Афганистана. Если бы я могъ надѣяться, что предположеніе это исполнимо, оно бы меня весьма обрадовало; но трудность проѣхать тайкомъ отъ хана черезъ Кабулъ и черезъ весь край, котораго этотъ городъ столицею, была очевидна; а обнаруженіе такой попытки подвергало насъ гнѣву человѣка, котораго намъ нечего было бояться, выдавъ себя откровенно за офицеровъ Англійскихъ. И такъ я рѣшился ввѣрить судьбу свою государю Кабула, равно какъ ввѣрялъ ее Пейшаверскому. Послѣдній убѣдился

наконецъ, что сношенія съ братомъ его отнюдь не послужатъ въ ущербъ уваженію нашему къ нему лично. Онъ согласился на отъѣздъ нашъ, ограничивая содѣйствіе свое намъ совѣтами и всякаго рода пособіемъ для безопаснаго переѣзда за предѣлы его земли. Онъ настоялъ на томъ, чтобъ мы опять переодѣлись; новый нарядъ нашъ обнаруживалъ бѣдность: тотъ, который я купилъ себѣ на базарѣ совсѣмъ готовый, стоилъ только полторы рупіи (около рубля серебромъ). Условились скрывать отъ простолюдиновъ, что мы Европейцы, объявляя впрочемъ всю правду начальствамъ и всякому, съ кѣмъ мы будемъ коротко знакомы. Рѣшились также прекратить раздачу лекарствъ, привлекавшую къ Г-ну Джерарду толпы народа и слишкомъ распространившую слухъ о нашемъ путешествіи. Съ другой стороны, и это могло дать поводъ къ предположеніямъ, что мы веземъ съ собой сокровища, а лучше было бы не подвергать себя подозрѣнію такого рода.

«Въ пяти миляхъ Англійскихъ отъ Пейшавера къ Кабулу, увидѣли мы одинъ изъ тѣхъ памятниковъ, какіе попадались намъ прежде въ Пенджабѣ, гдѣ ихъ именуютъ *топами* (tumuli, курганы); по-Санкритски называются они *ступа*, что однозначительно съ словомъ *топъ*. Подобные памятники встрѣчаются и по большой дорогѣ, ведущей изъ Персіи и Бактріаны въ Индію. Видѣнный нами близъ Пейшавера — въ крайнемъ упадкѣ. Онъ около ста футовъ въ вышину: камни, которыми онъ былъ одѣтъ, отвалились или расхищены. Въ Пенджабскихъ курганахъ найденъ желѣзный цилиндръ, заключав-

шій въ себѣ другой изъ олова или какого-то смѣшаннаго металла, а въ этомъ содержался еще третій цилиндръ, золотой. Они помѣщались въ гнѣздѣ, изсѣченномъ въ большомъ камнѣ, составлявшемъ часть основы. Золотой цилиндръ, трехъ дюймовъ въ длину и шести линій въ поперечникѣ, былъ наполненъ чернымъ, грязовиднымъ веществомъ, смѣшаннымъ съ стеклышками или янтаремъ; въ немъ находились двѣ золотыя медали; другія были разбросаны внутри памятника (*Л.* XXXVIII — 3).»

Проживъ въ Пейшаверѣ цѣлый мѣсяцъ самымъ пріятнымъ образомъ, Англичане выѣхали оттуда 19-го апрѣля. Городъ основанъ Акберомъ среди обширныхъ равнинъ. Монархи Афганскіе иногда пріѣзжали сюда на житье въ *Бала-Гиссаръ*, огромное зданіе, окруженное прекрасными садами и находящееся въ цитадели, оплотѣ города. Оно да главный караван-серай — замѣчательнѣйшія изъ всѣхъ строеній. Хотя Пейшаверъ очень упалъ, онъ еще и нынѣ цвѣтетъ торговлею. Въ немъ не болѣе семидесяти тысячъ душъ; села въ равнинѣ, омываемой рѣкою Кабуломъ и разными ручьями, чисты на видъ и обнаруживаютъ довольство; въ садахъ видны шелковичникъ и бо́льшая часть плодовыхъ деревъ, извѣстныхъ въ Европѣ.

Изъ пяти дорогъ, ведущихъ отъ Пейшавера къ Кабулу, Англичане предпочли ту, что идетъ вдоль рѣки, потому что Хейберское ущелье не безопасно отъ хищничества племени, обитающаго въ сосѣдствѣ. Черезъ рѣку Кабулъ переправились они на плоту, поддерживаемомъ надутыми кожами, и хотя она не шире семисотъ пятидесяти футовъ, но такъ быстра,

что теченіемъ снесло ихъ на милю ниже. Верховыя и вьючныя лошади пустились вплавь и благополучно достигли противнаго берега.

«Двадцать третьяго апрѣля, говоритъ Г. Бёрнсъ, мы уладили все, что касалось до нашего путешествія, поторговавшись съ Момендами, разбойничьимъ племенемъ, не такъ свирѣпымъ, какъ Хейберцы. Они просили по рупіи съ каждаго мусульманина и по шести съ каждаго Индѣйца, но удовольствовались гораздо меньшею суммою и еще поссорились при раздѣлѣ. Начавъ взбираться на каменистыя высоты, мы вскорѣ увидѣли доказательство вліянія Момендовъ: нѣсколько путешественниковъ шли пѣшкомъ, сопровождаемые дѣтьми; этого конвоя было достаточно для ихъ защиты. Надлежало проѣзжать черезъ Кабулъ такимъ же образомъ, какъ въ первое путешествіе. По ту сторону холмовъ не было ни селенія, ни слѣда жителей; мы поневолѣ должны были разостлать ковры и, послѣ утомительнаго дня, спать въ холодную ночь подъ открытымъ небомъ. Между тѣмъ шумъ потока скоро усыпилъ насъ, и къ полуночи слышались только клики горцевъ, которые, вскарабкавшись на острую скалу надъ нашимъ таборомъ, не смыкали глазъ до разсвѣта. Они глядѣли истыми разбойниками; смѣшно было видѣть, какое изученное уваженіе всѣ они намъ оказывали. Атаманъ ихъ, мошенникъ, весь въ лохмотьяхъ, и даже безъ чалмы, былъ на конѣ: ему пѣли хвалебныя пѣсни, подносили подарки, а не успѣли мы выѣхать изъ того округа, какъ всякой сталъ осыпать ругательствами того самаго, кому передъ тѣмъ такъ льстилъ.»

Не доѣзжая Джелалабада, вы вступаете въ большую каменистую степь. Часть ея извѣстна подъ именемъ Дешта, или Баттикотской равнины; заразительный вѣтръ семумъ дуетъ здѣсь въ жаркое время года.

Джелалабадъ, близъ Кабула, маленькій городокъ, съ базаромъ изъ пятидесяти лавокъ и только съ двумя тысячами жителей; но зимою бываетъ ихъ до двадцати тысячъ, потому что здѣсь укрывается весь народъ съ сосѣднихъ горъ. Въ одной изъ послѣднихъ есть обширныя пещеры; ихъ относятъ къ эпохѣ невѣрныхъ; онѣ расположены купами; въ каждую есть отдѣльный входъ, величиною съ дверь обыкновенную. Быть-можетъ, онѣ составляли ровно столько же селеній; ибо въ Азіи кажется господствовалъ нѣкогда обычай жить въ подобныхъ пещерахъ, какъ видимъ изъ древнихъ историковъ, которые такъ часто говорятъ о троглодитахъ. Семь круглыхъ башенъ, въ окрестностяхъ Джелалабада, совсѣмъ не такого устройства, какъ топы; онѣ слывутъ за весьма древніе памятники, и неподалеку отъ нихъ найдено много медалей.

Снѣговыя горы идутъ параллельно къ сѣверу и къ югу отъ Джелалабада; послѣднія становятся ниже, простираясь на востокъ. Снѣгъ никогда не таетъ на вершинахъ, что́ подъ здѣшней широтою предполагаетъ пятнадцать тысячь футовъ возвышенія.

Путешественники, удалясь отъ береговъ Кабула, вступили въ Балабагскую долину, орошаемую Суркърудомъ, и знаменитую своимъ виноградомъ и гранатами, которые такъ любимы въ Гиндустанѣ. Въ селе-

ніи Гандамакѣ достигли рубежа холоднаго края съ теплымъ. Говорятъ, что когда по одну сторону рѣчки снѣгъ, въ то же время по другую—дождикъ. Растительная жизнь принимаетъ тамъ иныя формы: пшеница, которую готовились жать въ Джелалабадѣ, была не выше трехъ дюймовъ на Гандамакскихъ поляхъ, а между тѣмъ тутъ не болѣе двадцати пяти миль Англійскихъ разстоянія. Путешественники замѣтили здѣсь растенія своего края. Горы, лежавшія только миль на десять въ дали, были покрыты хвойными лѣсами, начинавшимися въ тысячѣ футовъ ниже послѣдняго предѣла снѣговъ. Воздухъ, ощутительно похолоднѣвшій, вынудилъ путешественниковъ надѣть что-нибудь теплое.

«Ѣдучи по этой дорогѣ, говоритъ Г. Бёрнсъ, легко узнать прежнее шоссе и почтовые дворы, выстроенные на пять или на шесть миль одинъ отъ другаго Могольскими императорами для поддержанія сообщеній между Дегли и Кабуломъ. Можно слѣдить дорогу даже черезъ горы до Балха, потому что Гумаюнъ и Ауренгзебъ, въ молодости своей, оба были губернаторами этого города.

«Мы видѣли тысячи барановъ, пасомыхъ Гильджійцами. Теперь, когда снѣгъ уже сошелъ съ равнинъ и невысокихъ горъ, всѣ гнали стада свои къ Гиндукушу, гдѣ они проводятъ лѣто. Взрослые слѣдовали за баранами, которые паслись на краю горъ; мальчики и дѣвочки, сопровождая ягнятъ, составляли арріергардъ на милю или на двѣ сзади. Коза или старая овца ободряла стадо идти далѣе, а дѣти помогали ей криками или слегка подстегивая барашковъ

стеблями травы. Тутъ были и такіе малютки, которые съ трудомъ могли идти, но удовольствіе подражать старшимъ подстрекало ихъ силы. Мы проѣзжали мимо многихъ таборовъ, по-край дороги; ихъ уже снимали и укладывали домашній скарбъ. Юрты были низки, изъ войлока, чернаго или, точнѣе, темнаго цвѣта. Женщины заправляли всѣмъ дѣломъ, вьючили верблюдовъ и погоняли ихъ; онѣ были очень смуглы и довольно непригожи. Впрочемъ, всѣ эти Афганцы были хорошо одѣты, и въ туфляхъ подбитыхъ рядами большихъ гвоздей. Дѣти были здоровы и полнолицы. Говорятъ, что у здѣшнихъ кочевыхъ племенъ никто не женится раньше двадцатилѣтняго возраста.

«Тридцатаго апрѣля мы прибыли въ Кабулъ: видъ города отнюдь не величественъ, и только вступивъ подъ тѣнь его прекраснаго базара, я могъ подумать, что я въ столицѣ имперіи.»

Путешественники Англійскіе вскорѣ получили аудіенцію у Кабульскаго владѣтеля Достъ-Могаммедъ-хана. Въ разговорѣ съ ними онъ показалъ столько ума и образованія, что Европейцы наши удивились. Любопытство его простиралось только на предметы, дѣйствительно интересные; вопросы касались вещей самыхъ важныхъ, а мысли обнаруживали здравый умъ и острую голову.

«Каждый твердитъ, по словамъ Г. Бёрнса, что Кабулъ весьма древній городъ, и многіе приписываютъ ему шесть тысячь лѣтъ существованія. Онъ очень населенъ и очень шуменъ; послѣ полудня подымается такой крикъ, что нѣтъ ни какой возможности разго-

варивать. Большой базаръ, можно сказать, великолѣпенъ и обильно снабженъ всякаго рода товарами. Вечеромъ онъ очень хорошо освѣщенъ, и тогда видъ истинно прекрасенъ. Улицы не слишкомъ тѣсны; въ сухое время года, ихъ содержатъ въ исправности; онѣ перерѣзаны маленькими канавками съ чистою водой, что весьма удобно для жителей. Домы, построенные изъ кирпичей, высушенныхъ на солнцѣ, рѣдко бываютъ выше одного яруса. Жителей полагаютъ до 80,000 душъ. Городъ лежитъ въ шести тысячахъ футовъ надъ уровнемъ моря; въ немъ есть безподобные сады; я гулялъ въ нихъ съ невыразимымъ удовольствіемъ среди плодовыхъ деревьевъ Европейскихъ; пѣніе птицъ также напоминало родину.

«Передъ отъѣздомъ изъ Кабула я познакомился со многими Шикарпурскими купцами секты брахмановъ. Вся торговля Средней Азіи въ рукахъ этихъ людей, у которыхъ есть прикащики отъ Астрахани въ Россіи и самой Мешхеда въ Персіи до Калькутты. Они совершенно поглощены своимъ промысломъ; принимаютъ участіе только въ томъ, что имъ можетъ быть полезно, и обезпечиваютъ себѣ защиту со стороны Кабульскаго правительства, ссужая его деньгами. Намъ нетрудно было уладить наши финансовыя дѣла и взять мѣры для полученія потребныхъ суммъ даже и въ той дали, въ какой мы вскорѣ предполагали быть отъ Индіи.»

Осмнадцатаго маія, Г. Бёрнсъ съ товарищемъ отправились изъ Кабула. Оставляя влѣво дорогу на Кандагаръ, они поднялись вверхъ по долинѣ, орошаемой рѣкою Кабуломъ до самаго ея источника; доли-

на не болѣе Англійской мили въ ширину. Обработка здѣсь превосходная; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вода проведена канавами на сто футовъ высоты. Въ нижнихъ частяхъ, поля съ сарацынскимъ пшеномъ подымаются одно надъ другимъ живописными уступами; въ ту пору, какъ проѣзжали здѣсь наши путешественники, вершины горъ съ обѣихъ сторонъ увѣнчаны были снѣгомъ. Внизу, термометръ постоянно показывалъ болѣе 12° тепла.

Еще до въѣзда въ долину, путешественники оставили къ югу отъ себя Газну, прежнюю столицу того края; теперь это неважный городъ, замѣчательный только по гробницѣ основателя его султана Махмуда, по гробамъ другихъ знатныхъ лицъ и по большой плотинѣ, труду великолѣпному и вмѣстѣ полезному. Махмудъ выстроилъ ихъ семь; нынѣ одна лишь осталась въ цѣлости. Только эти памятники и напоминаютъ блескъ города, бывшаго два вѣка столицею державы Газневидовъ и однимъ изъ самыхъ обширныхъ и прекрасныхъ въ цѣлой Азіи. Значительная высота Газны надъ морскимъ уровнемъ причиною той стужи, которою отличается она теперь отъ большей части другихъ мѣстъ здѣшняго края.

Еще не достигнувъ вершины Уннскаго ущелья, которымъ замыкается долина, путешественники повстрѣчали зиму; снѣгъ шелъ и при переѣздѣ ихъ самымъ ущельемъ, возвышающимся на одиннадцать тысячь футовъ надъ морской поверхностью. Доселѣ держали они къ западу, но тутъ повернули на сѣверъ и проѣхали сперва чрезъ долину, которой воды текутъ въ Гельмендъ, потомъ чрезъ Когибабскія горы, одѣтыя по

верхамъ вѣчными снѣгами. Жители говорили, что въ продолженіи шести мѣсяцевъ снѣгъ препятствуетъ имъ выходить изъ дому. Ячмень сѣютъ въ іюнѣ, а собираютъ въ сентябрѣ, точно какъ въ сѣверной полосѣ Европы. Здѣшніе горцы не страдаютъ отъ зобовъ. За Хаджигакскимъ ущельемъ, путешественники должны были опять спускаться; потомъ они обогнули тѣснину Калу, которая еще выше прежнихъ, и вступили въ долину, орошаемую однимъ изъ притоковъ Оксуса или Джейхуна.

Прибывъ къ сѣверной оконечности долины, гдѣ на краю пропасти выстроенъ съ большимъ трудомъ зáмокъ, они разсматривали Баміанскіе идолы, извѣстные огромною величиной. Это двѣ фигуры, высѣченныя въ горной стѣнѣ толстымъ рельефомъ: одна, въ сто двадцать футовъ вышины, представляетъ мужчину, другая, въ половину менѣе, женщину. Оба кумира страшно искажены; впрочемъ, они и не отличаются изяществомъ ваянія; надѣтые на нихъ плащи сдѣланы изъ какой-то обмазки. Въ фасѣ скалы пробито множество четыреугольныхъ выемокъ; отъ нижнихъ пещеръ къ вершинѣ двухъ идоловъ ведетъ дорога. Кабульскіе караваны обыкновенно останавливаются въ нижнихъ пещерахъ, а верхнія служатъ Баміанцамъ хлѣбными амбарами (Л. XXXVIII—4).

Вмѣстилища обоихъ кумировъ были прежде оштукатурены и окружены живописными изображеніями людей, которыхъ теперь уже почти нигдѣ не видно.

Въ Акіобатской тѣснинѣ, лежащей въ пятнадцати миляхъ отъ Баміана, путешественники простились съ владѣніями Кабульскими.

Держава эта могущественнѣйшая изъ всѣхъ, образовавшихся по распаденіи Афганскаго государства. Доходы ея простираются до осмнадцати лаковъ рупій (около 1,200,000 рублей серебромъ). Войско состоитъ изъ 6,000 конницы, хорошей и по лошадямъ, и по вооруженію, и изъ 2,000 пѣхоты, кромѣ земскаго ополченія и артиллерійскаго отряда. Кабулъ силенъ по положенію своему среди горъ. Государь его, по отзыву путешественниковъ, славился правосудіемъ, личными качествами и поощреніемъ торговлѣ. Похвалы ему слышались изо всѣхъ устъ.

Доходъ Пейшавера составляетъ не болѣе девяти лаковъ рупій; султанъ платилъ дань магараджѣ Сейкскому, а самъ не получалъ ея отъ многихъ подвластныхъ ему племенъ; нѣкоторыя изъ нихъ безнаказанно грабили его области. Число войскъ его не превышаетъ 3,000, изъ которыхъ двѣ трети конницы; въ случаѣ нужды онъ можетъ собрать много нестроевыхъ отрядовъ.

Ханъ Кандагарскій имѣетъ восемь лаковъ рупій доходу, и войско изъ девяти тысячъ конницы и нѣсколька пушекъ. Поелику столица его въ самомъ сердцѣ Дуранскаго края и близъ колыбели рода Барахзійцевъ, то, въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, онъ, быть-можетъ, успѣлъ бы собрать значительный отрядъ конницы. Иностранцы не пользуются здѣсь такимъ покровительствомъ, какъ въ Кабулѣ; туземцы жалуются на угнетенія и не любятъ своего государя.

Немногіе путешественники въ наше время проѣзжали Кандагаромъ; Тавернье упоминаетъ объ этомъ

городѣ, но не говоритъ, посѣщалъ ли онъ его самъ. Онъ описываетъ его весьма крѣпкимъ и сказываетъ, что чрезъ него лежитъ большая дорога для всѣхъ каравановъ, идущихъ въ Индію и обратно. Форстеръ видѣлъ его въ 1783 году. Г. Конолли, ѣхавшій этимъ краемъ въ 1830-мъ, былъ такъ боленъ, что не могъ отправиться въ Кандагаръ и долженъ былъ остановиться въ избѣ, на шестнадцать миль къ сѣверу отъ города, гдѣ у проводника его былъ свободный уголъ. То, что раскaзывали ему о правительствѣ, согласно съ извѣстіями Г. Бёрнса. Конолли присовокупляетъ, что Кандагаръ городъ значительный и долженъ имѣть около шестидесяти тысячъ душъ. Когда онъ сталъ распрашивать объ немъ у проводника, тотъ отвѣчалъ ему: «Ты знаешь Гератъ; такъ представь себѣ, если можешь, городъ и жителей еще грязнѣе. Тьфу! плюю въ бороду такимъ скотамъ; побывавъ тамъ, кажется, никогда не вымоюсь до чиста.»

Между тѣмъ, Кандагаръ—средоточіе обширной торговли, и хотя онъ чрезвычайно утѣсненъ, однако жъ округъ его вѣрно производитъ значительное количество хлѣба, потому что онъ продается тамъ по дешевой цѣнѣ. Климатъ не такъ умѣренъ какъ Гератскій, но почва гораздо лучше, и поелику здѣсь гораздо болѣе воды, то поливка происходитъ самымъ естественнымъ образомъ.»

Край между Кандагаромъ и Гератомъ имѣетъ посредственное населеніе и преимущественно занятъ пажитями; землю обработываютъ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вызываетъ на то плодоносіе, и особенно въ сосѣдствѣ маленькихъ городовъ, происхожденіемъ

своимъ обязанныхъ, быть-можетъ, этому обстоятельству.

Выше мы видѣли, что Гератъ съ своимъ округомъ повинуются Камру, пріемлющему титулъ шаха, въ качествѣ потомка государей Афганской монархіи. Г. Конолли описываетъ его человѣкомъ слабымъ, скупымъ и преданнымъ невоздержанію. Несмотря на то, низшій классъ подданныхъ его уважаетъ въ немъ кровь своихъ древнихъ царей. Гератскія земли служатъ постояннымъ предметомъ желаній для Персіи; онѣ избавились отъ завоеванія, только заплативъ ужасныя суммы. Камру получаетъ отъ княжества своего значительный доходъ, дозволяющій ему имѣть при себѣ нѣсколькихъ Афганскихъ старшинъ и содержать 5,000 человѣкъ конницы.

Форстеръ, Кристи (товарищъ Поттингера), Г. Фрезеръ, Г. Конолли, всѣ четверо видѣли Гератъ. По словамъ послѣдняго: «Это укрѣпленный и довольно большой городъ; населеніе его простирается тысячь до сорока пяти. Почти всѣ жители мусульмане шіитскаго толка. Городъ крайне нечистъ и грязенъ; по обѣимъ сторонамъ главныхъ улицъ тянутся маленькіе ходы подъ обниженными арками, отчего эти галереи весьма темны; притомъ же зрѣніе и обоняніе равно страдаютъ здѣсь отъ всякаго рода нечистотъ. Но предмѣстія и окрестности безподобны. Гератъ съ одной стороны на четыре, съ другой на двѣнадцать Англійскихъ миль отъ горъ; во всемъ этомъ округѣ бездна маленькихъ укрѣпленныхъ селеній, садовъ, виноградниковъ и полей, украшенныхъ множествомъ свѣтлыхъ ручьевъ, которые со всѣхъ сторонъ пересѣкаютъ равнину

На Гerирудѣ устроено родъ плотины; воды этой рѣки раздѣлены между множествомъ канавъ, проведенныхъ такимъ искуснымъ образомъ, что всѣ части Гератской долины напояются ими. Оттого ростутъ здѣсь самые вкусные плоды, и климатъ вообще благопріятенъ для здоровья, хотя случайныя опустошенія, причиняемыя оспою и холерой весьма значительны, и хотя чрезвычайная неопрятность жителей много способствуетъ къ быстрому распространенію заразительныхъ болѣзней.»

ГЛАВА LXI.

Тюркистанъ. Кундузъ. Балхъ. Бухара. Хива. Степи. Туркмены.

Сѣверный предѣлъ Кабульскаго государства лежитъ въ гористомъ краѣ, обитаемомъ племенемъ Гезаре или Хазаре, которое чертами лица болѣе похоже на Турковъ, чѣмъ на Афганцевъ, и котораго обычаи показываютъ, что это народъ преданный грабежу. Прибывъ въ Сиганъ, на тридцать миль Англійскихъ къ сѣверу отъ Баміана, путешественникъ видитъ себя во владѣніяхъ хана Кундузскаго. Этотъ государь, родомъ Узбекъ, недавно распространилъ предѣлы земель своихъ: онъ обладаетъ долиною верхней Аму-Дерьи и ея притоковъ; самый Балхъ былъ на короткое время въ его власти. Подданные его состоятъ преимущественно изъ Таджиковъ или Сартовъ, коренныхъ обитателей края, а Узбековъ сравнительно малое число.

Къ сѣверу отъ Баміана, Г. Бёрнсъ проѣхалъ еще три ущелья, принадлежащія къ Гиндустану, но уступающія прежнимъ въ высотѣ; въ нихъ уже не видно было снѣгу. Могамедъ Али-Бегъ, начальникъ Сиганскій, состоитъ попремѣнно въ подданствѣ Кабула или Кундуза, смотря по тому, который изъ государей этихъ двухъ земель сдѣлается сильнѣе. Когда проводникъ каравана донесъ ему, что путешественники наши

бѣдные Армяне, онъ отвѣчалъ шутя: «Можетъ-быть, они и Европейцы.» Подозрѣніе это могло имѣть худыя слѣдствія, ибо начальникъ Сиганскій пользуется весьма недоброй славой: онъ безъ всякаго зазрѣнія бралъ выкупъ съ каравановъ, особенно притѣсняя Жидовъ и другихъ невѣрныхъ (то есть, христіанъ). Кафила-Баши ссылался въ пользу обоихъ Англичанъ на рекомендательное письмо, данное изъ Кабула, и въ которомъ они поименованы Армянами. Панковая шуба, да восемь или девять рупій, — обычная такса съ каравана, — удовлетворили хищника. «Мы провели очень пріятную ночь, говоритъ Г. Бёрнсъ, въ *мехманъ-ханé* (гостинницѣ) весьма чистой, на самомъ краю села; внутренность была оклеена бумагой. Начальникъ прислалъ намъ козлячью ногу, потому что мы были знакомы его Кабульскимъ друзьямъ. Мы легко могли замѣтить, что находимся въ странѣ, совершенно различной съ тѣми, которыя проѣзжали прежде. Каменный полъ мечетей былъ покрытъ войлоками, что показывало болѣе строгую внимательность ко всему касающемуся до исполенія обрядовъ вѣры; зданія эти были выстроены гораздо лучше тѣхъ, которыя мы доселѣ видѣли. Наблюденія съ компасомъ дѣлалъ я только внутри домовъ, тогда какъ прежде дозволялъ себѣ это и на улицѣ. Сиганъ—красивое селеніе съ прелестными садами, хотя и лежитъ въ печальной долинѣ, лишенной всякой растительности.»

Селеніе Гейбакъ, на концѣ ущелья, которымъ горная долина замыкается съ этой стороны, лежитъ на высотѣ четырехъ тысячь футовъ. Узбекскій старшина весьма извѣстный въ здѣшнемъ краѣ, живетъ здѣсь

въ за́мкѣ, изъ кирпичей, выжженныхъ на солнцѣ; за́мокъ выстроенъ на высотѣ, которая господствуетъ надъ окрестностью. Въ долинѣ есть сады и обширный коверъ прекраснѣйшей зелени. «Вскорѣ, говоритъ Г. Бёрнсъ, увидѣли мы многочисленныя стада, щиплющія въ горахъ благовонныя пажити, а далѣе сады, полные плодовыхъ деревьевъ; самое народонаселеніе становилось значительнѣй по мѣрѣ приближенія нашего къ равнинамъ Тюркистана. . . Тридцатаго маія мы вступили въ нихъ черезъ Хулумъ, гдѣ наслаждались великолѣпнымъ видомъ края, пологаго на сѣверъ къ Джейхуну или Аму-Дарьѣ.»

Путешественники надѣялись выѣхать на другой день въ Балхъ; но таможенные приставы, пославъ вѣстоваго къ Кундузскому хану съ донесеніемъ о прибытіи двухъ чужестранцевъ, ожидали приказаній, какъ поступить въ этомъ случаѣ. Перваго іюня пришло имъ повелѣніе, какъ можно скорѣе, отправить пріѣзжихъ въ Кундузъ. Несмотря на то, одинъ Г. Бёрнсъ поѣхалъ съ таможеннымъ начальникомъ, который былъ Индѣецъ и прекрасный человѣкъ; молодой Англичанинъ успѣлъ ловко привлечь его на свою сторону. Оно было очень не худо, и Г. Бёрнсъ имѣлъ достаточную причину безпокоиться, ибо ханъ Кундузскій былъ тотъ самый, который въ 1824-мъ году отнялъ у Муркрофта все его имущество. Послѣдній былъ тогда на пути въ Бухару.

Проѣхавъ семьдесятъ миль по ужасной дорогѣ, которую смѣнили воздѣланныя поля и прекрасные огороды, Г. Бёрнсъ прибылъ въ Кундузъ. Первый министръ помѣстилъ его у себя въ гостиной. Г. Бернсъ

превосходно разыгрывалъ принятую имъ роль Армянина; таможенный начальникъ и одинъ изъ каравапскихъ товарищей подтвердили всѣ его показанія. Ханъ Кундузскій, Мурадъ-Бегъ, былъ въ своемъ загородномъ домѣ, миль на пятнадцать отъ столичнаго города. Г. Бёрнса отправили туда съ двумя его спутниками. Допущенные къ хану, они всѣ трое поднесли ему по дару; молодой Англичанинъ, согласно съ низкимъ своимъ званіемъ, подошелъ послѣдній и громкимъ голосомъ произнесъ *селямъ*; потомъ, давъ свои руки хану, поцѣловалъ, какъ водится, его собственныя, и воскликнулъ *таксиръ* въ знакъ своего уничиженія. Мурадъ-Бегъ проворчалъ одобрительнымъ тономъ и, развалившись на бокъ, сказалъ громко: «Эге! онъ славно знаетъ *селямъ*.» Г. Бёрнсъ удалился къ двери, въ толпу послѣднихъ его прислужниковъ.

Таможенный начальникъ объявилъ хану, что онъ осматривалъ пожитки обоихъ Армянъ и удостовѣрился въ ихъ бѣдности. Приказано было выдать имъ охранный листъ для проѣзда за границу; его вручили Г. Бёрнсу, который, вышедши изъ столь затруднительнаго положенія, весьма справедливо замѣтилъ: «Все это дѣло показываетъ со стороны Узбековъ простоту, почти невѣроятную, а между тѣмъ нѣтъ народа смѣтливѣе ихъ.»

Въ Кундузѣ, путешественники снова помѣстились у перваго министра. Городъ лежитъ въ долинѣ, окруженной горами со всѣхъ сторонъ, кромѣ сѣверной; тутъ открытое пространство идетъ къ Аму-Дерьѣ, которая течетъ въ сорока миляхъ Англійскихъ. Кундузъ омывается двумя рѣками, сливающимися потомъ

къ сѣверу. Климатъ такъ пагубенъ для здоровья, что есть пословица: «Хочешь умереть, ступай въ Кундузъ.» Бо́льшая часть долины болотиста: насыпныя дороги устроены на деревянныхъ подмосткахъ и окружены тростникомъ. Однако жъ въ тѣхъ полосахъ, которыя не совсѣмъ понимаются водою, воздѣлываютъ пшеницу, ячмень и сарацынское пшено. Говорятъ, жары здѣсь нестерпимы, а между тѣмъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ лежитъ снѣгъ. Кундузъ былъ прежде значительнымъ городомъ; теперь считаютъ въ немъ не болѣе полуторы тысячи душъ: кто только можетъ существовать въ другомъ мѣстѣ, тотъ ни подъ какимъ видомъ не станетъ жить здѣсь, не смотря на то, что Кундузъ служитъ рынкомъ для всего округа. Ханъ пріѣзжаетъ туда только зимой; пребываніемъ ему служитъ тогда за́мокъ, окруженный рвомъ; мѣсто это довольно крѣпко, но отъ чрезмѣрныхъ жаровъ кирпичи въ стѣнахъ разсыхаются, и ихъ должно безпрестанно чинить.

Воротясь въ Кундузъ, Г. Бёрнсъ спѣшилъ изъ него выѣхать, и 8-го іюня по полудни прибылъ въ Мазаръ, который отъ него на тридцать миль. Край между этими двумя городами ужасно безплоденъ; развалины водопроводовъ и домовъ показываютъ, что онъ былъ прежде многолюденъ; теперь онъ лишенъ воды, а вмѣстѣ съ нею и жителей. Невысокое ущелье, пересѣкающее дорогу, служитъ вертепомъ всѣмъ разбойникамъ здѣшней стороны, гдѣ каждый владѣтель занимается этимъ промысломъ. Тотъ, который господствуетъ въ Мазарѣ, — мулла мусульманскій.

Девятаго іюня, вечеромъ, Англійскіе путешественни-

ки въѣхали въ древній городъ Балхъ, составляющій нынѣ часть владѣній хана Бухарскаго. Надобно было часа три пробираться среди развалинъ, чтобъ достигнуть до каравансерая, въ обитаемой части города.

Развалины его имѣютъ двадцать Англійскихъ миль въ окружности и не являютъ ни малѣйшаго слѣда величія. По завоеваніи его Александромъ Великимъ онъ процвѣталъ подъ именемъ Бактры и былъ столицею державы, управляемой Греческими царями. По распаденіи Афганской монархіи, его занялъ Бухарскій ханъ. Городъ лежитъ на равнинѣ, въ шести Англійскихъ миляхъ отъ горъ. Плоды садовъ его чрезвычайно сладки и дешевы. Климатъ весьма вреденъ для здоровья, потому что частые разливы рѣки Дехаза покрываютъ низменности лужами, изъ которыхъ при содѣйствіи солнечныхъ лучей развиваются пары. Въ Балхѣ именно кончилъ жизнь свою путешественникъ Муркрофтъ; наши два Англичанина видѣли могилу его и одного изъ бывшихъ съ нимъ товарищей неподалеку отъ городскихъ воротъ.

При выѣздѣ изъ Балха, они перемѣнили лошадей на верблюдовъ. «На каждое изъ этихъ животныхъ, говоритъ Г. Бёрнсъ, навьючиваютъ по двѣ корзины, называемыя *каджауа*. Г. Джерарда усадили въ равновѣсіи съ однимъ Афганцемъ, а меня съ моимъ Индѣйскимъ слугой. Сначала этотъ родъ экипажа показался намъ очень неудобнымъ, потому что корзины были не свыше четырехъ футовъ въ длину и двухъ съ половиною въ ширину, и мнѣ нужно было довольно гибкости и ловкости, чтобы улечься въ этомъ пространствѣ при моемъ высокомъ ростѣ, послѣ того, какъ

меня втиснули въ него подобно кипѣ товару. Навыкъ вскорѣ примирилъ насъ съ качкою верблюда и тѣснымъ объемомъ нашего возка, а въ вознагражденіе за то мы съ радостью открыли возможность читать и даже записывать, не бывъ видимы никѣмъ изъ посторонних. »

Четырнадцатаго іюня вступили въ степь, держа прямо къ рѣкѣ Джейхуну; предъ путниками разстилалась безпредѣльная равнина, гдѣ разбросано было тамъ и сямъ нѣсколько *киргъ*, родъ круглыхъ хижинъ, обитаемыхъ кочевыми Туркменами. Караванъ взялъ ихъ нѣсколько человѣкъ въ прикрытіе, выступилъ при закатѣ солнца, и прошедши тридцать Англійскихъ миль въ пятнадцать часовъ, прибылъ къ берегу рѣки Джейхуна. Она была здѣсь въ 2400 футовъ ширины и въ двадцать глубины; воды ея катились весьма быстро. Караванъ переправлялся на ладьяхъ: къ каждому концу лодки прицѣпили по лошади веревкою за гриву и такимъ образомъ достигли противнаго берега. Тамъ снова открылась безлѣсная степь, гдѣ однако жъ вырыто нѣсколько колодцевъ. Въ разныхъ мѣстахъ дороги есть каравансераи, и при нихъ большія крытыя чистерны; но на ту пору всѣ онѣ были пусты.

Двадцатаго, при самомъ захожденіи солнца, замѣтили въ большомъ отдаленіи къ востоку цѣпь одѣтыхъ снѣгомъ горъ; на другой день ихъ уже не видали, но, къ разсвѣту, прибыли въ оазисъ Карши, проѣхавъ отъ береговъ Аму-Дерьи восемьдесятъ пять миль Англійскихъ совершенно безлѣснымъ пространствомъ. Карши — городъ съ десятью тысячами жителей и хорошимъ базаромъ. Къ сѣверу течетъ рѣка,

идущая отъ города Шехеръ-Себса, который отсюда миль на пятьдесятъ и знаменитъ какъ родина Тамерлана.

Двадцать седмаго іюня, черезъ часъ по восхожденіи солнца, караванъ былъ у воротъ Бухары. Приближеніе къ городу не заключаетъ въ себѣ ничего поразительнаго; окрестность его тучна и плодоносна, но въ то же время совершенно ровна, и деревья заслоняютъ валы и мечети до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ приблизишься къ городу.

«Первой заботою нашей, говоритъ Г. Бёрнсъ, было переодѣться, сообразуясь во всемъ съ обычаями, предписываемыми закономъ. Чалмы замѣнили мы какими-то шапками бараньяго мѣха, шерстью внутрь, а кушаки обрывкомъ веревки или грубой посконной ткани; мы не надѣвали ни чулковъ, ни плащей, потому что это признаки, отличающія правовѣрство отъ невѣрія въ священной Бухарѣ. Мы знали также, что однимъ мусульманамъ дозволено ѣздить верхомъ въ стѣнахъ города, и внутреннее чувство говорило намъ, что мы должны быть довольны, если за столь малое пожертвованіе дозволятъ намъ пожить въ этой столицѣ.»

Г. Мейендорфъ, бывшій тогда полковникомъ гвардейскаго генеральнаго штаба Императора Всероссійскаго, пріѣхалъ въ Бухару въ 1820 году начальникомъ миссіи, посланной этимъ Государемъ къ Бухарскому хану. Онъ проникъ вглубь края съ сѣвера, проѣхалъ степь и прибылъ въ столицу 20-го декабря, а оставался тамъ до 10-го марта 1821 года. Онъ издалъ записки своего путешествія, которыя, вмѣстѣ

съ извѣстіями Г. Бёрнса, составляютъ лучшій источникъ для вѣрнаго познанія Бухаріи, куда проникали весьма немногіе Европейцы. Англійскій путешественникъ Дженкинсонъ былъ тамъ въ 1559 году и прожилъ въ Бухарѣ три мѣсяца.

Городъ лежитъ на равнинѣ, въ двухъ миляхъ (то есть около осми верстъ) отъ лѣваго берега Зеръ-Афшана или Когика; вода этой рѣки проведена къ нему каналомъ; но какъ его открываютъ только черезъ двѣ недѣли, то столица не довольно снабжена водой, хотя изрѣзана каналами, осѣненными шелковичникомъ. Лѣтомъ она бываетъ безъ воды по цѣлымъ мѣсяцамъ: если таль снѣговъ не обильна, Когикъ почти совершенно пересыхаетъ отъ множества каналовъ, которыми цѣдится изъ него вода.

«Оазисы Бухаріи, говоритъ Г. Мейендорфъ, покрытые аллеями и многочисленными садами, не дозволяютъ взору простираться въ даль: подъѣзжая съ сѣверной сторонѣ, вы усматриваете Бухару только въ одной милѣ или менѣе. Видъ ея поразителенъ для Европейца. Куполы, мечети, шпицы островерхихъ фасадовъ, *медресе́* (высшія училища), минареты, дворцы, возвышающіеся среди города, зубчатая стѣна, которая обнимаетъ его, и подлѣ нея озеро, окруженное цѣпью красивыхъ загородныхъ домовъ съ плоскими крышами, въ зубчатыхъ оградахъ; наконецъ поля, сады, деревья и движеніе, всегда неразлучное съ близостью столицы, все содѣйствуетъ къ произведенію самаго пріятнаго эффекта; но очарованіе проходитъ едва вы успѣете вступить въ черту города: за исключеніемъ народныхъ бань, мечетей и *медресе́*, вы видите только

сѣроватыя мазанки, выстроенныя безъ порядка вдоль тѣсныхъ, кривыхъ, грязныхъ и безтолковыхъ улицъ. Эти домы, обращенные фасадомъ во дворъ, съ улицы представляются однообразными стѣнами, безъ оконъ, и безъ всякой прикрасы, которая могла бы привлечь вниманіе или порадовать взоръ прохожаго. Все, что ни встрѣтите въ этомъ многолюдномъ городѣ, обнаруживаетъ какую-то недовѣрчивость; лица жителей почти никогда не оживляются весельемъ; никогда не увидите шумнаго праздника, не услышите музыки или пѣсни; ничто не показываетъ, чтобъ здѣсь когда-нибудь забавлялись, чтобъ здѣсь жили люди, наслаждающіеся пріятностями существованія....

«Замѣчательнѣйшее зданіе — ханскій дворецъ; Бухарцы называютъ его Аркомъ. Онъ построенъ на холмѣ и обведенъ стѣной, въ десять футовъ вышиною. Въ ней только одни ворота; съ каждой стороны ихъ поставлено по кирпичной башнѣ въ девяносто футовъ. Обѣ были прежде украшены зеленой, блестящей черепицей; но теперь остается ея весьма немного. Входъ примыкаетъ къ длинному коридору, котораго своды весьма древни на видъ и который ведетъ на верхъ пригорка, гдѣ видны глиняные домы, служащіе жильемъ хану и двору его, кромѣ того—мечеть, садъ и разныя принадлежности. Журавли свили себѣ гнѣздо на площадкѣ привратныхъ башенъ (Л. XXXIX—1).

«Послѣ вечерней молитвы, стража при дворцѣ удвоивается, большія ворота, равно какъ и всѣ городскія, запираютъ.

«Минаретъ Миргараба показался мнѣ прекраснѣйшимъ изъ архитектурныхъ памятниковъ; онъ выстроенъ по приказанію Тамерлана между медресе́ того же имени и главною мечетью: онъ въ сто восемьдесятъ футовъ вышиной, а основаніе его около тридцати шести футовъ въ окружности. Къ верху онъ съуживается; его размѣры придаютъ ему видъ чрезвычайной легкости; не смотря на древность свою, онъ вполнѣ сохранился (*Л.* XXXIX — *2*).

«Въ Бухарѣ считается триста шестьдесятъ мечетей, между прочимъ по одной при каждомъ изъ шестидесяти одного медресе́. Архитектурою онѣ разнообразнѣе послѣднихъ; но всѣ эти постройки въ очертаніи сводовъ носятъ признаки Арабскаго стиля. Своды крылецъ медресе́ часто представляютъ разсѣлины, причиненныя многочисленными землетрясеніями, которымъ подверженъ здѣшній край.»

Въ Бухарѣ около осми тысячъ домовъ; жителей 80,000 по крайней мѣрѣ; три четверти изъ нихъ Таджики; остальные — Узбеки, Татары, Афганцы, Калмыки, Жиды, Гиндусы. Есть также Русскіе и Персидскіе плѣнники, выведенные Туркменами.

Бухарскій народъ дѣлится на два разряда: Узбековъ, господствующее племя завоевателей, и Таджиковъ, племя побѣжденное, подвластное. Послѣдніе считаютъ себя первобытными жителями и, вѣроятно, происходятъ отъ древнихъ Согдовъ; Узбеки — Турецкаго корня. И тѣ, и другіе исповѣдываютъ исламъ. Они безъ зазрѣнія держатъ у себя Персидскихъ невольниковъ, хотя послѣдніе тоже мусульмане; но такъ

какъ они шіиты, то послѣдователи сунны причисляютъ ихъ къ разряду невѣрныхъ.

Населеніе Бухаріи полагаютъ въ 2,500,000 душъ; изъ числа ихъ полтора милліона Узбековъ. Обработанная часть края можетъ простираться до тысячи двухсотъ Французскихъ квадратныхъ миль. Земледѣліе было бы конечно весьма цвѣтуще, если бъ для многихъ туземцевъ имѣла менѣе прелестей кочевая жизнь, если бъ воды было поболѣе и если бъ въ отвращеніе этого неудобства слѣдовали хорошимъ способамъ удобренія. Здѣсь собирается пшеница, сорго, сарацинское пшено, овощи, кунжутъ и хлопчатая бумага.

По географическому своему положенію, Бухарія всегда была средоточіемъ дѣятельной торговли между Европою и Индіей. Пошлины, взимаемыя ханомъ съ привозныхъ товаровъ, весьма умѣренны, а вывозъ дозволенъ безъ пошлинъ. Торговля почти совершенно свободна, и Таджики могутъ вполнѣ предаваться своей наклонности къ купеческимъ оборотамъ. Бухарцы не роскошны и умѣренны въ своихъ потребностяхъ, по этому внѣшняя торговля ихъ важнѣе внутренней.

Государственные доходы простираются до 12,000,000 франковъ; войско состоитъ предпочтительно изъ конницы; число его можно полагать въ 25,000 человѣкъ.

Древняя ученая слава Бухары доказываетъ по-крайней-мѣрѣ то, что въ отдаленную эпоху этотъ городъ былъ средоточіемъ просвѣщенія. Нынѣ школьное богословіе составляетъ единственный предметъ ученыхъ занятій; молодые люди сохнутъ десять, пятнадцать и даже тридцать лѣтъ въ медресе надъ без-

численными толкованіями Корана, и надмясь своимъ безплоднымъ знаніемъ, дѣлаются муллами и съ сожалѣніемъ смотрятъ на всѣхъ, кто имъ не обладаетъ.

Самые употребительные языки въ Бухаріи—Персидскій и Турецкій; первымъ говорятъ Таджики, горожане и всѣ сколько-нибудь образованные Бухарцы; онъ употребляется въ дѣлахъ и въ перепискѣ; Турецкій языкъ, замѣчательный грубостью нарѣчія, употребителенъ только у Узбековъ и кочевыхъ Туркменовъ.

Послѣ Бухары, важнѣйшій городъ въ государствѣ Самаркандъ (Семеркандъ); въ немъ пятьдесятъ тысячъ жителей. Славныя мечети, огромныя бѣломраморныя медресе́, вотъ все, что осталось въ немъ отъ прежняго величія, когда въ Среднія Времена онъ былъ столицею Тамерлановой державы. Тѣло грознаго завоевателя покоится въ великолѣпной яшмовой гробницѣ, подъ куполомъ огромной величины. Но тщетно будете вы искать здѣсь людей, которые своими астрономическими знаніями напомнили бъ вамъ Улугъ-Бега.

Бухарія, окруженная степями и заключая ихъ нѣсколько въ самой себѣ, не можетъ имѣть границъ, точно опредѣленныхъ. Поверхность ея простирается приблизительно до десяти тысячъ квадратныхъ французскихъ миль. Въ восточной части ея есть горы, а западная представляетъ равнину необъятную. Аму-Дерья (Оксусъ древнихъ, Джигунъ или Джейхунъ по-Арабски) главная рѣка всего края; прорѣзывая его отъ юговостока къ сѣверозападу, она впадаетъ въ Аральское озеро или море; Зеръ-Афшанъ, текущій съ востока на западъ, оканчивается въ озерѣ Кара-куль,

имѣющемъ двѣнадцать французскихъ миль въ окружности. Другія, менѣе значительныя, рѣки, оплодотворивъ орошаемые ими округи, присоединяются къ предъидущимъ или теряются въ пескахъ.

Къ востоку и къ сѣверовостоку отъ Бухарскаго ханства простирается Коканское, распространившееся въ первые годы девятнадцатаго вѣка. Чрезъ него течетъ Сигунъ или Сыръ-Дерья (Яксартъ, Iaxartes древнихъ) отъ юговостока къ сѣверовостоку и впадаетъ въ Аральское озеро. Городъ Коканъ величиною съ Бухару; Коджендъ и Тюркистанъ также большіе города. Населеніе края простирается, какъ полагаютъ, до милліона душъ. У хана около двадцати тысячъ войска. Владѣнія его сопредѣльны къ востоку съ Китайскою имперіей и, по большой части, покрыты горами; почва вообще отличается плодоносіемъ; жители ведутъ большой торгъ съ другими Тюркистанскими державами и съ Китаемъ.

Кашгаръ-Деванъ, западная вѣтвь Тхянъ-шана, проходитъ южной полосою Коканскаго ханства и, образуя колѣно отъ востока къ югозападу, раздѣляется на отрасли, исчезающія въ Бухаріи. Въ южной части этихъ горъ лежитъ Бедехшанъ къ востоку отъ Кундуза, у котораго онъ въ зависимости. Люди изъ того края съ восхищеніемъ говорятъ о долинахъ его, ручьяхъ и чудесныхъ видахъ; къ несчастію онъ не рѣдко подверженъ землетрясеніямъ, которыя причиняютъ бездну вреда. Онъ славится своими рубиновыми копями и цѣлыми скалами лазурика, разсѣянными по берегамъ Аму-Дерьи.

Къ сѣверу отъ Бедехшана лежатъ въ горахъ другія мелкія владѣнія, также населенныя Таджиками и отчасти завоеванныя Кундузскимъ ханомъ; они извѣстны только по слуху. Марко - Поло проникъ туда въ XIII столѣтіи, и съ тѣхъ поръ не бывалъ тамъ ни одинъ Европеецъ. Г. Бёрнсъ собралъ нѣсколько извѣстій объ этихъ округахъ.

Господствующее тамъ вѣроисповѣданіе — исламъ. Киргизы занимаютъ плоскость Памера, лежащую между Бедехшаномъ и Китайскою имперіей, и изрытую неглубокими оврагами; климатъ здѣсь очень холоденъ. Далѣе къ юговостоку, въ отрасляхъ Гиндукуша живутъ Каффиры-Сіапуши (то есть, невѣрные, въ черномъ платьѣ), называемые такъ потому, что одѣваются въ кожи черныхъ козъ; сосѣди этого племени беспрерывно нападаютъ на него для добычи рабовъ Сіапуши — народъ полудикій; у нихъ голубые глаза; по землѣ ихъ идетъ рѣка Камехъ, лѣвый притокъ Кабула.

Поколѣнія Бедехшанскаго владѣтеля и другихъ мелкихъ князей въ этомъ гористомъ краѣ считаютъ себя потомками Александра Македонскаго, или покрайней-мѣрѣ, его полководцевъ. «Что нѣкоторымъ образомъ подтверждаетъ притязанія ихъ, говоритъ Г. Бёрнсъ, это то обстоятельство, что всѣ здѣшніе князья — Таджики, то есть принадлежатъ къ тому племени, которое обитало въ этомъ краю до вторженія Турецкихъ.... Впрочемъ настоящее ли это родословіе или нѣтъ, и туземцы признаютъ наслѣдственное достоинство своихъ владѣтелей, и тѣ, съ своей стороны, утверждаютъ права свои на царскія почести,

и не дозволяютъ дѣтямъ вступать въ бракъ съ членами другихъ поколѣній. Таджики эти, хотя теперь и мусульмане, считаютъ Александра пророкомъ Божіимъ. . . Мнѣ случалось говорить съ нѣсколькими лицами Бедехшанскаго дома, но ни въ физіономіи ихъ, ни въ чертахъ не было ничего оправдывающаго мысль, будто они принадлежатъ къ Македонской породѣ. Цвѣтъ у нихъ бѣлъ и довольно схожъ съ цвѣтомъ новѣйшихъ Персовъ; зато они представляютъ разительную противоположность съ Узбеками и другими Турками.»

Тюркистанъ, прозванный такъ по имени этого народа, означается иногда въ книгахъ географическихъ неприличнымъ ему названіемъ Независимой Татаріи. Этотъ обширный край западной Азіи лежитъ между 36 и 41° сѣверной широты и между 68 и 98° восточной долготы. Къ сѣверу граничитъ онъ Сибирью, къ востоку — Китайскою имперіей, къ югу Афганистаномъ и Персіей, къ западу Каспійскимъ моремъ; длина его около 550 миль, ширина 400, а поверхность 117,000 миль квадратныхъ. Мы уже говорили о горахъ, покрывающихъ его на востокѣ и на югѣ. Въ сѣверной его части простирается Айрукъ съ отраслями, которыя вмѣстѣ образуютъ западную вѣтвь Монгоджарскаго или Мугоджарскаго хребта, идущаго отъ Урала; другая вѣтвь, Кара-Дагъ, тянется въ южномъ направленіи и, подъ именемъ Балхана, раздѣляетъ водосконъ Аральскаго моря съ Каспійскимъ. Вокругъ перваго изъ этихъ большихъ озеръ лежатъ безконечныя степи: къ юговостоку стелется равнина, которой глинистая почва покрыта сыпучимъ пескомъ; къ югозападу

зеленѣютъ луговыя степи Харесма, а къ сѣверу тянутся необозримыя и, по большей части, солончатыя Киргизскія степи, перемежаясь пажитями и соляными озерами.

Г. Мейендорфъ проѣзжалъ этимъ краемъ на пути въ Бухару.

«Монгоджары, говоритъ онъ, образуютъ каменистую цѣпь, состоящую изъ коническихъ высотъ дикаго вида, покрытыхъ глыбами или скалами порфира, серпентина, кварца, фельдшпата, зеленаго камня; только гранита нѣтъ здѣсь нигдѣ.

«Долины являютъ чудную противоположность съ горами: въ глубинѣ ихъ, всюду, гдѣ скопляется и остается нѣсколько времени вода, растительность отличается силою, почва—чернотою и плодоносіемъ. Киргизы извлекаютъ изъ того двойную пользу: они сѣютъ хлѣбъ и пасутъ стада, ставя юрты между горами такимъ образомъ, чтобъ защитить себя отъ осеннихъ непогодъ.

«Къ югу отъ Монгоджарскихъ горъ, снѣгъ не бываетъ обиленъ; край гораздо теплѣе, но зато и безплоднѣе: мелкая полынь, почти всегда сѣрая или черная, пробивается на тощей почвѣ, и на пространствѣ ста Французскихъ миль, начиная отъ береговъ рѣки Каунджу до Сыръ-Дерьи, мы не замѣтили ни одной рѣчки.

«Сперва видите передъ собой равнину, потомъ все степи и сыпучіе пески: степи Юзумъ-Кумъ и Кара-Кумъ лежатъ къ сѣверу, а Кизиль-Кумъ и Батхакъ-Кумъ къ югу отъ Сыръ-Дерьи. Далѣе идутъ глинистые холмы, лишенные растительности и разрытые водою на де-

сять и даже на тридцать тоазовъ отъ основанія. Представьте себѣ потомъ множество соляныхъ озеръ, нѣсколько гладкихъ равнинъ съ вязкою почвой изъ мягкой и голубоватой глины; наконецъ всѣ обыкновенные признаки убыли и отступленія морскихъ водъ, и вы будете имѣть точное понятіе о свойствѣ края...

«Близъ маленькаго озера Камешлу, весьма близкаго къ Аральскому морю, мы повстрѣчали много Киргизовъ, изгнанныхъ стужею сѣверной части степи, и искавшихъ болѣе умѣреннаго климата; мы видѣли еще и другихъ, у которыхъ Хивинцы угнали скотину: нужда заставила ихъ заняться рыболовствомъ и земледѣліемъ, чтó у Киргизовъ всегда служитъ признакомъ нужды. Эти два полудикія племени грабили другъ друга въ теченіи тридцати лѣтъ, то начиная новую вражду, то платя за старыя обиды. Вслѣдствіе этихъ смутъ, они нашлись вынужденными употреблять муку въ яствахъ, а вскорѣ навыкъ и расчетливость пріучили ихъ видѣть въ ней предметъ первой необходимости. Однако жъ они употребляютъ ея немного и покупаютъ въ порубежныхъ городахъ Россіи или въ Бухарѣ, давая въ обмѣнъ овецъ, кожи, и шерсть козью и верблюжью Существовать такимъ способомъ повидимому гораздо легче, нежели съ трудомъ обработывать землю, часто неблагодарную; сверхъ-того они боятся прирости къ почвѣ и считаютъ первымъ благополучіемъ быть свободными, какъ птицы: сравненіе это употребляютъ они всякой разъ, когда говорятъ о кочевой жизни.

«Округи, орошаемые Сыръ-Дерьею, составляютъ рай Киргизскихъ степей, и Киргизы гордятся обла-

данiемъ столь большой рѣки въ своемъ краѣ. Они ничего такъ пламенно не желаютъ, какъ зимовать съ стадами на берегахъ ея, гдѣ морозы никогда не усиливаются до того, чтобы падалъ скотъ и люди терпѣли въ войлочныхъ юртахъ; но богатые Киргизы часто бываютъ лишены удовольствiя проводить зиму на этихъ счастливыхъ берегахъ, потому что враги ихъ, Хивинцы, ходятъ грабить ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ. . .

«Киргизы никогда не даютъ себѣ этого имени, а называютъ другъ друга *Казакъ*, что по однимъ значитъ всадникъ, а по другимъ воинъ. Они говорятъ, что Башкирцы первые прозвали ихъ Киргизами, но они не знаютъ причины этого наименованiя и между собою предоставляютъ его только кочевымъ племенамъ Большой орды. Послѣдняя живетъ въ восточномъ краѣ степи и управляется не ханомъ, а многими султанами, которые поддаются то Китаю, то Россiйской державѣ для полученiя отъ нихъ даровъ.

«Малая орда, въ западной части, и Средняя, въ середней полосѣ степи, повинуются ханамъ. Они обязаны получать утвержденiе отъ Россiи, которая имѣетъ большую силу въ самомъ выборѣ этихъ правителей, и требуетъ отъ нихъ присяги на вѣрность.»

Къ югу отъ втока въ Аральское озеро, Аму-Дерья образуетъ восточный предѣлъ Хивинскаго ханства, которое жители называютъ обыкновенно ханствомъ Ургенджскимъ, по имени знатнѣйшаго изъ городовъ. Арабы называли этотъ край Харесмомъ.

Въ 1819 году, Н. Н. Муравьевъ, капитанъ гвардейскаго генеральнаго штаба Его Величества Императо-

ра Всероссійскаго, отправленъ былъ отъ главнокомандующаго Кавказскимъ корпусомъ къ Хивинскому хану. Онъ оставилъ его владѣнія въ слѣдующемъ году, и издалъ потомъ описаніе своего посольства. Пользуясь этимъ главнымъ источникомъ, мы будемъ дополнять его свѣдѣніями, недавно обнародованными Г-мъ Гельмерсеномъ.

Хивинское ханство и, въ особенности, населенная часть его весьма необширны. Длина послѣдней отъ сѣвера къ югу составляетъ не болѣе ста двадцати верстъ, а ширина отъ востока къ западу менѣе пятидесяти. Край этотъ окруженъ безплодными и песчаными степями, за исключеніемъ сѣверной оконечности, омываемой Аральскимъ озеромъ, и восточнаго предѣла, гдѣ течетъ Аму-Дерья, отъ которой проведено множество оплодотворяющихъ каналовъ. Только правый берегъ этой рѣки покрытъ довольно большими утесами, а впрочемъ грунтъ всюду ровенъ; почва состоитъ изъ песчаной глины и по берегамъ поросла обильнымъ кустарникомъ.

Климатъ въ Хивѣ, не смотря на жестокость лѣтнихъ жаровъ, свѣжѣе чѣмъ въ Бухаріи, не такъ щедро снабженной водою. Произведенія въ обѣихъ странахъ почти одинаковы, и если только нѣтъ чрезмѣрной засухи, Аму-Дерья, наполняя каналы, разливаетъ плодоносіе; въ противномъ случаѣ всему ханству грозитъ неурожай. Воздухъ повидимому здороваго качества; однако въ осеннюю пору господствуютъ лихорадки.

Аральское озеро очень неглубоко и обильно островами, изъ которыхъ иные покрыты лѣсомъ и населены. Какъ въ немъ, такъ и въ Аму-Дерьѣ водится

много рыбы: осетровъ, севрюги, налимовъ, щукъ, карповъ, карасей и т. д. но Хивинцы вообще не любятъ рыбной пищи, и она употребляется одними Каракалпаками. Мелкая сушеная рыба, въ случаѣ нужды, идетъ на кормъ рогатому скоту.

Хорошая луговая трава растетъ только около города Кунграта и, мѣстами, по берегамъ Аму-Дерьи. Песчаная степь, къ западу отъ Хивы, по веснѣ также покрывается муравою, и въ это время гоняютъ туда верблюдовъ и рогатый скотъ; но вскорѣ палящее солнце пожигаетъ обильную пажить и раждаетъ тучи насѣкомыхъ, особенно осъ. Даже природные жители степи, Туркмены, уходятъ отъ нихъ въ горы на Персидскую границу или въ сосѣднюю Хиву.

Поля засѣваются пшеницею, ячменемъ, кунджею — для выдѣлки масла, хлопчатою бумагой, трилистникомъ — для корма скоту, джугари (holcus sacharatus), горохомъ, чечевицею и ея мелкой породою, ячмыкомъ, макомъ, коноплею, нѣкотораго рода просомъ, именуемымъ чигинъ, и пшеномъ сарацынскимъ. Земледѣліе производится самымъ тщательнымъ образомъ: поле вспахиваютъ иногда до семи разъ, и наземъ приготовляютъ заранѣе въ огромныхъ кучахъ.

Въ садахъ, которыми, по словамъ Муравьева, окруженъ всякій городъ, ростутъ, кромѣ обыкновенныхъ породъ умѣреннаго климата, тутовыя деревья, шаптала, урыкъ, или априкосовое дерево, и виноградныя лозы. Однако-жъ Хива вообще небогата плодами, и они, за исключеніемъ арбузовъ и дынь, по большей части, дороги.

Изъ домашнихъ животныхъ, кромѣ двухъ видовъ одногорбаго верблюда, ословъ и овецъ, заслуживаетъ особенное вниманіе порода прекрасныхъ Туркменскихъ лошадей, называемыхъ аргамаками. «Онѣ рослы, прекрасно сложены, но имѣютъ очень узкую грудь, тонкій хвостъ и длинноватыя уши. Обыкновеннѣйшій цвѣтъ ихъ сѣрый; черныя принадлежатъ къ рѣдкостямъ. Онѣ вообще неукротимы; только жеребцы злы, кусаются и лягаютъ. Если аргамакъ вырвется, то никогда не убѣжитъ далеко, и всегда воротится самъ. Въ бѣгахъ, они сначала очень быстры, но устаютъ скоро. Когда аргамакъ пробѣжалъ верстъ пять, сѣдокъ долженъ сойти съ него, и вести его въ поводу саженъ сто; если онъ тогда опять сядетъ, аргамакъ помчится еще скорѣе. Такимъ образомъ можно проѣхать на немъ въ двадцать четыре часа сто верстъ и даже, въ трое сутокъ, верстъ четыреста. Аргамаковъ держатъ всегда въ конюшняхъ и на дворѣ на веревкѣ, прикрѣпляемой кольцомъ къ желѣзнымъ сваямъ. Хивинцы впрочемъ убѣждены, что только Туркмены умѣютъ хорошо обращаться съ этими животными, и поэтому ханъ и вельможи ввѣряютъ лучшихъ скакуновъ своихъ попеченію Туркменовъ, за что сіи послѣдніе не получаютъ платы, но въ скачкахъ имъ отдаютъ выигранные призы. Аргамаковъ берегутъ тщательно, ѣздятъ на нихъ почти только въ военное время, и тогда еще Туркмены часто садятся на верблюдовъ или другихъ лошадей, ведя аргамаковъ въ поводу, пока не завидятъ непріятеля; даже отправляясь съ ними на водопой, на нихъ не садятся, а всегда водятъ ихъ.

«За лучшихъ бѣгуновъ этой породы платятъ сто Хивинскихъ червонцевъ (1450 рублей), но такихъ покупаетъ только одинъ ханъ. Обыкновенная цѣна отъ 30 до 80 червонцевъ, разумѣется смотря по добротѣ и происхожденію лошади.»

Ханъ и знатнѣйшій классъ народа въ Хивѣ — Узбекскаго племени. Не пользуясь ни какими особыми преимуществами, Узбеки гордятся своимъ происхожденіемъ и не вступаютъ въ родство съ другими племенами, кромѣ богатыхъ Сартовъ. Они сердиты, мстительны и хищны, но стойки въ данномъ словѣ и честно платятъ долги. Узбеки хотя и живутъ лѣтомъ въ палаткахъ, однако жъ ни одинъ изъ нихъ, кромѣ Кунгратскихъ, не преданъ кочеванію. Послѣдніе переходятъ съ мѣста на мѣсто какъ Киргизы.

Сарты, которыхъ называютъ иногда и Таджиками, кажется, древніе выходцы Бухарскіе: по-крайнѣй-мѣрѣ, они считаютъ себя древнѣйшими обладателями Хивы и, вслѣдствіе того, крѣпко не жалуютъ Узбековъ, хотя и принуждены жить съ ними въ согласіи. Они лживы, малодушны и неспособны къ войнѣ, но охотно занимаются науками и торговыми дѣлами. Трудолюбіе ихъ доставляетъ имъ большія богатства, которыя они впрочемъ привыкли скрывать, опасаясь притѣсненій со стороны хана. Таджиками называются здѣсь собственно Бухарскіе плѣнные, живущіе въ числѣ двухъ тысячъ семей на земляхъ, имъ отведенныхъ.

Кочевыя племена Хивинскаго ханства—Каракалпаки и Туркмены. Первые, которыхъ имя значитъ въ переводѣ черныя шапки (Черные Клобуки), кочуютъ преимущественно на правомъ берегу Аму-Дерьи. Въ

холодное время живутъ они въ зимовьяхъ, а лѣтомъ переходятъ съ мѣста на мѣсто. Одежда ихъ подобна Киргизской, но тѣ, которые состоятъ на службѣ хана и постоянно пребываютъ въ Хивѣ, носятъ шелковое платье. Каракалпаки занимаются скотоводствомъ и земледѣліемъ; они склонны къ воровству, но для явныхъ грабежей слишкомъ робки. Ханскіе чиновники дѣлаютъ съ ними все, что имъ вздумается. Аулами ихъ, равно какъ и у Туркменовъ, управляютъ аксакалы, то есть, бѣлобородые, или старшины. Въ обыкновенныхъ дѣлахъ они чинятъ судь и расправу, но важнѣйшіе случаи предоставляются ханскому рѣшенію.

«Туркмены обитаютъ на западной границѣ ханства и ведутъ кочевую жизнь въ палаткахъ. Они носятъ барашковыя шапки съ краснымъ суконнымъ верхомъ, какъ Русскіе казаки. Чиновники ихъ надѣваютъ иногда, въ честь хана, Хивинскія шапки. Кафтаны ихъ узки и достаютъ только до колѣнъ; изъ приготовляемаго ими самими сукна шьютъ они свою зимнюю одежду; лѣтомъ же носятъ кафтаны изъ китайки, выдѣлываемой въ Персіи. Шаравары ихъ покроемъ сходны съ Турецкими, изъ полосатой ткани (аладжи). Туркменцы носятъ короткую рубашку, красные юфтяные сапоги на фасонъ Киргизскихъ, и сильно шнуруются. Они почти единственно живутъ грабежемъ и воровствомъ, и для этого употребляютъ аргамаковъ. Когда, въ 1825 году, Хивинская армія напала на несчастный Русскій караванъ и принудила его отступить съ большою потерею товаровъ, Туркмены отняли у Хивинцевъ и Каракалпаковъ всѣ по-

хищеные товары, назначенные для отвоза въ Бухару, и на которые съ жадностію бросилась вся армія, какъ скоро отрядъ, сопровождавшій караванъ, отретировался. При спорѣ, возникшемъ по этому поводу, Туркмены обругали хана, который, узнавъ объ этомъ, приказалъ повѣсить десять Туркменскихъ аксакаловъ. Послѣ этого, двѣсти кибитокъ Туркменовъ откочевали на берегъ Каспійскаго моря, разрушивъ на дорогѣ, въ окрестностяхъ Ташгауса, два базара, и угнавъ скотъ. Ташгауса однако-жъ они не могли взять. Жены Туркменовъ прилежны и искусны въ рукодѣльяхъ. Онѣ ткутъ ковры, полотна, тонкую армячину изъ верблюжьей шерсти, поясы, сукно, и дѣлаютъ войлокъ. Мужчины холятъ своихъ прекрасныхъ лошадей, и хищничествуютъ.»

Чтобы дать понятіе о дѣйствительной силѣ Хивинскаго войска, замѣтимъ, что при Русскомъ караванѣ, о которомъ здѣсь упомянуто, былъ отрядъ, состоявшій только изъ пятисотъ человѣкъ, а Хивинцевъ было двѣнадцать тысячъ, и при всемъ томъ они успѣли только принудить его къ отступленію, потерявъ сами множество ранеными и убитыми.

Доходы Хивинскаго хана, состоящіе, кромѣ военной добычи, изъ поземельныхъ налоговъ и торговыхъ пошлинъ, простираются, по извѣстіямъ Г. Гельмерсена, до двухъ, а по словамъ Муравьева—до четырехъ милліоновъ рублей ассигнаціями. Однако жъ Ханъ часто нуждается въ деньгахъ, издерживая значительную часть казны на жалованье войску. Каждый солдатъ получаетъ отъ 15 до 25 червонцевъ въ годъ, а офицеры отъ 40 до 70 червонцевъ.

«Кромѣ солдатъ, служащихъ на жалованьѣ, на войну отправляются еще вольноопредѣляющіеся, не получающіе жалованья, но надѣющіеся вознаградить себя добычею и пользоваться сборомъ непріятельскихъ ушей и головъ. За первыя правительство платитъ по пяти тангъ (по 2 рубля 50 копеекъ) за штуку, а за послѣднія вдвое.»

У Хивинцевъ нѣтъ другаго войска, кромѣ конницы. Порохъ, ружья и даже пушки дѣлаются, говорятъ, въ самой Хивѣ, при содѣйствіи Русскихъ плѣнныхъ, которымъ вообще отдаютъ здѣсь преимущество передъ всѣми другими, покупая ихъ наиболѣе у Киргизовъ.

Полагаютъ, что населеніе Хивы можетъ простираться до осмисотъ тысячъ; но едва ли и четвертая часть подданныхъ во всегдашнемъ повиновеніи у правительства. Въ крайнемъ случаѣ, ханъ можетъ собрать двадцати-тысячное войско. Персидскіе предѣлы и Бухарія наиболѣе терпятъ отъ грабежей его. Подвластныя ему племена Туркменовъ безпрерывно тревожатъ первую изъ этихъ странъ и похищаютъ оттуда невольниковъ; съ другой стороны, они простираютъ нападенія свои на Русскихъ въ Каспійскомъ морѣ. Между-тѣмъ правительство этого разбойничьяго гнѣзда обезпечиваетъ торговымъ караванамъ свободный проходъ черезъ свои земли, только облагая ихъ извѣстною пошлиной. Но, за неимѣніемъ тарифа, величина пошлины опредѣляется по назначенію Ходжешъ-Мехрема, или главнаго сборщика податей. Люди его провожаютъ караваны отъ границы въ Хиву, гдѣ налагается на товаръ таможенный штемпель. Иностранцы терпятъ при этомъ большія задержки и

притѣсненія, и хотя иногда удастся имъ кончить дѣла не въ собственный ущербъ, они отнюдь не могутъ быть увѣрены въ ихъ правильномъ исходѣ.

«Всѣ грабежи и разбои внутри ханства, говоритъ Муравьевъ, большеію частію производятся невольниками и Туркменами, особенно въ то время, когда они ѣздятъ для жженія уголья въ степь. Угольный промыселъ доставляетъ значительную выгоду, и потому многіе владѣльцы посылаютъ на оный обыкновенно невольниковъ своихъ. Нерѣдко случалось, что люди сіи, встрѣчаясь, грабили другъ друга и нападали даже на проходящіе караваны и проѣзжихъ купцовъ. Нынѣ же грабежъ сей принадлежитъ исключительно хану, который почитаетъ его дѣломъ государственнымъ, или войной или мщеніемъ, или наказаніемъ, или налогомъ на купцовъ за вины, которыя самъ изобрѣтаетъ. Когда же сіе дѣлается подданными его, онъ называетъ грабежъ преступленіемъ и сажаетъ ихъ на колъ.» Иногда наказываютъ виновныхъ однимъ только лишеніемъ имущества, но при всемъ томъ трудно удержать народъ отъ прибыльнаго подражанія властителю.

Туркменія становится гориста къ Хорасану, вдоль береговъ Гургена и Атрека, которыхъ воды отдѣляютъ ее отъ Персіи и текутъ въ Каспійское море. На берегу послѣдняго разсѣяны песчаные холмы, отъ шестидесяти до осмидесяти футовъ вышиною.

Весь край между Аму-Дерьей и Хорасанскими горами называется теперь Туркменіей, потому что занятъ *извѣстнымъ*, то есть неопредѣленнымъ, числомъ Туркменскихъ племенъ, раздѣлившихъ между

собою степь и часть Хорасана. Туркмены эти живутъ отчасти скотоводствомъ, отчасти воздѣлкою земель, завоеванныхъ у Персіи. Есть между ними частные люди, у которыхъ до семисотъ верблюдовъ, до пяти тысячъ овецъ и козъ, до двухсотъ кобылицъ и по нѣскольку *кузовъ* серебра. Деньги и всѣ драгоцѣнныя вещи держатъ они въ мошнахъ изъ кожи съ верблюжьей шеи. Ихъ раздѣляютъ на Турковъ-Чарваровъ, или кочевыхъ, и Чумуровъ, или осѣдлыхъ. Пахотныя и луговыя земли отводятся Туркменамъ съ разрѣшенія Персидскаго шаха или хана Хивинскаго, смотря по близости отъ той или другой страны; но они подданные только по имени, и, принадлежа къ Суннитскому толку, безъ зазрѣнія уводятъ въ рабство шіитовъ-Персіянъ, и продаютъ ихъ въ Хивѣ и Бухарѣ на рынкахъ, такъ что житель пограничнаго города Персидскаго, Астрабада, едва ли дерзнетъ пуститься на нѣсколько миль безъ Туркменскаго проводника, и наоборотъ, Туркменъ не отважится пріѣхать въ Астрабадъ безъ охраннаго вида.

Шахъ-Аббасъ, надѣясь укротить буйство Туркменскихъ ордъ, перевелъ къ нимъ одно племя Курдовъ съ западной границы Персіи; но это отнюдь не помогло; напротивъ, сами Курды теперь не менѣе опасные враги Персіянамъ.

Отъ береговъ Каспія до Инда, малѣйшія деревни окружены укрѣпленіями, да и за ними бѣдные поселяне должны безпрестанно трепетать. Не смотря на стѣны и башни, города ежегодно становятся добычею какой-нибудь новой шайки хищниковъ. Каждый годъ засыпается нѣсколько сотъ колод-

цевъ, а они единственная надежда пахаря и путешественника.

Шеррексъ, Мерошакъ и Бала-Мургабъ превратились въ крѣпости, окруженныя роемъ Туркменскихъ ауловъ. Если Мешхедъ, благодаря своей святости, сохранилъ нѣкоторую значительность, зато Балхъ и Тузъ теперь только груды развалинъ. Проѣзжая то, что называется нынѣ *степью* между Аму-Дерьей и Хорасанскими горами, путешественникъ пораженъ видомъ множества городовъ, зáмковъ, селъ, чистернъ и каравансераевъ въ развалинахъ, о которыхъ преданіе уже не въ силахъ дать ни какого отчета, но гдѣ находятъ множество древнихъ монетъ.

Края, которые мы теперь обозрѣвали, славились въ древности богатствами. Ихъ называли тогда Маргіаной, Бактріаной, Аріей и Паропамизомъ. Бактра, Мараканда (Семеркандъ), Антіохія Маргійская были по справедливости знамениты своей торговлею и дивнымъ плодоносіемъ почвы. Бактра, мѣсто пребыванія Зердушта (Зороастра), * была въ теченіи многихъ вѣковъ главнымъ гнѣздомъ религіи Маговъ. Антіохъ, царь Сиріи, обвелъ стѣнами весь округъ Антіохіи Маргійской для огражденія его отъ набѣговъ кочевыхъ обитателей степи.

Въ Средніе Вѣка, имя Баткры исчезло и мѣсто ея заступилъ Балхъ, Согдіана названа Маверъ-эль-негаромъ и Ферганою, Хорассанъ замѣнилъ Маргіану и Пароію, а край къ сѣверу отъ него сталъ извѣстенъ подъ именемъ Харесма или Хо688варесма. Но почва сохраняетъ еще свое плодоносіе; число жителей, трудолюбивыхъ земледѣльцевъ Персидскаго про-

* Если Зердуштъ существовалъ.

исхожденія, еще болѣе размножается при Халифахъ, чѣмъ подъ державою Пароянъ. Болѣе четырехъ тысячъ двухсотъ колодцевъ отвращаютъ недостатокъ воды въ Хорасанѣ, и область эта покрывается безчисленнымъ множествомъ городовъ, изъ которыхъ Тузъ, Мешхедъ и, особенно, Нишапуръ, Гератъ и Меру (Александрія Маргійская, нынѣ Мервъ) равнялись, говорятъ, съ самыми цвѣтущими столицами Европы. Балхъ, по словамъ Азіатцевъ, *древнѣйшій городъ въ мірѣ* и *мать городовъ Востока*, лежалъ въ странѣ, оплодотворяемой осмнадцатью каналами, которые были проведены изъ большаго водоема среди горъ. Развалины Балха и теперь простираются на семь Французскихъ миль въ окружности. Имена Семерканда и Бухары были равнозначительны съ словами богатство и великолѣпіе.

Чтобы понять, какимъ образомъ эти столь цвѣтущіе края впали въ нынѣшнее ихъ состояніе, довольно припомнить въ главныхъ чертахъ картину переворотовъ, которыхъ они были позорищемъ. Арабы внесли туда магометанство подъ державою Омеядскихъ калифовъ Іезида и Валида, между 680 и 712 нашей эры. Побережье Аму-Дерьи было тогда занято осѣдлыми и земледѣльческими однородцами Персамъ. Къ сѣверовостоку, не менѣе плодоносный край Ферганы составлялъ уже Турецкое княжество вдоль теченія Сыръ-Дерьи. Турки вообще жили далѣе, въ высокихъ равнинахъ и скалахъ Алтая, до самыхъ береговъ Иртыша. Одни—только кочевали, составляя многочисленную конницу, другіе разработывали *для* господъ своихъ Алтайскія руды. Эти господа были сильные тогда

племена народовъ Гуннскихъ или Монгольскихъ, которыя потомъ оттѣснили Турковъ къ западу.

Въ 750 году, поколѣніе Абулъ-Абасса заняло халифскій тронъ вмѣсто Омеядовъ, и Багдадъ сталъ резиденціей новыхъ царей. Но первый пылъ энтузіазма, бывшій главною причиной успѣха Арабовъ, мало по малу угасалъ, и ревность къ общему дѣлу вѣры уступила мѣсто изнѣженности халифовъ и честолюбію ихъ намѣстниковъ. Въ началѣ VIII вѣка, Тегеръ объявилъ себя независимымъ въ Хорасанѣ, и потомки его управляли тамъ счастливо до 872 года. Имъ наслѣдовали Соффариды, обладавшіе всею средней Персіей. Это раздробленіе халифата ободрило бѣднѣйшее изъ Турецкихъ племенъ, Саманидовъ, овладѣть страной за-Джейхунской (874 г.); потомъ они перешли рѣку съ десятью тысячами всадниковъ и заняли Хорасанъ. Знаменитый ученый Ибнъ-Сана (Авиценна) жилъ при дворѣ ихъ. Прибытіе нѣсколькихъ сотъ тысячъ Турковъ въ концѣ десятаго вѣка обезпечило имъ обладаніе въ странахъ Аму-и Сыръ-Дерьи, прозванныхъ съ тѣхъ поръ Тюркистаномъ.

Выше упоминали мы, что Хивинскій оазисъ именовался у Арабовъ Харесмомъ. Здѣшніе султаны, Турецкаго племени, властвовали въ восточной Персіи, Хорасанѣ и Тюркистанѣ въ теченіи всего двѣнадцатаго столѣтія. Городъ Меру служилъ имъ столицею; богатства ихъ были несмѣтны; четыреста тысячъ воиновъ вступали иногда подъ знамена ихъ. Но благоденствіе этихъ странъ вскорѣ достигло своего предѣла. По мѣрѣ того, какъ Турки покидали края Алтайскіе и водворялись на берегахъ Аму-Дерьи, племена

желтой или Монгольской породы тянулись по пятамъ ихъ къ западу. Соединясь наконецъ подъ начальствомъ Чингисхановымъ, эти варвары разбили въ прахъ Могаммеда и Джелаледдина, послѣднихъ султановъ Харесмскихъ, и ринулись губительной волной въ края, столь цвѣтущіе до того времени. Сотни тысячъ людей погибли тогда въ Меру, Гератѣ, Нишапурѣ; городъ Балхъ былъ разрушенъ до основанія. Двѣсти пятьдесятъ лѣтъ спустя, Тамерланъ съ своими Татарами разорилъ въ конецъ эту злополучную землю, и ослабленіе Турецкаго народа вслѣдствіе безпрерывныхъ войнъ и переходовъ наконецъ отверзло Тюркистанъ прочному водворенію ордъ Монгольскихъ. Узбеки, которыхъ, кажется, можно считать отуреченными Монголами, овладѣли въ 1500 году землями, которыя Турки покидали при переходѣ своемъ въ Персію, и теперь они составляютъ значительную часть населенія Бухаріи, Харесма и Тюркистана, даютъ имъ правителей и занимаютъ всѣ главныя государственныя мѣста. Узбеки много измѣнили первобытнымъ своимъ нравамъ, принявъ исламъ и предавшись осѣдлой жизни въ городахъ Великой Бухаріи, но они сохранили основную черту своего характера, строптивость. Говоря это объ Узбекахъ вообще, мы считаемъ непремѣннымъ долгомъ представить читателямъ хотя одинъ примѣръ нѣкоторыхъ частныхъ исключеній, дѣлающихъ большую честь властителямъ этого края Азіи.

Въ бытность свою въ Бухарѣ, Г. Бёрнсъ и товарищъ его Г. Джерардъ были представлены *Кушъ-Беги* (первому министру), который принялъ ихъ благосклонно; они признались ему, что они Англичане, и

откровенность эта послужила имъ въ пользу: они могли свободно прогуливаться и посѣщать всѣ части города. Двадцать перваго іюля, они пришли откланяться министру. Этотъ почтенный человѣкъ, послѣ продолжительной бесѣды, показывавшей искреннее желаніе научиться, позвалъ предводителя каравана и Туркменскаго старшину, который долженъ былъ его сопровождать, и поручалъ имъ самымъ настоятельнымъ образомъ заботиться о двухъ Европейцахъ; потомъ обратился къ послѣднимъ и сказалъ: «Ханскую граммату, которую я вамъ теперь даю, предъявляйте только въ случаѣ необходимости. Продолжайте путь безъ шуму и попроще, не зоводя ни какихъ знакомствъ, потому что вамъ должно проѣзжать страной опасною. Совершивъ путешествіе свое, помолитесь за меня: я старикъ, и желаю вамъ всякаго блага.»

«За этимъ, говоритъ Г. Бёрнсъ, онъ подарилъ намъ по платью, правда недорогому; но онъ придалъ ему значительную цѣну, примолвивъ: «Не уѣзжайте съ пустыми руками; возьмите это и спрячьте.» Я благодарилъ его за насъ обоихъ; онъ привсталъ и прочелъ *фетиху* (благословеніе, состоящее изъ перваго стиха корана). Я разстался съ этимъ достойнымъ человѣкомъ, тронутый до глубины души и желая, равно какъ и теперь желаю, всякаго благоденствія Бухаріи.»

Въ тотъ же день Англичане пустились въ дорогу прибывъ въ Мирабадъ, сельцо въ сорока миляхъ Англійскихъ отъ Бухары, купцы, составлявшіе большую часть каравана, не хотѣли ѣхать далѣе, бывъ встре-

вожены поступками Хивинскаго хана. Отправили запросъ къ юзъ-баши (сотнику) Мервскому, какія пошлины слѣдуетъ заплатить за пропускъ. Десятаго августа полученъ благопріятный отвѣтъ, и шестнадцатаго пустились опять въ дорогу. Переправясь черезъ Аму-дерью на паромѣ, путешественники вступили въ степь. Встрѣча Туркменскаго аула близъ береговъ Мургаба причинила нѣкоторое безпокойство; къ счастію дѣло кончилось однимъ опасеніемъ. Переѣхали чрезъ Мургабъ, и втораго сентября прибыли въ мѣстечко Шараксъ, около маленькой крѣпости, выстроенной на пригоркѣ. Оно населено Туркменами; одиннадцатаго сентября, караванъ пошелъ отсюда далѣе, и къ нему присоединились два другіе.

Еще приближаясь къ Шараксу, путешественники замѣтили, что край начинаетъ подыматься, хотя и неощутительно. По ту сторону мѣстечка перешли чрезъ каменистое и пересохшее тогда русло рѣчки Тедженда, выходящей изъ сосѣднихъ горъ и теряющейся въ песчаной степи. Стоячія лужи были солоноваты, равно какъ и почва въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Проѣхавъ семь или восемь миль, потянулись горнымъ ущельемъ, а двѣнадцатаго сентября, на разсвѣтѣ, увидѣли передъ собой башни Дербенда, или Муздерана, въ сорока пяти миляхъ къ югозападу отъ Шаракса. Тутъ уже Персидскій военный постъ.

*

ГЛАВА LXII.

Персія.

Муздеранъ былъ нѣкогда многолюднымъ и цвѣтущимъ городомъ; но, въ первые годы XIX вѣка, Хивинскій ханъ овладѣлъ имъ, срылъ его укрѣпленія и увелъ несчастныхъ жителей, всѣхъ до одного. Еще видны сады ихъ и плодовыя деревья, разведенныя ими въ сосѣдней долинѣ, которую орошаютъ нѣсколько ручьевъ и между прочимъ теплый источникъ, выходящій ниже Муздерана. Еслибъ его исправить, этотъ постъ могъ бы служить защитою большой дорогѣ и окрестностямъ, но для этого правительству надлежало бы обратить на него свое вниманіе.

Первое селеніе, которое увидѣли потомъ наши путешественники, было Гузканъ, обитаемое тысячью Теймурійцевъ, кочеваго племени Эймакъ. «Это жалкой народъ, говоритъ Г. Бёрнсъ: всѣ высыпали смотрѣть на караванъ нашъ. Многіе изъ этихъ Персіянъ спрашивали самымъ печальнымъ голосомъ, не привезли ли мы съ собой писемъ отъ ихъ сродниковъ и друзей, уведенныхъ въ Тюркистанскія земли. Рѣдко Туркмены щадятъ Гузканъ при набѣгахъ своихъ.»

Г. Бёрнсъ вскорѣ прибылъ въ Мешхедъ * и потомъ разстался съ Г. Джерардомъ, которому надлежало отправиться въ Индію, а онъ продолжалъ свой

* Многіе произносятъ Мешедъ.

путь и объѣхалъ Персію до обратнаго путешествія въ Бомбей.

Было время, когда Персія, гораздо обширнѣйшая, нежели теперь, называлась у жителей своихъ *Ираномъ*; имя это и нынѣ осталось за нею. Персія лежитъ между 26-мъ и 39-мъ градусами сѣверной широты и между 63-мъ и 79-мъ восточной долготы. Длина ея отъ сѣвера къ юговостоку—четыреста пятьдесятъ *миль*, наибольшая ширина—триста двадцать; поверхность составляетъ 60,000 миль квадратныхъ. Къ сѣверу граничитъ она Тюркистаномъ, Каспійскимъ моремъ, Россіею, къ востоку—Афганистаномъ и Белучистаномъ, къ югу Оманскимъ моремъ и Персидскимъ заливомъ, къ западу Оттоманскою имперіей.

Сѣверная часть Персіи прорѣзана вѣтвію Гинду-Куша, которая пріемлетъ названіе Хорасанскихъ горъ и Эльбурза, идетъ сперва къ западу, потомъ на сѣверъ и подъ именемъ Меднофріада примыкаетъ къ Демавендскимъ горамъ, а эти сливаются къ сѣверу съ Араратомъ, къ западу съ Эльвендскими горами; цѣпь Бахтіери идетъ къ югу, и потомъ на востокѣ встрѣчается съ Мекранскимъ хребтомъ.

Обращая взоръ на области Персіи, мы видимъ Гилянь и Мазендеранъ между горами и Каспійскимъ моремъ; Хорасанъ, Керманъ, Иракъ-Аджемъ, Фарсъ между сѣверными и южными хребтами; Ларистанъ къ югу отъ Бахтіерійскихъ горъ; Кузистанъ, Луристанъ, Курдистанъ и Адзербайджанъ на западѣ, пересѣкаемые горными цѣпями.

«За исключеніемъ Гиляни, Мазендерана и нѣкоторыхъ весьма немногихъ мѣстъ, говоритъ Англійскій

путешественникъ Фрезеръ (Frazer), обозрѣвавшій Персіею въ 1821 и 1822 годахъ, общій видъ этого края представляетъ только сушь и безплодіе. Персію прозвали гористою страной; наименованіе это, относительно къ обширной части ея поверхности, конечно справедливо, но вообще она образуетъ скорѣе плоскость, окруженную низкой полосою. Послѣдняя простирается подъ именемъ Дахтистана на югѣ вдоль Персидскаго залива и моря Оманскаго, и подъ разными другими названіями вдоль Каспійскаго моря, къ сѣверу, до подножія хребта Эльбурзъ и, восточнѣе, до равнинъ Тюркистанскихъ. Высокая плоскость занимаетъ все пространство между этими двумя чертами, которыя тянутся отъ востока къ западу вровень съ предѣлами государства. Высота ея должна быть около трехъ тысячь пятисотъ футовъ и на поверхности ея ступенями подымаются хребты, раздѣляющія Персію и заключающія между подошвъ своихъ долины разнаго объема; иногда походятъ онѣ на острова среди плоскости, которая несравнимо обширнѣе ихъ пространствомъ.

«Видъ этихъ горъ почти вездѣ крайне печаленъ, такъ онѣ наги и безрастительны, являя взору огромныя толщи сѣрыхъ скалъ, нагроможденныхъ слоями однѣ надъ другими, или вдругъ подымая шероховатую главу изъ равнины, которая у подошвы ихъ не представляетъ другихъ негладкостей, кромѣ груды обломковъ, сносимыхъ дождями съ той же горы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ не совсѣмъ безъ почвы, но какъ послѣдняя состоитъ преимущественно изъ каменныхъ частицъ, то ни сколько не придаетъ имъ прелести,

не производя ни лѣса, ни кустовъ. Мѣсяца два, въ теченіи весны, скудная зелень сообщаетъ ихъ бурымъ покатостямъ свой изумрудный оттѣнокъ, но вскорѣ пожигаютъ ее лѣтніе жары, и первобытный цвѣтъ снова выступаетъ наружу: не остается ни клочка травы, которая столь быстро взошла и поблекла. Общій видъ равнины отнюдь не отраднѣе; самая значительная часть состоитъ изъ хряща, смытаго съ горъ водою, или какихъ нибудь громадъ, произведенныхъ давнимъ переворотомъ природы и лежащихъ толстыми и пространными слоями, или наконецъ изъ крѣпкой глины, которая, не бывъ увлажена природою или искусствомъ, такъ же безплодна и пуста, какъ и все прочее. Край постоянно одѣтъ какимъ-то бурымъ или сѣрымъ покрываломъ, за исключеніемъ двухъ мѣсяцевъ, апрѣля и маія.

«Вода во многихъ мѣстахъ оплодотворяетъ эти равнины, но Персія надѣлена ею менѣе, нежели чѣмъ-нибудь другимъ; рѣки незначительны и малочисленны, а ручьи, которые также весьма рѣдки, могутъ быть употреблены только въ весьма ограниченномъ количествѣ для потребностей воздѣлки. Въ лучшихъ округахъ, малая часть обработываемыхъ земель походитъ на базисъ въ пустынѣ, и противоположностью своей ведетъ лишь къ тому, что окрестность ея кажется еще бѣднѣе. И равнины, и горы равно безлѣсны; единственныя деревья, которыя тамъ увидите, ростутъ въ сельскихъ садахъ или по берегамъ рѣкъ, гдѣ насадили ихъ для того, чтобъ было хоть сколько-нибудь строеваго матерьяла: тутъ найдете преимущественно плодовыя деревья, великолѣпный чинаръ, кипа-

рисъ, или статный тополь. Впечатлѣніе, производимое садомъ изъ этихъ деревъ, столь отличныхъ своею темной зеленью отъ сѣрой и пыльной равнины, наводитъ скорѣе грусть, нежели радость. Въ краевидахъ Персіи и смежныхъ странъ, къ сѣверу и востоку, взоръ напрасно ищетъ того, что разливаетъ столько прелести въ поляхъ Европейскихъ: онъ не видитъ ничего, возвѣщающаго миръ, безопасность, довольство, веселіе; напротивъ, все показываетъ здѣсь, что человѣкъ боится себѣ подобнаго, что онъ живетъ только для себя и день-за-день, ни мало не заботясь о потомствѣ; что онъ наконецъ въ полномъ невѣжествѣ, уничиженъ и оподленъ.

«Когда путешественникъ, утомленный переходомъ чрезъ каменистыя горы, пересѣкающія равнину, взглянетъ внизъ съ высоты ущелья, куда взобрался онъ съ трудомъ и истомой, ему представится темная, однообразная поверхность, простирающаяся на необозримое разстояніе или ограниченная, синеватыми горами, подобными тѣмъ, которыя онъ насилу перешелъ; если и есть гдѣ нибудь обработанныя мѣста, онъ съ трудомъ отличитъ ихъ въ даляхъ равнины, по которой они разсѣяны, и то развѣ лишь весеннею порой; если случится городъ или селеніе на этомъ необъятномъ пространствѣ, вы усмотрите только черту или точку, означенную окружными садами, а впрочемъ не отличающуюся ни чѣмъ отъ развалинъ, которыя здѣсь гораздо обыкновеннѣе человѣческихъ жилищъ.

«Обширныя степи, открывающіяся въ разныхъ частяхъ Персіи, конечно представляютъ разительную картину, но видъ страны вообще до того пустыненъ,

что только въ близи или при переходѣ рубежей ихъ путешественникъ подмѣтитъ ихъ отличительныя черты; тогда солончаки, блистающіе на пламенномъ солнцѣ и на поверхности, прерываемой тамъ и сямъ толщами черныхъ утесовъ, тогда дивныя явленія миража скажутъ довольно ясно: это степь.

«Впрочемъ, какъ я говорилъ прежде, Мазендеранъ съ Гилянью и нѣкоторые округи Адзербайджана составляютъ исключеніе въ обзорѣ нашемъ: эти три области прекрасны лѣсами, водами и возвышенностями, которыя придаютъ имъ дивное разнообразіе. Лѣса здѣсь особенно великолѣпны и большую часть года услаждаютъ взоръ роскошною зеленью; но двѣ первыя страны дорого платятъ за такую выгоду зловредной сыростію атмосферы.

«Если Европейскій путешественникъ разочаруется, взглянувъ на край вообще, видъ городовъ утвердитъ его въ этомъ мнѣніи. Привыкнувъ къ именамъ Тебриза, Испагани, Шираза и другихъ городовъ, прославленныхъ сказками и исторіею Востока, и составивъ себѣ о нихъ родъ понятія по образцу Европейскихъ городовъ или, по-крайней-мѣрѣ, облекши ихъ въ воображеніи восточнымъ нарядомъ колоннъ, минаретовъ, куполовъ, какъ можетъ онъ быть готовъ на груды мерзостей, нечистотъ и развалинъ, которыя представятся ему въ прекраснѣйшихъ изъ этихъ городовъ? Тщетно будете искать тѣхъ обычныхъ и отрадныхъ признаковъ близости человѣческаго общества, которыя услаждаютъ вамъ сердце и ободряютъ духъ, когда вы подъѣзжаете къ большому городу въ Европѣ.«

Картина не заманчива, а вѣрна: съ нѣкоторыми измѣненіями въ оттѣнкахъ найдете ее у всѣхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Персію, а ихъ было такъ много, что одно исчисленіе именъ было бы слишкомъ продолжительно. И такъ мы поневолѣ ограничимся главнѣйшими и будемъ представлять отрывки изъ описаній ихъ по мѣрѣ надобности.

Піэтро делла - Валле, Фигуэроа, Гербертъ, отецъ Пасификъ де-Провенъ (P. Pacifique de Provins), Тавернье́, Шарденъ видѣли Персію въ XVII-мъ вѣкѣ; она была тогда богата, сильна, могущественна. Изъ числа этихъ именъ наиболѣе извѣстны Тавернье́ и Шарденъ. Оба ювелиры и Парижскіе уроженцы, они проникали внутрь дворцовъ, и описывали роскошь и великолѣпіе цвѣтущей державы; но Шарденъ много превзошелъ земляка своего остроуміемъ и разсудительностью. Всѣ позднѣйшіе путешественники, даже тѣ, которые видѣли Персію послѣ ужасныхъ смутъ, терзавшихъ ее въ XVIII-мъ вѣкѣ, единогласно отдаютъ справедливость вѣрности и глубинѣ его замѣчаній, разнообразію его свѣдѣній, его искреннему правдолюбію.

Въ XIX-вѣкѣ, Г. Амедей Жоберъ, покойный сиръ Джонъ Мелькольмъ, Адріанъ Дюпре́, сиръ Вильямъ У́зли (Ouseley), Гг. Морьеръ, Фрезеръ, Бёрнсъ, Друвиль, и нѣкоторые другіе, видѣли Персію послѣ воцаренія Каджарскаго дома. Въ 1834 году вступилъ на тронъ Могаммедъ-Шахъ, по смерти дѣда своего Фетхъ-Али-Шаха.

Рѣкъ въ Персіи немного, и тѣ незначительны. Араксъ окраяетъ ее съ сѣверозапада; Кизиль-Озенъ

выходитъ изъ Курдистанскихъ горъ, течетъ къ сѣверо-востоку и въ сѣверозападной части Иракъ-Аджема, отдѣляетъ его отъ Адзербайджана и Гиляни, и проникая въ эту область, впадаетъ двумя устьями въ Каспійское море; онъ пересѣкаетъ Эльбурзъ, и пробѣгаетъ всего сто двадцать миль Французскихъ съ чрезвычайной быстротою. Каспійское море пріемлетъ еще Атрекъ и Гургенъ, текущіе съ горъ Хорасанскихъ въ направленіи отъ востока къ западу. Керхахъ начинается почти въ срединѣ горъ Курдистанскихъ, идетъ на югъ, орошаетъ западную часть Кузистана, и переходя на Оттоманскую землю, впадаетъ, послѣ ста-тридцати-мильнаго теченія, въ Шатъ-Эль-Арабъ. Карунъ, текущій Луристаномъ, также впадаетъ въ Шатъ-Эль-Арабъ. Малыя рѣки нисходятъ съ южныхъ горъ въ заливъ Персидскій. Одна изъ нихъ, Зебъ, отдѣляющая Кузистанъ отъ Фарса, доступна для ладей на разстояніе шести миль отъ моря. На возвышенной плоскости текутъ Бендемиръ, Шурирудъ, Мергабъ, исчезая въ озерахъ или въ пескахъ.

По словамъ нѣкоторыхъ писателей, въ Персіи болѣе двадцати озеръ, не имѣющихъ ни какого истока; они, по большей части, не велики. Важнѣйшія суть Урмія въ Адзербайджанѣ, Бахлегіанъ въ Фарсѣ.

«Нѣтъ, можетъ-быть, страны, говоритъ Мелькольмъ, которая, на подобномъ пространствѣ, представляла бы такое разнообразіе климатовъ; но разность эта повидимому условливается болѣе высотою грунта, нежели разстояніемъ отъ экватора. Въ южныхъ округахъ, между горами и Персидскимъ заливомъ, лѣтній жаръ чрезвычайно силенъ и возрастаетъ еще чрезъ отраженіе

солнца среди песковъ. Въ теченіи двухъ первыхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, сѣверозападный вѣтеръ дуетъ съ такою силою, что приноситъ съ береговъ Аравіи облака мелкаго неосязаемаго песку. Осенью жары невыносимы, но зимою и весной температура самая пріятная; на южномъ скатѣ горъ, стужи никогда не бываетъ и снѣгъ идетъ рѣдко. Умѣренные дожди выпадаютъ зимою и въ началѣ осени, сопровождаемые югозападнымъ вѣтромъ, часто весьма бурнымъ; но никогда не стоитъ онъ долѣе трехъ или четырехъ дней сряду. Во внутренности, нѣкоторые округи Кермана и Ларистана подвержены чрезмѣрному зною, особливо въ сосѣдствѣ Сеистанской степи.

«Части Фарса, лежащія къ сѣверу отъ горъ, имѣютъ климатъ теплый, но умѣренный. Земля вообще тучна и плодородна, и орошается множествомъ ручейковъ. Въ нагорныхъ мѣстахъ—отличныя пажити, а въ долинахъ—изобиліе хлѣба и плодовъ.

«По мѣрѣ углубленія къ сѣверу, климатъ становится еще умѣреннѣе. Въ обширной Иракской области жары не тревожатъ лѣтомъ, а зимній холодъ безпокоитъ всего нѣсколько недѣль. Небо здѣсь ясно и безоблачно, сильныхъ дождей никогда нейдетъ, и снѣгъ изрѣдка покрываетъ землю; воздухъ до того чистъ и сухъ, что желѣзо самой блестящей шлифовки можетъ оставаться на немъ, не ржавѣя. Правильность теченія годовыхъ временъ совершенно изумляетъ людей, привыкшихъ къ непостоянной погодѣ; перемѣны происходятъ, такъ сказать, въ опредѣленный часъ, не говоря о дняхъ или недѣляхъ. Въ началѣ весны, быть-можетъ, нѣтъ мѣста въ цѣломъ мірѣ, гдѣ природа

являлась бы прекраснѣе, нежели въ Испагани. Прозрачность водъ, густая тѣнь отъ деревъ ея длинныхъ проспектовъ, пышная растительность въ садахъ и яркая зелень, покрывающая обширныя равнины, все какъ бы соединяется съ благорастворенiемъ воздуха, чтобы содѣлать ее обиталищемъ восхитительнымъ, и когда видишь передъ собой эту дивную картину, тогда почти готовъ забыть преувеличенiе въ томъ народномъ повѣрьѣ, которое говоритъ, будто этотъ благословенный климатъ имѣетъ такую силу надъ чувствами, что производитъ настоящее опьяненiе.

« Города сѣвернаго Ирана лишены столь кроткаго климата. Край около Гамадана весьма гористъ, и зима тамъ жестока, тогда какъ Кашанъ и Кумъ, лежащiе на краю степей, подвержены лѣтомъ такому же зною, какъ и страна около Персидскаго залива. Столица шаха, Тегеранъ, находится у самаго подножiя горъ, раздѣляющихъ Иракъ съ Мазендераномъ, и вслѣдствiе того вредна здоровью отъ частыхъ перемѣнъ воздуха.

« Въ Адзербайджанѣ лѣтомъ жарко, а зимою очень холодно. Въ нѣкоторыхъ округахъ Курдистана, хотя они и южнѣе, дѣйствiе возвышенности края такъ чувствительно, что начало здѣшней зимы современно началу осени въ сосѣднихъ кантонахъ. Семнадцатаго августа 1810 года, когда я стоялъ въ равнинѣ Габату, вода тамъ замерзла.

« Сѣверныя области, Гилянь и Мазендеранъ, дѣлятся, подобно южнымъ, на холодную и теплую полосы; первая высокiй и гористый край, сопредѣльный съ

Иракомъ и Адзербайджаномъ, а другая заключаетъ въ себѣ при-Каспійскія равнины. Эти двѣ области богаты лѣсомъ и рѣками, которыхъ мало во всѣхъ другихъ. Въ Гиляни и нѣкоторыхъ округахъ Мазендерана собираютъ шелкъ; въ послѣднемъ родится сарацынское пшено отличной доброты. Дожди сильны и часты, равно какъ и въ Гиляни; низменности влажны и нездоровы.

«Обширная Хорасанская область представляетъ величайшее разнообразіе въ температурѣ; земли, прилежащія въ степи, что между Иракомъ и Сеистаномъ, безплодны и подвержены страшнымъ жарамъ. Въ теченіи многихъ недѣль, лѣтомъ, жители нѣкоторыхъ округовъ стараются не выходить на воздухъ, опасаясь внезапной смерти отъ заразительнаго воздуха или отъ тучъ песку, которыя онъ часто наноситъ. Не смотря на это мѣстное зло, климатъ Хорасана можно назвать хорошимъ и здоровымъ.

«Рѣдкость потоковъ и ключей причиною, что въ Персіи нѣтъ деревьевъ, кромѣ тѣхъ, которыя разводятъ; этотъ недостатокъ лѣсовъ благопріятенъ вольному обращенію воздуха, такъ что здѣсь невѣдомы испаренія, часто вредныя для человѣка только потому, что вѣтеръ ихъ не разноситъ. Но съ другой стороны, рождаются отсюда большія неудобства, ибо безлѣсіе не только умаляетъ красоту видовъ, но, какъ говорилъ одинъ Гиндусъ Персіянину: «У васъ нѣтъ ни тѣни, куда бы укрыться лѣтомъ отъ палящаго солнца, ни дровъ для охраненія себя отъ стужи во время зимы.»

«Почва весьма разнообразна, начиная съ песчаныхъ, безплодныхъ равнинъ при заливѣ, до глинистыхъ и тучныхъ мѣстъ около моря Каспійскаго; но вездѣ не достаетъ плодотворной влаги. Преимущественно по этой причинѣ, частыя вторженія, претерпѣнныя здѣшнимъ краемъ, содѣйствовали такъ много къ уменьшенію продуктовъ и слѣдственно къ остановкѣ успѣховъ населенности. Истребленіе нѣсколькихъ канавъ, устроенныхъ съ большими издержками, можетъ въ нѣсколько мѣсяцевъ сдѣлать изъ богатой долины печальную степь. Немногія страны могутъ похвалиться такимъ множествомъ прекрасныхъ овощей, какъ Персія. Сады ея могутъ поспорить со всѣми въ мірѣ и на счетъ богатства произведеній и на счетъ красоты. Какого благоденствія могла бы она достигнуть подъ властію твердаго и справедливаго правительства! Нѣкоторыя изъ обширнѣйшихъ и прекраснѣйшихъ долинъ ея, усѣянныя развалинами городовъ и деревень, служатъ пастбищемъ для стадъ кочующихъ племенъ, и на пространствѣ ста миль, нѣкогда одѣтомъ богатыми жатвами, вы увидите поле тамъ и сямъ, и узнаете, что этого ничтожнаго земледѣлія достаточно для пропитанія семей, которымъ отведены эти земли, и для сбора ежегодно маленькаго запаса на кормъ ихъ лошадямъ.

«Въ Персіи мало ископаемыхъ. Въ нѣкоторыхъ округахъ есть желѣзо и свинецъ; золотыя и серебряныя, которыя здѣсь открыты, никогда не разработывались съ выгодой; изъ драгоцѣнныхъ камней нѣтъ другихъ, кромѣ бирюзы. Лучшую добываютъ въ горахъ, близъ Хорасанскаго города, Нишапура, лежа-

щаго въ равнинѣ, на двадцать миль къ западу отъ Мешхеда.

«Изъ числа домашнихъ животныхъ въ Персіи, лучшія и полезнѣйшія—верблюдъ, лошакъ и лошадь. Быки, употребляемые въ землепашествѣ, не многочисленны и не замѣчательны ни въ какомъ отношеніи. Но въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни дорогъ, ни рѣкъ судоходныхъ, весьма естественно жителямъ обращать вниманіе на тѣ роды животныхъ, которыя приносятъ одинаковую пользу и въ искуствахъ мирныхъ, и въ военныхъ предпріятіяхъ. Во всѣхъ частяхъ края, гдѣ почва суха и песчана, и гдѣ царствуютъ сильные жары, верблюдъ пердпочитается всякому другому животному для перевозки тяжестей. Въ нѣкоторыхъ округахъ Хорасана, онъ, можно сказать, составляетъ главное богатство жителей; но въ большей части прочихъ областей употребительнѣе лошаки, и необыкновенная сила ихъ и ретивость, въ соединеніи съ способностью переносить усталь, ставятъ ихъ въ мнѣніи Персіянъ непосредственно послѣ лошади: они почти столько же заботятся о разведеніи муловъ, какъ и коней.

«Фарсская и Иракская лошадь—породы, смѣшанной съ Арабскою, и которая хотя крѣпче послѣдней, однако жъ мелка въ сравненіи съ Туркменскою и Хорасанской. Послѣднія наиболѣе въ чести у Персидскихъ военныхъ; онѣ также съ большой примѣсью Арабской крови. Быть-можетъ, въ мірѣ нѣтъ лошадей переносливѣе Туркменскихъ, и когда, какъ водится, ихъ выѣздятъ для набѣговъ и грабежей, онѣ въ теченіи нѣсколькихъ дней сряду пробѣгаютъ страш-

ныя разстоянія. Персіяне привыкли искони дорого цѣнить эту породу, которая дала имъ себя знать при опустошительныхъ набѣгахъ племенъ Туркменскихъ. Надѣясь на быстроту и крѣпость своихъ бѣгуновъ, эти удальцы безъ страха выходили изъ степей, шайками человѣкъ въ двадцать или тридцать, и грабили селенія даже въ окрестностяхъ Кашана и Испагани.

«Бараны составляютъ богатство кочевыхъ племенъ; но здѣсь отнюдь не заботятся объ улучшеніи породы этого полезнаго животнаго, доставляющаго и пищу, и нѣкоторыя изъ нужнѣйшихъ частей одежды.

«Подобно всѣмъ краямъ, гдѣ много степей пустынныхъ, Персія изобилуетъ дикими животными, каковы: левъ, волкъ, лисица, шакалъ, заяцъ, дикій оселъ, каменный баранъ, горная коза, разныя породы серны. Въ этой странѣ есть также почти всѣ тѣ птицы, которыя водятся въ такихъ широтахъ.»

Мелькольмъ и Жоберъ (Jaubert) полагаютъ, что древніе писатели, равно какъ изъ новѣйшихъ Шарденъ, преувеличили богатство и многолюдность Персіи. Но хотя эта обширная держава не такъ цвѣтуща теперь, какъ была въ разныя эпохи своего величія, оба путешественника согласны въ томъ, что населенность ея не всегда идетъ на убыль, и что край вообще не лишенъ стихій благосостоянія. Мѣста, годныя къ воздѣлкѣ, представляютъ въ Персіи столько вѣроятностей плодоносія, что не могутъ долго оставаться впустѣ. «Основываясь на показаніяхъ жителей Востока, говоритъ Г. Жоберъ, можно бы полагать населеніе и доходы Персіи чрезмѣрными относительно къ пространству, почвѣ и образу правленія этого

государства. Даже благовоспитаннѣйшіе Персіяне имѣють мало статистическихъ свѣдѣній, и по невѣжеству или съ сознаніемъ, они всегда готовы преувеличивать способы своего отечества; но если разсчеты ихъ не вѣрны въ числахъ, то имѣютъ, по-крайней-мѣрѣ, родъ относительной точности, и всегда можно извлечь нѣкоторую пользу даже изъ самыхъ противорѣчій. »

Населеніе Персіи простирается до 9,000,000 человѣкъ. Оно состоитъ изъ осѣдлыхъ жителей, каковы: Таджики, Армяне, нѣсколько Гебровъ, Евреевъ и Забійцевъ, и изъ кочевыхъ племенъ, говорящихъ Турецкимъ, Курдскимъ и Арабскимъ нарѣчіемъ. Бо́льшая часть жителей употребляетъ языкъ Персидскій; онъ происходитъ отъ Пегльви, измѣнившагося со времени введенія ислама.

Персы — мусульмане шіитскаго толка и, за изъятіемъ духовенства, гораздо вольнѣе въ вѣрѣ, чѣмъ Сунниты: многіе безъ малѣйшаго зазрѣнія пьютъ вино, и изъ описаній путешественниковъ XVII вѣка можно видѣть, что государи въ то время первые нарушали эту статью Корана; нынѣ они уже не поощряютъ примѣромъ такого соблазна.

По единогласнымъ отзывамъ путешественниковъ, Персіяне рослы, сильны и стройны; цвѣтъ кожи у нихъ смуглый, глаза живые и умные. Одежда ихъ измѣнилась со временъ Шардена: она состоитъ изъ *доне́*, длиннаго кафтана, охватывающаго станъ и доходящаго доземи; кафтанъ этотъ шелковый, бумажный, парчевой или шалевый; подъ него надѣвается *архалыкъ* на ватѣ изъ тканья или ситцу; онъ доходитъ до икры и шьется съ открытой грудью; потомъ

слѣдуетъ *нирагенъ*, шелковая, бумажная или льняная рубашка, какого угодно цвѣта, коротенькая, безъ ворота, съ разрѣзомъ на боку и съ обшивкою шелковымъ снуркомъ яркаго цвѣта; далѣе, *зирджаме́*—весьма полные шаравары изъ шелковой или бумажной ткани, привязываемыя на бедрахъ и доходящія до лодыжки; вмѣсто чулковъ носятъ родъ карпетокъ; дома или выходя со двора пѣшкомъ, надѣваютъ туфли съ высокими каблуками, а для ѣзды верхомъ—сапоги, выше колѣнъ. Опоясываются шалью, которая бываетъ весьма различна, смотря по достатку и званію лица; за поясомъ носятъ кинжалъ, и рукоять его также указываетъ на степень и богатство особы, которая его носитъ. У простолюдиновъ верхній кафтанъ достаетъ лишь до колѣнъ. Впрочемъ, цвѣтъ всѣхъ этихъ одеждъ измѣняется, смотря по модѣ, которая здѣсь весьма непостоянна; иногда ихъ подбиваютъ и оторачиваютъ мѣхомъ. Зимою сверхъ-того надѣваютъ большую шубу, называемую *куркъ*.

Головной уборъ всѣхъ Персіянъ, отъ шаха до послѣдняго изъ подданныхъ, составляетъ черная шапка, вершковъ въ десять вышины, изъ овчины или барашка; послѣднему всегда отдается предпочтеніе. Единственное отличіе шаха, сыновей его и нѣкоторыхъ первостепенныхъ сановниковъ состоитъ въ шали, навиваемой на шапку. Персіяне брѣютъ всю голову, за исключеніемъ маленькаго чуба на маковкѣ и по косицѣ за ушами; у молодыхъ висятъ онѣ до самыхъ плечъ, но юноши съ нетерпѣніемъ ожидаютъ той поры, когда черная, густая борода украситъ ихъ лица. Ее отпускаютъ во всю длину, и черезъ двѣ недѣли

возобновляютъ операцію, которая придаетъ ей желаемый оттѣнокъ, впрочемъ не всегда одинаковый, смотря по вкусу каждаго бородача (Л. XXXIX — 3).

По словамъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, Персіянки неоспоримо самыя прекрасныя и миловидныя женщины въ подсолнечной. Онѣ высоки, прямы, тонки, стройны до чрезвычайности; затворницы гаремовъ отличаются бѣлизной. У нихъ вообще прекрасные волосы, черные, продолговатые, выразительные глаза и черты правильныя. Можно бы укорить ихъ излишней круглостію лицъ; но въ ихъ краѣ это удивительная прелесть: по-крайней-мѣрѣ, поэты, чтобъ расхвалить женщину, которая имъ по душѣ, равняютъ ее съ полнымъ мѣсяцемъ.

Головной уборъ состоитъ у нихъ изъ повязки, болѣе или менѣе богатой, которой онѣ художнически придаютъ видъ чалмы; волоса, заплетенные косичекъ въ тридцать, упадаютъ на плечи и на спину; передніе спущены на чело, и нѣсколько завитковъ небрежно ласкаются къ ланитамъ. Женщины низшаго разряда носятъ просто черный платокъ на головѣ.

Остальная часть женской одежды немногимъ разнится отъ мужской. Красношелковая или бѣлобумажная рубашка прикрѣпляется снуркомъ выше плечъ; она съ разрѣзомъ середь-груди и застегивается на шеѣ золотою, серебряною или шелковою запонкой; на нее надѣвается атласная на ватѣ епанча, доходящая до полулядвеи; она вся въ разрѣзъ напереди и застегивается пуговками; наконецъ сверху родъ туники безъ воротника, напереди съ большой выемкой и съ тремя пуговицами ниже груди. У туники огромные

карманы, отчего она кажется гораздо шире настояща-го. Впрочемъ она не покрываетъ колѣнъ и держится вокругъ стана шитымъ поясомъ съ золотою или серебряною бляшкой, украшенной дорогими каменьями. Шаравары подбиты ватой такъ смѣшно, что ноги походятъ на двѣ безобразныя тумбы (Л. XXXIX—4).

Женщинѣ нельзя показаться на улицу, не завернувшись въ нѣкотораго рода саванъ (чадру) изъ бумажной ткани, просто бѣлой или съ голубыми квадратами, а лице должно быть завѣшено еще покрываломъ того же цвѣта; два маленькія отверзтія въ видѣ рѣшетокъ сдѣланы противъ глазъ. Персіянки очень любятъ кольца, ожерелья, запястья; бѣднѣйшій ремесленникъ часто долженъ лишать себя необходимаго и дарить ихъ женѣ, если дорожитъ семейнымъ спокойствіемъ.

Выше мы говорили, что жители Персіи раздѣляются на кочевыхъ, обитающихъ по горамъ и скитающихся по степи, и на Таджиковъ или Таттовъ, занимающихъ обработанные округи или города; но въ быту обоихъ классовъ часто случаются такія перемѣны, что номадъ идетъ жить въ городъ, а земледѣлецъ обращается къ кочеванью.

Номады, привыкшіе подобно Туркменамъ, къ бродячей жизни, склонные къ грабежу и страстямъ свирѣпымъ, повинуются однако жъ какому бы то ни было царю, коль скоро онъ обладаетъ Персіей, и даже въ кочевьяхъ пріобрѣтаютъ отчасти кротость и вѣжливость горожанъ. «Несмотря на то, говоритъ Г. Жоберъ, они предпочитаютъ обширныя степи и горы высокія мѣстамъ, болѣе благопріятствуемымъ приро-

дой. Когда спросишь ихъ, почему они не хотятъ избавиться опасеній и ненадежности своего жалкаго существованія, они отвѣчаютъ: «Такъ жили наши отцы.» Переходить по временамъ съ мѣста на мѣсто, подышать новымъ воздухомъ, наслаждаться, такъ сказать, ежеминутно чувствомъ своей независимости, вотъ для нихъ высшее блаженство. . . Изъ кочевыхъ юртъ выходятъ люди, самые сильные и прекрасные, выходитъ почти все воинское племя. Безпечные и изнѣженные горожане хватаются за оружіе только въ крайней опасности и въ томъ случаѣ, когда составляютъ часть городскаго племени. Степные всегда вооружены и готовы биться съ непріятелемъ.

«Эти наемныя войска, сражаясь только изъ платы, которую дадутъ имъ, или добычи, которую обѣщаютъ, суть единственныя, на которыя Персидскій шахъ можетъ возлагать надежду. Весною, онѣ покидаютъ свои убѣжища, собираются въ мѣстахъ, назначенныхъ государемъ, и поступаютъ въ службу только на одинъ походъ, а зимой всегда возвращаются каждый къ своему племени.»

Надиръ-шахъ былъ изъ поколѣнія Афшаровъ, а нынѣ царствующій домъ есть Каджарскій: и то, и другое племя — Турецкаго происхожденія. Подобно прочимъ, они вообще разумѣютъ языкъ Персидскій.

Войско состоитъ изъ пѣхоты и конницы, обученныхъ Европейской дисциплинѣ, и изъ отряда артиллеріи, устроенной въ началѣ Французскими и Англійскими офицерами. Кромѣ конной артиллеріи, есть еще такъ называемые *зомбареки*, — артиллеристы на верблюдахъ: на задней лукѣ сѣдла утвержденъ у нихъ фаль-

конетъ, и когда надобно стрѣлять, верблюдъ опускается наземь. Число регулярныхъ войскъ простирается свыше двадцати тысячъ. Вся армія съ земскимъ ополченіемъ и кочевыми отрядами содержитъ въ себѣ 254,000 человѣкъ.

Доходы шаха полагаютъ въ 80,000,000 франковъ. Сумму эту составляютъ доходы съ государевыхъ отчинъ, сборъ, платимый владѣтельными князьями, ханами и другими начальниками отъ взимаемыхъ ими податей, таможенныя пошлины, дань, платимая старшинами кочевыхъ ордъ, подарки, дѣлаемые просителями, и разные налоги; она почти удвоивается страшными издержками на сборъ доходовъ. Общественныя заведенія, по большой части, состоятъ на отчетности областей и потому содержатся худо. Губернаторы думаютъ только о накопленіи богатствъ, какъ для собственной пользы, такъ и для удовлетворенія ненасытности вельможъ и чиновниковъ, присылаемыхъ въ провинціи; ибо послѣдніе всегда требуютъ платы, соразмѣрной съ важностію порученнаго имъ дѣла, и весьма часто заранѣе опредѣляемой.

Этотъ ходъ дѣлъ ни сколько не улучшенъ со временъ Шардена; Г. Жоберъ удостовѣряетъ въ этомъ, прибавляя: «Если суммы, поступающія въ казну, не слишкомъ велики относительно къ пространству и населенности Персіи, то и тратятся на однѣ необходимыя издержки, которыя не поглощаютъ половины ихъ; остальное превращается въ слитки, дорогіе камни и разные цѣнные предметы, которые, въ случаѣ надобности, легко перевезти: вотъ почему не должно считать преувеличеннымъ общаго отзыва путеше-

ственниковъ о великолѣпіи Персидскаго двора. Богатства эти конечно могли бъ быть употреблены гораздо полезнѣе для государства и для самаго шаха, но извѣстно, что въ державахъ деспотическихъ общественная польза ни во что, а слова: государственное хозяйство, благоразумная администрація, порядокъ и предусмотрительность, можно сказать, неизвѣстны и непереводимы въ буквальномъ смыслѣ.

«Персіяне всегда подвержены прижимкамъ и насиліямъ со стороны назшихъ дѣятелей правительства. Въ нихъ довольно проницательности, чтобъ угадывать настоящія причины, побуждающія Фетхъ-али-шаха копить сокровище; они чувствуютъ всѣ неудобства нынѣшней системы и смотрятъ въ будущность съ опасеніемъ, оправдываемымъ прежними событіями. Изъ этого безпокойнаго состоянія умовъ родится недовѣрчивость; взяточничество и продажность являются на каждомъ шагу. Не справедливо было бы не отдать чести Фетхъ-али-шаху, что онъ старался всѣми силами упредить зло или отвратить его вредныя слѣдствія».

Между отзывами путешественниковъ о характерѣ Персіянъ не видно большой разности: у нихъ живое, быстрое и легкое воображеніе; память острая и богатая; много способностей къ наукамъ, искуствамъ и военному дѣлу; они гостепріимны, ласковы и очень вѣжливы; нравъ у нихъ мягкій и уклончивый, умъ ясный и наклонный къ пронырству; ихъ упрекаютъ въ томъ, что они очень суетны, нечувствительны и даже жестоки, весьма преданы чувственнымъ удовольствіямъ, расточительны и вмѣстѣ наклонны къ

скупости, къ притворству, лицемѣрію, лжи, вѣроломству. Они чрезвычайно суевѣрны, и въ исполненіи наружныхъ обрядовъ религіи доходятъ до мелочности, поглощающей всякое истинное чувство.

Съ удивительной точностью соблюдаютъ они всѣ правила этикета. Молодыхъ людей высшаго сословія стараются научить оборотамъ рѣчи, употребительнымъ въ лучшемъ кругу, и привѣтствіямъ, съ какими обращаться къ каждому, смотря по чину его и званію; не щадятъ ничего для сообщенія имъ свѣдѣній, приличныхъ человѣку благовоспитанному. «Дѣти простолюдиновъ, говоритъ Шарденъ, также получаютъ тщательное образованіе. Они не рыщутъ по улицамъ, не развращаются игрою и ссорами, и не привыкаютъ къ плутовскимъ продѣлкамъ. Ихъ посылаютъ дважды въ день въ училище, а когда они воротятся, родители держатъ ихъ при себѣ, чтобы они приглядывались къ ремеслу и занятію, для нихъ предназначаемому. Молодые люди вступаютъ въ свѣтъ не ранѣе двадцатилѣтняго возраста, развѣ только ихъ женятъ прежде; въ этомъ случаѣ они освобождаются отъ надзора и становятся независимыми. Подъ словомъ женятъ я разумѣю—дадутъ жену по брачному договору, а наложницу получаютъ они на шестнадцатомъ или семнадцатомъ году, какъ скоро родители замѣтятъ въ нихъ любовную склонность. При вступленіи въ свѣтъ они кажутся разсудительными, вѣжливыми, ласковыми, стыдливыми, молчаливыми, степенными, внимательными, чистыми и въ рѣчахъ, и въ образѣ жизни. Но большая часть изъ нихъ скоро портятся: роскошь ихъ увлекаетъ, и не имѣя ни состоянія, ни жалованья

достаточныхъ для удовлетворенія такой страсти, не имѣя наконецъ ни какихъ добросовѣстныхъ средствъ, эти люди пускаются на безсовѣстныя, за которыми никогда не станетъ дѣло и которыя кажутся весьма легкими.»

Персіяне любятъ общества, гдѣ говорятъ о религіи, поэзіи, литературѣ; среди бесѣды пьютъ кофе и прохладительныя, и курятъ изъ *наргилѐ*. Послѣднее почитается столь необходимымъ, что знатный человѣкъ, даже ѣдучи верхомъ, беретъ съ собой слугу, который везетъ за нимъ этотъ родъ трубки.

Находясь между Европой и Индіей, Персія представляетъ большія удобства для торговли; оттого Персы и предаются ей съ усердіемъ; но она не такъ цвѣтуща, какъ бы могла быть, и добрую часть ея производятъ Армяне. Большія дороги хотя очень дурны, но безопасны; караваны ходятъ ими, ничего не страшась. Такимъ образомъ получаются здѣсь товары изъ окрестныхъ странъ и вмѣстѣ изъ самыхъ отдаленныхъ.

Персіяне вывозятъ часть доставляемыхъ къ нимъ предметовъ, какъ-то: шелкъ-сырецъ, розовую воду, алканну (Lawsonia) для крашенія ногтей и волосъ, шерсть, козій пухъ, ковры, сушеные плоды, бирюзу, тюнбекъ — родъ табаку, который курятъ въ *наргиле*, и писчій тростникъ, хлопчатую бумагу, сарацинское пшено, чернильные орѣшки, овецъ, быковъ, лошадей, Керманскія шали, чубуки вишневаго дерева, мерлушки.

Между причинами, содѣйствующими къ умаленію выгодъ, которыя торговля доставляетъ въ Персіи куп-

цамъ, должно упомянуть о сильномъ, если не совсѣмъ непобѣдимомъ отвращеніи туземцевъ къ мореплаванію. Оно доходитъ у нихъ до такой степени, что самый короткій переѣздъ моремъ кажется имъ тяжеле долгаго пути черезъ самыя безплодныя и опасныя степи. Еслибъ мы не знали, что отвращеніе это основано на старыхъ и закоренѣлыхъ предразсудкахъ, о чемъ говоритъ уже и Геродотъ, трудно было бы постигнуть, какимъ образомъ люди, столь отважные, совершенно теряютъ бодрость, когда надобно предпринять морское путешествіе. Отсутствіе флота, слѣдствіе такой антипатіи, было вдвойнѣ гибельно для Персіи, ибо съ одной стороны оно причинило ей утрату многочисленныхъ и богатыхъ заведеній на Каспійскомъ морѣ, съ другой—лишило ее острововъ въ заливѣ Персидскомъ.

Въ числѣ товаровъ, отправляемыхъ Персіею за границу, многіе суть плоды промышлености ея собственныхъ жителей. Они большіе мастера въ искуствахъ механическихъ: золото, серебро и мѣдь обработываютъ они прекрасно; выдѣлываютъ ткани шелковыя и бумажныя отличныхъ цвѣтовъ; ихъ превосходные ковры и шали пользуются заслуженною славой. Не такъ успѣшны труды въ кожевенномъ дѣлѣ, хотя многія его отрасли у нихъ очень хороши: мастера работаютъ только по преданію и по привычкѣ; наука никогда не управляетъ и не совершенствуетъ ихъ производствъ. Персіянинъ впрочемъ готовъ слушать ея наставленія; совсѣмъ не такъ, какъ Турокъ, который почти гордится своимъ невѣжествомъ, онъ соединяетъ съ желаніемъ учиться много смысла и ловко-

сти, и доказываетъ это въ того рода издѣліяхъ, которыя не достигли въ Европѣ высшей степени усовершенствованія: напримѣръ холодное оружіе ихъ такъ же прочно и прекрасно, какъ наше; но они не умѣютъ сдѣлать цѣлаго ружья, равнаго достоинствомъ Европейскому.

То же самое можно сказать объ изящныхъ искуствахъ. У Персіянъ нѣтъ ничего такого, въ чемъ господствуютъ чистый вкусъ и изящество. Архитектура и живопись хотя и болѣе въ ходу, нежели у Турковъ, однако стѣснены узами варварскаго преданія и мелочности суевѣрной.

Зодчество красиво и просто; почти всѣ домы объ одномъ ярусѣ. Кровля состоитъ изъ маленькой платформы, на которую, при наступленіи зимы, насыпаютъ земли, и уколачиваютъ ее накрѣпко. Жилища эти заключаютъ въ себѣ большія пріемныя, окруженныя рядомъ маленькихъ комнатъ, украшенныхъ картинами; потолки отдѣланы тщательно и богато; домы совершенно открыты къ сѣверу и къ югу, для сообщенія имъ свѣжести. Въ срединѣ находится обыкновенно большой мраморный водоемъ съ маленькимъ фонтаномъ. Другія комнаты выходятъ на просторные дворы или въ сады, благоухающіе тщательно-ростимыми цвѣтами и осѣненные рядами деревъ, разсаженныхъ симметрически и орошаемыхъ обильно водою. Но что въ самомъ дѣлѣ замѣчательно въ Персидской архитектурѣ, это — искуство дѣлать своды безъ дерева, безъ балокъ, безъ всякой твердой опоры, облегчающей постройку: здѣсь употребляютъ при этомъ одинъ кирпичъ.

Ваяніе почти вовсе неизвѣстно Персіянамъ; они дѣлаютъ только мраморныя или деревянныя украшенія посредственной работы.

Они не считаютъ за грѣхъ писать картины съ человѣческими изображеніями, но живопись у нихъ еще въ дѣтствѣ, и произведенія ея отличаются только живостію красокъ и добротою лака.

Ни одинъ Европеецъ не похвалилъ Персидской музыки такъ же, какъ и Турецкой. По отзыву путешественниковъ, обѣ онѣ невыносимы; это пронзительные крики, которые становятся еще непріятнѣе отъ гримасъ пѣвца, затыкающаго себѣ уши для того, чтобъ придать болѣе объема голосу. Персіяне поютъ всѣ въ одинъ голосъ, аккомпанируясь жалкими инструментами, каковы напримѣръ бубенъ или торбанъ. За этимъ прискорбнымъ для слуха гваломъ слѣдуетъ обыкновенно пляска. Въ гаремахъ, выполняютъ ее женщины, а всенародно — дѣти лѣтъ четырнадцати или пятнадцати, посвятившія себя этому искуству. Хотя Магометъ запретилъ пляску и музыку, предписаніе это нарушается и у Персіянъ, и у Турковъ. У самого шаха есть особенные плясуны и плясуньи; у вельможъ есть также свои, а прочіе нанимаютъ ихъ, когда даютъ праздники. Искуство этихъ шарлатановъ состоитъ преимущественно въ опытахъ силы: такъ напримѣръ одинъ ребенокъ вертѣлся у нихъ двѣсти разъ безъ остановки. Кто изъ нихъ принимаетъ самыя сладострастныя положенія, тѣ болѣе и нравятся.

Въ школахъ учатся Персіяне Арабскому языку, законовѣденію, риторикѣ, поэзіи, философіи, медицынѣ и астрологіи. Уваженіе, оказываемое въ цѣломъ госу-

дарствѣ *мирзамъ* (людямъ пишущимъ), отличія, какими они пользуются, мѣста, открытыя ихъ соревнованію, все это ободряетъ каждаго, кто чувствуетъ въ себѣ способности заниматься словесностью и науками; но послѣднія весьма отстали, несмотря на ревность преподавателей и учениковъ. Изъ всѣхъ наиболѣе уважается астрологія. Персіяне не предпринимаютъ никакого сколько нибудь важнаго дѣла безъ совѣщанія съ астрологами, которыхъ ремесло прибыльно и почетно; шахъ не переѣдетъ даже въ ближній загородный дворецъ безъ предварительнаго допроса свѣтилъ небесныхъ.

Ѣдущіе изъ Индіи обыкновенно пристаютъ къ Персидскимъ берегамъ въ Абушерской гавани, или Бендеръ-Бушерѣ. Изъ числа лежащихъ при Персидскомъ заливѣ, гавань эта самая торговая въ государствѣ. Цвѣтущимъ состояніемъ своимъ она обязана упадку торговли въ Бендеръ-Абасси и разоренію Бендеръ-Рыка во время смутъ, послѣдовавшихъ за смертію Надиръ-шаха. Бендеръ-Бушеръ построенъ на сѣверной оконечности безплоднаго полуострова, выдающагося мили на три въ море. Городъ пріятенъ на взглядъ; къ югу запирается онъ стѣною съ круглыми башнями; управляетъ имъ Арабскій шейхъ. Число жителей простирается до пятнадцати тысячъ; тутъ есть и Армяне, и Жиды и Баніаны. Англичане имѣютъ здѣсь контору. Базаръ, не обширный но хорошо снабженный товарами, вмѣщаетъ въ себѣ разнаго рода произведенія Европейскія, Индѣйскія и Персидскія. Воду пьютъ здѣсь дурную, потому что за хорошей надобно посылать далѣе чѣмъ за милю. Рейдъ

открытъ вѣтрамъ со всѣхъ сторонъ, кромѣ южной, гдѣ отчасти укрывается онъ городомъ; большіе корабли бросаютъ якорь за три четверти мили отъ берега. Мелкія суда возятъ товары въ Бассору; караваны не ходятъ туда изъ Бендеръ-Бушера сухимъ путемъ, потому что край совершенная пустыня, полная разбойниковъ и болотъ.

На пути изъ Бендеръ-Бушера въ Ширазъ ѣдешь сперва сухими и безплодными мѣстами; далѣе являются нивы, усаженныя финиковыми пальмами. Села защищаются стѣнами, иногда обведенными глубокимъ рвомъ. Дорога становится неровною: ее часто пересѣкаютъ овраги; надобно нѣсколько разъ переѣзжать солоноватые потоки, бѣгущіе изъ горъ и впадающіе въ заливъ Персидскій.

Жители деревень по дорогѣ не всегда въ ладу съ сосѣдями. «Ссоры ихъ, говоритъ Г. Дюпре́, всегда обращаются въ выгоду окружному начальнику, который пользуется несогласіями для утѣсненія враждующихъ сторонъ подъ предлогомъ поддержать порядокъ и правосудіе.

«Въ Башкунѣ, по недостатку воды, сѣютъ только ячмень и пшеницу. Здѣсь увидѣли мы впервые житницы Фарса: это глубокія ямы, одѣтыя кирпичемъ и цементомъ, такъ что сырость не можетъ въ нихъ проникнуть. Онѣ обыкновенно овальныя, узки у отверзтія, а въ срединѣ и къ низу шире; ихъ закрываютъ съ величайщимъ тщаніемъ, и хлѣбъ сохраняется какъ нельзя лучше. Употребленіе ихъ восходитъ къ глубокой древности.

«Выѣзжая изъ долины, тщательно воздѣланной въ этой полосѣ, мы увидѣли кочевье, нетерпѣливо ожидавшее времени сбора, которое наступаетъ здѣсь въ концѣ апрѣля или въ началѣ маія, не далѣе. Кочевыя племена вольны засѣвать пустопорожнія земли и собирать ихъ произведенія безпошлинно.

«Фирузъ-Абадъ (обитель счастія) — маленькій городъ, выстроенный отчасти изъ обломковъ Фирузъ-Шаха; посреди его виденъ еще обелискъ и водопроводъ. Наконецъ вы спускаетесь въ обширную и прекрасную долину Шираза, переѣзжаете нѣсколько ручьевъ и вступаете въ городъ. Это одинъ изъ знаменитѣйшихъ въ Персіи. Онъ неправильнаго вида и огражденъ кирпичною стѣной съ башнями, гдѣ живутъ солдаты гарнизона; со всѣхъ сторонъ окружаетъ его ровъ, мѣстами засѣянный и вообще вырытый довольно нерадиво (Л. XL—4).

«Въ Ширазѣ нѣтъ ни одного истинно великолѣпнаго зданія; однако жъ достойны примѣчанія дворецъ съ превосходными садами, великая мечеть, бани, которыя отъ нея неподалеку, и наконецъ базаръ. Населенія полагаютъ тридцать тысячь душъ. Здѣсь дѣлаются бумажныя ткани, огнестрѣльное оружіе, сабли, стеклянныя и штучныя вещи. Городъ цвѣтетъ торговлею. Землетрясеніе причинило въ 1824 году такія страшныя опустошенія, что, по словамъ одного Англійскаго путешественника, всѣ замѣчательныя зданія въ городѣ были повреждены. Персіяне зовутъ его обителью науки.

«Въ долинѣ Шираза и въ окрестностяхъ растетъ виноградъ, котораго сокъ такъ знаменитъ и такъ

справедливо прославленъ Персидскими поэтами. Это вино годно къ употребленію только по прошествіи трехъ лѣтъ; цвѣтомъ и вкусомъ оно довольно похоже на мадеру, но хмѣльнѣе.

Въ двухъ Англійскихъ миляхъ къ сѣверовостоку отъ стѣнъ Ширазскихъ, видна гробница славнаго Персидскаго поэта Гафиза; она окружена прелестнымъ садомъ, равно какъ и Саадіева, которая нѣсколько дальше.

Дюпре путешествовалъ по Персіи въ 1808 и 1809 годахъ, когда былъ тамъ и Г. Морьеръ. Послѣдній также отправился изъ Бендеръ-Бушера въ Ширазъ, но выбралъ дорогу западнѣе той, по которой ѣхалъ Французскій путешественникъ. Онъ слѣдовалъ чрезъ Казрунъ, городокъ въ то время цвѣтущій, но впослѣдствіи почти совершенно разрушенный землетрясеніемъ, случившимся въ 1824 году. Почти въ пяти миляхъ Французскихъ къ сѣверу отъ Казруна, онъ видѣлъ развалины Шапура и первый осмотрѣлъ ихъ внимательно. Это городъ, построенный царемъ, котораго мы называемъ Сапоромъ I. Здѣсь дознаны остатки цитадели и нѣсколько барельефовъ, изваянныхъ въ скалѣ и представляющихъ самые разнообразные предметы. Въ окрестностяхъ есть подземелье, куда примыкаютъ обширные гроты и пещеры; тамъ нашли колоссальную статую, обрушенную и разбитую.

Въ двѣнадцати миляхъ къ сѣверо-сѣверостоку отъ Шираза, среди плодоносныхъ полей, близъ деревни Мердашта, на покатости, окружающей высокую, дикомраморную гору Рахметъ, видны славныя развалины, именуемыя *Чигиль-Минаръ* (сорокъ колоннъ) у новѣй-

шихъ Персовъ. Это остатки дворца, украшавшаго городъ, котораго древнее названіе у всѣхъ Восточныхъ было *Истакаръ*, а у Грековъ *Персеполисъ*. Шарденъ, Кемпферъ, Корнелій Ле Брёйнъ (Le Bruyn), Нибуръ, Морьеръ, Керъ-Портеръ и другіе путешественники снимали эти развалины, которыя подымаются многими уступами въ видѣ амфитеатра и на которыя всходятъ по такой удобной лѣстницѣ, что десять всадниковъ проѣхали бы по ней въ рядъ. На вершинѣ каждаго уступа видны остатки портиковъ и развалины зданій съ комнатами, которыя кажется были обитаемы. Въ глубинѣ, у скалы, къ которой примыкалъ этотъ памятникъ, находятся двѣ гробницы, пробитыя въ горѣ; донынѣ еще не могли открыть къ нимъ входа. Все построено изъ мрамора безъ извести или цементу, а камни между тѣмъ такъ соединены, что только, при чрезвычайной внимательности, можно разсмотрѣть спаи.

Стѣны вездѣ покрыты барельефами и надписями: въ первыхъ, то государь даетъ аудіенцію вельможамъ своего двора и совершаетъ обрядъ религіозный, то звѣри, по большей части, баснословные, дерутся между собой или съ людьми. Буквы надписей имѣютъ видъ гвоздей, что дало поводъ къ наименованію ихъ гвоздеобразными; ученые предлагали разныя объясненія этихъ надписей, и нѣкоторыя довольно правдоподобны (Л. XL—3).

На нѣсколько миль къ сѣверу отъ Чигиль-Минара, въ горѣ, именуемой Накши-Рустанъ (ликъ Рустана), есть четыре гробницы, подобныя Персепольскимъ. Керъ-Портеръ, проникнувъ въ одну изъ нихъ, удо-

стовѣрился, что она была взломана. Въ близи, шесть барельефовъ изображаютъ предметы, относящіеся къ вѣроученію Маговъ и къ торжеству какого-то царя надъ побѣжденнымъ непріятелемъ. Немного далѣе, въ Накши-Реджебѣ, другіе барельфы также призываютъ вниманіе наблюдателя. Ваянія эти страшно искажены мусульманскимъ изувѣрствомъ. Пегльвійскія и Греческія надписи не оставляютъ ни какого сомнѣнія на счетъ предназначенія этихъ памятниковъ: они воздвигнуты для увѣковѣченія торжествъ Сапора I-го, царствовавшаго съ 240-го по 271-й годъ отъ Р. Х.

Въ сѣверу отъ этихъ развалинъ, въ равнинѣ Мургабской, находится *Мешхедъ - мадеръ - и - Солейманъ* (гробница Саломоновой матери), маленькое квадратное зданіе съ бѣломраморнымъ подножіемъ большаго размѣра. Жители Востока дали ему такое названіе, по привычкѣ своей приписывать Саломону всѣ памятники, которыхъ происхожденіе имъ невѣдомо. Вѣроятнѣе, какъ полагаетъ Керъ-Портеръ, что это мавзолей Кира.

«Почтенныя Перcепольскія развалины, говоритъ Скоттъ-Уэринъ (Scott-Waring), много пострадали отъ времени; но то, что осталось отъ нихъ теперь, крѣпко и неистребимо, какъ утесы. Землетрясенія, столь часто бывающія въ Персіи, обрушили большую часть колоннъ и храминъ, а что устояло въ цѣлости, открыто сверху и держится въ этомъ положеніи. Песокъ, смываемый дождевыми потоками съ сосѣдней горы зимою, заноситъ обширныя пространства и покрываетъ основанія многихъ колоннъ.

*

«По словамъ Греческихъ историковъ, Александръ, послѣ одного пиршества, зажегъ здѣшніе чертоги. Но трудно вѣрить этому разсказу по внимательномъ и подробномъ обзорѣ развалинъ: огонь не могъ причинить ни малѣйшаго вреда этимъ огромнымъ и неразрушимымъ толщамъ.»

Все побуждаетъ думать, что онѣ принадлежали храму, а не дворцу, занесенному песками, и что безчисленные обломки прикрываютъ много вещей, драгоцѣннѣйшихъ для антикварія.

Семнадцатаго января 1808 года, Дюпре выступилъ изъ Шираза, пустился на юго-юговостокъ слегка подымающеюся равниной и переѣзжалъ отъ времени до времени мелкія рѣчки или ручьи, въ которыхъ попадалась иногда соленая вода. Край населенъ весьма умѣренно. Покатости горы Дара-Кенъ, близъ селенія того же имени, были испещрены тѣми красивыми деревцами, которыя въ Европѣ называютъ синелью Персидскою. Въ скалахъ этой горы собираютъ такъ называемую жидкую мумію, — минеральную смолу, весьма уважаемую на Востокѣ.

Путешественникъ нашъ всегда съ точностію означаетъ въ своемъ описаніи водоемы, находящіеся на пути. «Дѣлаю это не безъ причины, говоритъ онъ: Соляныя озера и степи песчаныя занимаютъ большую часть того края Персіи, которымъ я проѣзжалъ. Обитаемыя мѣста точно острова на безбрежномъ океанѣ. Нужда придаетъ изобрѣтательность человѣку самому необразованному, оттого и Персіянинъ, довольно нерадивый во всемъ прочемъ, такъ тщательно занимается средствами къ оплодотворенію земли и къ

обезпеченію своего продовольствія.... Въ Фарсѣ рѣдко проѣдете шесть миль Французскихъ, чтобъ не встрѣтить хотя одной чистерны.»

Поля и долины усажены финиковыми пальмами недалеко за долиной Мадаварскою начинается Гермесиръ (жаркій край) или Ларистанъ. Съ вершины горы, откуда низвергалась водопадомъ маленькая рѣчка, путешественникъ увидѣлъ Персидскій заливъ и вскорѣ прибылъ въ Гомрунъ или Бендеръ-Абасси.

Этотъ городъ, столь процвѣтавшій торговлею и богатствомъ въ семнадцатомъ столѣтіи, почти опять ниспалъ въ то жалкое состояніе, изъ котораго вывелъ его Шахъ-Аббасъ. Всѣ Европейскіе народы имѣли тамъ по конторѣ, а когда умеръ Шахъ-Аббасъ, почти всѣ оставили этотъ рынокъ.

Дюпре́ посѣтилъ островокъ Ормузъ, въ трехъ миляхъ къ юговостоку отъ Бендеръ-Аббаси. Эта каменная скала, не имѣющая годной воды и почти никакой растительности, была, до открытія мыса Доброй Надежды и въ первыя времена обладанія Португальцевъ въ Индіи, однимъ изъ главныхъ складочныхъ мѣстъ для торговли этихъ странъ съ Персіей. Расказы о богатствахъ, пышности и роскоши Ормузцевъ можно бы почесть за басни, если бъ они не подтверждались многочисленными свидѣтелями. Шахъ-Аббасъ, недовольный грубымъ и тиранскимъ обхожденіемъ Португальцевъ съ его подданными, овладѣлъ Ормузомъ, въ 1622 году, при помощи Англичанъ, и весь блескъ этого острова исчезъ невозвратно. Маскатскій имамъ, владѣющій въ Аравіи, держитъ здѣсь двѣсти человѣкъ гарнизона.

По возвращеніи въ Бендеръ-Аббаси, Дюпре 14-го февраля отправился въ Ларъ. Этотъ областной городъ превращенъ теперь въ груду развалинъ, среди которыхъ видны еще остатки чертоговъ хана, управлявшаго имъ при Шахъ-Аббасѣ. Говорятъ, здѣсь до пятнадцати тысячъ жителей, но это, кажется, преувеличено. Они вообще бѣдны, хотя и промышлены. Главное занятіе ихъ состоитъ въ выдѣлкѣ глиняной посуды, холоднаго оружія, *абъ* (*родъ* войлочныхъ плащей) и голубой бязи. Окрестности хорошо обработаны.

Выѣхавъ изъ Белучистана, Г. Поттингеръ прибылъ въ Персидскую область Керманъ, лежащую къ сѣверу отъ Ларистана. Самый восточный ея округъ Нерманширъ тученъ и плодоносенъ; въ остальной части много песчаныхъ и безплодныхъ мѣстъ, и степь захватываетъ болѣе и болѣе пространства. Городъ Керманъ былъ нѣкогда весьма цвѣтущъ; торговля и теперь еще дѣятельна, а здѣшнія шали, ружья и *немеды*, или войлочные ковры, знамениты въ цѣлой Азіи. Особенно шали, равняются тониной и мягкостію ткани съ Кашмирскими.

Дюпре́, воротясь въ Ширазъ, выѣхалъ оттуда шестаго апрѣля въ Ездъ, куда прибылъ шестнадцатаго. Городъ въ обширной равнинѣ среди песковъ, и много потерпѣлъ отъ Афганскихъ вторженій. Въ его-то округѣ живетъ наиболѣе Гебровъ, или послѣдователей древняго вѣроученія Персіи. Они бѣдны, невѣжественны и терпятъ притѣсненія со стороны мослемовъ; ихъ описываютъ весьма кроткими и трудолюбивыми.

Ездъ одинъ изъ самыхъ торговыхъ городовъ въ Персіи, какъ по произведеніямъ промышлености своихъ жителей, такъ и по положенію своему, которое содѣлываетъ его мѣстомъ складки Индѣйскихъ товаровъ, привозимыхъ сюда караванами изъ Герата и Бухары. Здѣсь выдѣлываютъ шелковыя ткани гладкія и съ примѣсью золота и серебра или наконецъ хлопчатой бумаги; простыя шали, гладкія и полосатыя, самопалы, пистолеты, холодное оружіе. Отъ Езда до Испагани Дюпре́ ѣхалъ, частію, пустыннымъ краемъ.

Мешхедъ, въ ста пятидесяти миляхъ къ сѣверу отъ Езда,—главный городъ Хорасана Персидскаго. Этотъ городъ описанъ Фрезеромъ и Бёрнсомъ; послѣдній встрѣтилъ тамъ менѣе непріятностей, нежели его соотечественникъ, которому недовѣрчивость и ханжество всегда полагали препятствія, какъ скоро онъ намѣревался удовлетворить свое любопытство. Мешхедъ, лежащій на притокѣ Теджина, цвѣтущій промышленностію торговлею, славится у Мусульманъ гробницей имама Резы, пятаго потомка Али. Смертные останки этой священной особы почіютъ подъ золоченымъ куполомъ, котораго великолѣпіе равняется богатой отдѣлкѣ двухъ минаретовъ, разливающихъ на солнцѣ ослѣпительный блескъ. Въ Мешхедѣ погребенъ также Надиръ-Шахъ. Гробница его, нынѣ оскверненная и узнаваемая только по развалинамъ зданія, которое прежде укрывало ее отъ непогоды, можетъ служить предметомъ размышленій для наблюдателя.

Миляхъ въ двѣнадцати отъ Мешхеда, Г. Бёрнсъ проѣзжалъ мимо развалинъ Тузе́, бывшаго прежде

столицею Хорасана. Долина, по которой онъ ѣхалъ, была плодоносна и хорошо обработана; онъ поднялся по ней вплоть до Кучана. Этотъ округъ считается самымъ холоднымъ въ области, чему не трудно повѣрить, когда въ сентябрѣ термометръ опускался слишкомъ на градусъ ниже точки замерзанія. Можно заключить по разнымъ наблюденіямъ, что Кучанъ на высотѣ четырехъ тысячъ футовъ.

Двадцать девятаго сентября Г. Бёрнсъ пустился къ берегу Каспійскаго моря: онъ ѣхалъ долиной, гдѣ течетъ Атрекъ, и достигнулъ Астрабада. Этотъ городъ производитъ весьма ограниченный торгъ, и на базарѣ увидите только тѣ товары, которые необходимы для жителей. Богатые люди, избѣгая зловредности климата въ жаркое время года, удаляются въ свои *ирилаки*, или лѣтнія жилища среди горъ.

Тутъ вы уже въ Мезендеранѣ. Астрабадъ всего на четыре мили отъ Каспія. «Климатъ здѣсь влаженъ и непріятенъ, говоритъ Г. Бёрнсъ, и дожди бываютъ такъ часто, что весьма трудно уберечь глиняную стѣну отъ паденія. Въ отвращеніе этого неудобства, на верхъ стѣны кладутъ тростниковую рогожку, покрываютъ ее землей и потомъ усаживаютъ лилеями, которыя растутъ прекрасно и защищаютъ глину отъ дождя. Въ Астрабадѣ собираютъ всѣ плоды теплаго пояса.»

Держась къ западу отъ устья Атрека и Гургена, путешественникъ пріѣзжаетъ въ Эшрефъ, гдѣ удивляются еще многочисленнымъ и великолѣпнымъ остаткамъ чертоговъ и садовъ, которыми Шахъ-Аббасъ украсилъ этотъ городъ; но, съ каждымъ днемъ, зданія

болѣе и болѣе упадаютъ, хотя они изъ весьма прочныхъ веществъ: всякой, кому понадобится матерьялъ для стройки, приходитъ и беретъ безпрепятственно.

Сари, древній городъ на Теджинѣ, по видимому всегда почитался столицею Мезендерана. Онъ не вымощенъ; базары хорошо снабжены. Въ немъ замѣчаютъ нѣсколько высокихъ башенъ, которыя кажется служили кладбищемъ для князей и знатныхъ, и сверхъ-того прекрасныя чистерны со сводами.

Фарахабадъ, при устьѣ Теджина, былъ зимнею столицею Шахъ-Аббаса, который и умеръ здѣсь въ 1628 году. Развалины, уступающія однако жъ Эшрефскимъ, свидѣтельствуютъ о прежнемъ его великолѣпіи.

«Бальфрушъ, говоритъ Г. Фрезеръ, есть странное, быть-можетъ, единственное изъятіе изъ общей картины, представляемой всѣми городами Персіи. Онъ исключительно преданъ торговлѣ, весь наполненъ купцами, фабриками и людьми къ нимъ принадлежащими, и пользующимися такимъ благосостояніемъ, какому нѣтъ примѣра ни въ одномъ изъ городовъ Персидскихъ: тутъ съ удовольствіемъ видите обиліе, избытокъ, удобство, соединенныя въ многолюднѣйшихъ частяхъ города съ такимъ движеніемъ и дѣятельностью, которыя весьма рѣдки въ другихъ мѣстахъ. Пристань его, отстоящая на четыре мили, не что иное, какъ открытый рейдъ. Думаютъ, что число жителей простирается до ста тысячъ.

Рештъ, главный городъ Гиляни, гдѣ собирается много шелку, цѣннаго въ торговлѣ, имѣетъ много шелковыхъ фабрикъ. Пристань его въ Инзели.

На пути изъ Сари въ Тегранъ, Г. Бёрнсъ проѣзжалъ Эльбурзомъ. Еще не переступивъ за предѣлъ низменности, въ которой онъ находился, путешественникъ нашъ увидѣлъ снѣжную вершину Демавенда. Тиларская долина простирается на шестьдесятъ миль; это значительнѣйшій изъ переходовъ, которыми Мезендеранъ сообщается съ возвышенной плоскостью; къ ней ведетъ изъ него Гадукское ущелье. Вершина его на высотѣ шести тысячъ футовъ и очень холодна. Фирузъ-Кухъ напомнилъ путешественнику Баміанскія затѣи, потому что и здѣсь изсѣчены въ утесѣ пещеры, гдѣ поселяне держатъ скотъ.

Въ три перехода Г. Бёрнсъ поспѣлъ изъ Фирузъ-Куха въ Тегеранъ: край печаленъ, безплоденъ и жалокъ; деревень мало, ничто не возвѣщаетъ близости столицы великаго государства. Этотъ городъ, лежащій въ прекрасной, хорошо увлажаемой равнинѣ, находится въ четырехъ миляхъ къ югу отъ Чимранскихъ горъ, гдѣ господствуетъ вершина Демавенда, всегда покрытая снѣгомъ, а иногда извергающая дымъ.

Подъ державою предъидущихъ династій, Тегеранъ былъ неважнымъ городомъ; съ тѣхъ поръ, какъ поселились въ немъ Каджары, его обвели высокою, толстою стѣной, унизанной башнями. Шахъ живетъ въ огромномъ дворцѣ, называемомъ *арагъ*. Это четыреугольникъ, окруженный стѣнами; воды текутъ обильно въ пространныхъ садахъ; комнаты всѣ обширны, но лишь нѣкоторыя отличаются великолѣпіемъ. Тегеранъ ростетъ со дня на день: полагаютъ, что зимою въ немъ до ста сорока тысячъ душъ. Нестерпимые жары и зловредность воздуха лѣтомъ

вынуждаютъ дворъ и бо́льшую часть богатыхъ людей разставаться съ нимъ на все время съ маія по сентябрь (Л. XL—1).

На югъ отъ Тегерана лежитъ Кумъ, прозванный *Святымъ*, потому что въ немъ находятся гробницы сестры имама Резы, многихъ мусульманскихъ мучениковъ и нѣкоторыхъ царей Персидскихъ. Сюда стекаются на богомолье со всѣхъ концовъ имперіи. Всѣ эти гробницы чрезвычайно богаты.

Проѣхавъ чрезъ волканическія горы и продолжая путь на югъ, путешественникъ достигаетъ Кашана, одного изъ красивѣйшихъ городовъ Персіи. Тамъ дѣлаютъ много мѣдныхъ вещей, шелковыя ткани гладкія и пополамъ съ золотомъ и серебромъ, бумажныя матеріи и бархаты. Фетхъ-али-шахъ выстроилъ тамъ великолѣпное училище и дворецъ.

Волканическіе бугры и край вообще неровный представляется взорамъ путешественника, ѣдущаго далѣе къ югу; наконецъ онъ видитъ предъ собою деревни и водопроводы, переправляется чрезъ потоки, отдѣляющіеся отъ Зенде-Руда, вступаетъ въ равнину, покрытую обширными развалинами, но индѣ и обработанную; тутъ глазамъ его является Испагань, древняя столица Персіи.

Этотъ городъ, построенный на лѣвомъ берегу Зенде-Руда, нынѣ только уже тѣнь того, чѣмъ былъ онъ въ семнадцатомъ столѣтіи. Однако же минувшій блескъ свидѣтельствуется еще многими изъ огромныхъ и безчисленныхъ зданій, которыя украшали его въ то время; таковы дворецъ шахскій, великая мечеть, обширный базаръ Аббаса и разныя *медресе́*. Фетхъ-али-

шахъ выстроилъ здѣсь, въ 1816 году, дворецъ, который уступаетъ Шахъ-Аббасову. Въ прекрасное время года, зелень деревъ скрываетъ отъ глазъ часть ужасныхъ опустошенiй, постигшихъ этотъ городъ (Л. XL—2).

Населенiе Испагани отнюдь не превышаетъ двухсотъ тысячь душъ. Здѣсь есть значительныя фабрики шелковыхъ матерiй, бархатовъ, бумажныхъ тканей, суконъ, цвѣтныхъ стеколъ для оконъ, глиняной посуды, огнестрѣльнаго оружiя, сахарные заводы, красильни и кожевни.

Въ числѣ достопримѣчательностей, которымъ поынѣ удивляются путешественники, можно упомянуть обширную площадь *Мейданъ*, окруженную славными зданiями и портиками.

Зенде-Рудъ течетъ слишкомъ на четверть мили къ югу отъ Испагани; по немъ переходятъ четырмя мостами, изъ которыхъ въ особенности два отличаются прекрасною архитектурой. Чаръ-Багскiй проспектъ идетъ отъ города до Джульфинскаго моста. Эта прекрасная аллея превосходитъ, по мнѣнiю Дюпре́, все, что видалъ онъ подобное въ Европѣ. Она усажена въ четыре ряда самыми густыми чинарами необычайной толщины; длина ея три тысячи шаговъ, ширина сто безъ малаго; свѣжесть зелени поддерживается канавками, проведенными изъ рѣки. Джульфинскiй мостъ, одинъ изъ прекраснѣйшихъ, какiе только существуютъ, снабженъ съ обѣихъ сторонъ арчатыми галлереями, которыя укрываютъ пѣшеходовъ отъ дождя; онъ утвержденъ на тридцати четырехъ сводахъ; длина его триста пятьдесятъ шаговъ, ширина—двѣсти. Мѣстечко Джульфа, столь цвѣтущее во

времена Шардена, имѣетъ еще нѣсколько бумажныхъ мануфактуръ; Армяне, его населяющіе, почти всѣ народъ бѣдный.

Дюпре́ прибылъ въ Персію черезъ Курдистанъ. Граница между этимъ краемъ и Оттоманскою имперіей означена здѣсь маленькимъ ручьемъ, который тогда высохъ. Путь чрезъ гору Риджао (*Загро́съ* у древнихъ) очень труденъ и часто прорѣзанъ въ каменныхъ скалахъ. Потомъ путешественникъ спустился въ прекрасную Киринскую долину; за нею край гористъ, но хорошо обработанъ. Девятнадцатаго ноября 1807 года, Дюпре́ былъ уже въ Керманшахѣ.

Этотъ городъ, построенный въ равнинѣ, открытой къ югу, но замыкаемой къ сѣверу высокою горою Би-Сотуномъ, обведенъ стѣною изъ кирпичей, выжженныхъ на солнцѣ, и защищается цитаделью. Въ немъ ничего нѣтъ замѣчательнаго, развѣ только каналы, которые круглый годъ поддерживаютъ густую грязь. Всего одинъ фонтанъ даетъ годную воду; во всѣхъ другихъ она нехороша. Впрочемъ Керманшахъ довольно цвѣтущъ; въ немъ есть оружейные заводы и ковровыя фабрики.

Оливье́ почитаетъ округъ Керманшахскій однимъ изъ прекраснѣйшихъ, наилучше увлажаемыхъ и плодоноснѣйшихъ въ цѣлой Персіи. Вода, которая стекаетъ кругомъ съ сосѣднихъ горъ, разливаетъ свѣжесть и обиліе. Почва производитъ хлѣбъ, плоды, овощи и огородныя растенія всякаго рода; стада здѣсь многочисленны. Въ маіѣ мѣсяцѣ сады издаютъ чудесное благоуханіе,—это запахъ цвѣтовъ лоха, который въ этихъ краяхъ разводится вездѣ.

За милю отъ Керманшаха находится памятникъ, описанный многими путешественниками и называемый *Тахтъ Рустемъ*, или тронъ Рустана, Геркулеса Персидскаго. Онъ у подножія горы и представляетъ обширную платформу, изсѣченную въ скалѣ и на которой безъ сомнѣнія стоялъ домъ или дворецъ. На стѣнахъ большой и нѣкоторыхъ меньшихъ залъ находятся изваянія, представляющія охоту и другія сцены; разныя рельефныя изображенія и гвоздеобразныя надписи украшаютъ другія стороны горы. Все приводитъ къ той мысли, что равнина подъ горою составляла обширный садъ или паркъ, куда древніе цари Персидскіе ѣзжали поохотиться и насладиться свѣжестью западныхъ областей во время лѣтняго зноя.

Другой памятникъ, у подошвы Би-Сотуна, представляетъ разныя изваянія, которыя повидимому новѣе предъидущихъ, но также замѣчательны. Нѣсколько далѣе въ равнинѣ видны слѣды древняго городища.

Къ югу отсюда лежитъ Кузистанъ, соотвѣтствующій отчасти древней Сузіанѣ. Главный городъ его, Шустеръ, у подошвы горъ Бахтіерійскихъ, на лѣвомъ берегу Каруна, имѣетъ фабрики бумажныхъ, шелковыхъ и шерстяныхъ издѣлій. Непадалеку отъ него развалины обозначаютъ мѣсто древней Сузы, гдѣ цари Персидскіе обитали въ великолѣпнѣйшемъ дворцѣ. Слѣды огромныхъ террасъ и гвоздеобразныхъ надписей, вотъ все, что осталось отъ этихъ памятниковъ.

Повернувъ къ сѣверу, путешественникъ вступаетъ въ Лурестанъ (Aelymaïs), весь покрытый горами;

важнѣйшія изъ нихъ Зердку и Губенку, межъ которыми лежатъ плодоносныя долины. Названіе страны происходитъ отъ Луровъ, одного изъ Курдскихъ племенъ. Главный городъ ея Хурремабадъ есть большой посадъ, гдѣ проживаетъ ханъ Фейлійцевъ,—почти независимаго племени.

На сѣверъ отъ Лурестана, вамъ снова представляется Иракъ. Большая деревня Кіянгеваръ, почитаемая за древнюю Конкобу, была повидимому довольно обширнымъ городомъ; тамъ видны остатки четыреугольнаго зданія, построеннаго изъ бѣлаго мрамора на высотѣ; оно было украшено колоннами. Далѣе вы переѣзжаете гору Эльвендъ, гдѣ Оливье видѣлъ еще снѣгъ въ началѣ іюня, и спускаетесь въ удолъ, премыкающій къ прекрасной равнинѣ Гамаданской.

Этотъ городъ, построенный неподалеку отъ праваго берега Гамаданъ-чая, имѣетъ ковровыя, шелковыя и бумажныя фабрики и кожевные заводы; въ немъ производится довольно обширный торгъ. Полагаютъ обыкновенно, что онъ весьма близко отъ мѣста гордой столицы Мидійской, Экбатаны, которой Геродотъ оставилъ намъ такое блестящее описаніе. Обломки колоннъ и слѣды надписей, вотъ все, что остается отъ безподобнаго дворца. Копая землю въ окрестностяхъ, находятъ довольно часто медали и рѣзные камни.

Дюпрé, Жоберъ, Морьеръ и многіе другія путешественники ѣздили изъ Тегерана въ Казбинъ, значительный городъ, лежащій въ обширной степи. Высокая гора препятствуетъ сѣвернымъ вѣтрамъ освѣжать воздухъ, и потому жаръ лѣтомъ невыносимъ. Удушающая

пыль наполняетъ атмосферу до такой степени, что у всѣхъ встрѣчныхъ покрыто ею все платье и борода. Не смотря на эти непріятности, Персіяне называютъ Казбинъ *Джемаль-абадомъ*, обителью совершенства. Тамъ дѣлаются сабли, извѣстныя остротой, разныя ткани и конскія попоны. Базары чрезвычайно велики. Нѣсколько ручьевъ, текущихъ изъ горы, содѣйствуютъ вмѣстѣ съ трудолюбіемъ жителей къ оплодотворенію пространства въ двѣ мили длины и въ полмили ширины, лежащаго къ западу отъ города. Тамъ ростутъ виноградныя лозы, дающія весьма крѣпкое вино, которое у Персіянъ почти въ одинаковомъ уваженіи съ Ширазскимъ. Этотъ клокъ земли производитъ также много фисташечныхъ деревьевъ, которыхъ плодъ, говорятъ, еще лучше Алеппскаго, знаменитаго въ цѣломъ Левантѣ.

Къ западу отъ безплодной степи, окружающей Казбинъ, весело улыбается Абгерская долина. По словамъ Г. Жобера: «Нѣтъ ничего свѣжѣе, ничего отраднѣе домиковъ здѣшняго села, если можно назвать такъ собраніе чистыхъ, удобныхъ и красивыхъ убѣжищъ. Занимаясь только обработкою виноградниковъ, Абгерскіе жители знаютъ одни пріятности земледѣлія. Никогда не бываютъ они въ необходимости исторгать себѣ пищу силою изъ лона неблагодарной земли, никогда не видятъ они жестокостей зимы, ни палящаго дуновенія ядовитыхъ вѣтровъ. Какое счастіе, если бъ они также были укрыты отъ угнетеній со стороны мелкихъ тирановъ, которымъ поручена ближайшая власть!»

Въ Султаніé изумитъ васъ необъятное пространство, занимаемое развалинами города; только мечети его цѣлы, хотя много потерпѣли отъ разныхъ землетрясеній. Самая большая (Л. XII—1) есть одно изъ прекраснѣйшихъ зданій этого рода въ Персіи. Неподалеку отъ разрушеннаго города, Фетхъ-Али-Шахъ построилъ лѣтній дворецъ, окруженный городомъ Султанабадомъ и цитаделью.

Зенгіянъ, съ прекраснымъ базаромъ, но впрочемъ весь въ развалинахъ, лежитъ въ долинѣ, орошаемой рѣкою Султаніé, несущею свои воды Кизиль-Узену, которымъ Иракъ раздѣляется съ Адзербайджаномъ. Изъ Зенгіяна можно ѣхать дорогою, которая, приближаясь къ Эльбурзу, проходитъ чрезъ городъ Халхалъ, построенный среди утесовъ, но лѣтомъ освѣжаемый прекраснымъ потокомъ ключевой воды. Дорога эта пріятна благорастворенностью воздуха и красотою видовъ, по временамъ мелькающихъ среди горъ, которыя господствуютъ надъ побережьемъ Каспійскаго моря. Къ югу отъ этихъ горъ лежитъ Ардебиль, охраняемый такимъ образомъ отъ заразительныхъ вѣтровъ, столь пагубныхъ на берегахъ Каспія; онъ посредственно укрѣпленъ и замѣчателенъ гробницами многихъ знаменитостей. Этотъ городъ, служащій складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, идущихъ съ Запада въ Тегеранъ и Испагань, заключаетъ въ себѣ базары, содержимые въ исправности. Тавернье́ и Ле Брейнъ подробно говорили объ Ардебилѣ.

Если пуститься отъ Зенгіяна болѣе южною дорогой, то увидишь неровныя и малообработанныя мѣста, а далѣе, за Кизиль-Узеномъ,—горы. Большое мѣстечко

Міадехъ, обильное хлѣбомъ и хлопчатой бумагою, наполнено роями комаровъ и мошекъ, отъ которыхъ въ лѣтнее время нѣтъ житья. Продолжая ѣхать горами, вы спускаетесь наконецъ въ долину Тебриза.

Это главный городъ Адзербайджанской области, обширный, цвѣтущій и, по положенію своему, одинъ изъ самыхъ торговыхъ въ Персіи. Караваны приходятъ и отходятъ съ товарами всѣхъ странъ свѣта. Крытые базары прекрасны и обильно снабжены, каравансераи многочисленны и огромны. Здѣсь есть шелковыя и бумажныя фабрики. Мечеть Джиганъ-Шаха, построенная, какъ и другія, изъ кирпича и украшенная муравленными главами, одна заслуживаетъ вниманія; шахскій дворецъ, цитадель и казармы—зданія новѣйшія. Отправясь изъ Тебриза двадцать седьмаго іюля, Г. Жоберъ ѣхалъ всю ночь, въ избѣжаніе страшныхъ жаровъ, и прибылъ на другое утро въ деревню Дизи-Халиль, окруженную садами и разбросанную на берегу Урмійскаго озера, въ пяти миляхъ къ сѣверо-сѣверозападу отъ того мѣста, гдѣ впадаетъ въ него Такъ-су (горькая вода). Далѣе открывается Тессуйджъ; это не селеніе, а скорѣе купа избъ, брошенныхъ въ самомъ пріятномъ мѣстоположеніи, откуда глазамъ полный разгулъ по озеру и по островкамъ его.

Это озеро, имѣющее тридцать миль въ длину, пятнадцать въ ширину и шестьдесятъ въ окружности, до новѣйшихъ временъ смѣшивали съ Ванскимъ, лежащимъ на двадцать миль къ западу и отдѣленнымъ отъ Урмійскаго горами. Послѣднее окружено ими въ особенности съ южной и западной сторонъ; тутъ онѣ очень

высоки. Хотя города Урмія, Сельманъ и Мерага лежатъ у береговъ его или по близости, на немъ нѣтъ ни какого судоходства. Три главныя острова почти необработаны; совсѣмъ иное дѣло окрестности озера, которыя, кромѣ обширныхъ и тучныхъ кормовъ, доставляютъ много хлѣба, сарацынскаго пшена, льну и превосходнаго табаку. Вода въ озерѣ солона до чрезвычайности, рыбы въ немъ нѣтъ ни какой; глубина его не превышаетъ двадцати футовъ; многія рѣки впадаютъ въ него. По новѣйшимъ наблюденіямъ кажется, что уровень его подверженъ сильнымъ перемѣнамъ.

Городъ Урмія, лежащій въ нездоровомъ, но плодоносномъ мѣстѣ, есть, какъ говорятъ, родина Зороастра. Сельманъ, болѣе къ сѣверу, заключаетъ въ себѣ сѣрныя воды. Керъ-Портеръ нашелъ въ окрестностяхъ барельефы, подобные Керманшахскимъ. Мерага у западнаго берега озера, замѣчательна пещерами, пробитыми въ скалѣ, и остатками славной обсерваторіи.

Изъ окрестностей Урмійскаго озера должно ѣхать горами, чтобъ попасть на большую дорогу, гдѣ увидите во-первыхъ городъ Тессехъ, нѣкогда важный и многолюдный, потомъ разныя селенія, усаженныя плодовыми деревьями и тополями, у подошвы Ямскаго кряжа, на который подыматься и долго, и тяжело. Спустившись по противоположному скату, переѣзжаете черезъ разные ручьи, проведенные отъ рѣки Хотуры и вступаете въ городъ Хой, получившій такое названіе, кажется, отъ соляныхъ копей своихъ; ибо *хой* значитъ по-Курдски *соль*.

Будучи порубежнымъ мѣстомъ, Хой постоянно терпѣлъ во всѣхъ войнахъ между Персіей и сосѣдними державами; зато и много тамъ развалинъ. Укрѣпленія его правильны. Мало въ немъ значительныхъ мечетей и домовъ, но улицы осѣнены деревьями и прорѣзаны ручьями. Каравансерай довольно красивъ.

Слѣдуя долиной излучистой Хотуры, вы потомъ переѣзжаете горы, составляющія отрасль Араратскаго хребта, котораго снѣжныя верщины видны въ отдаленіи; далѣе къ сѣверу вы спускаетесь къ берегамъ Аракса, означающаго съ этой стороны границу Персіи.

Надобно долго прожить въ Персіи, чтобъ снискать нѣкоторое понятіе о пастушеских племенахъ, которыя живутъ въ горахъ ея. Извѣстія, сообщенныя Г-мъ Морьеромъ, драгоцѣнны въ этомъ отношеніи.

Родовое имя Эйлеятовъ или Эйлятовъ (I'liyats), придаваемое этимъ народцамъ, означаетъ *племена.* Нѣкоторыя изъ нихъ, сдѣлавшіяся отчасти осѣдлыми (Шеръ-Нишинъ, горожанами), навлекли себѣ презрѣніе отъ другихъ, которыя живутъ еще подъ шатрами, питаясь произведеніями стадъ своихъ. Это —Сахра-нишинъ, то есть, степняки. Весною покидаютъ они степныя пажити и подымаются къ высотамъ, останавливаясь на мѣсяцъ въ полосахъ промежуточныхъ. Пора рожденія ягнятъ бываетъ поводомъ къ увеселеніямъ и разсылкѣ даровъ, состоящихъ въ молокѣ или вещахъ, изъ него приготовленныхъ. Бѣднымъ, во время стрижки овецъ, подаютъ милостыню шерстью. Зимою мужчины пособляютъ женщинамъ въ домашнихъ занятіяхъ; послѣднія очень трудолюбивы и зато пользу-

ются такимъ вліяніемъ, какого не имѣютъ горожанки. Онѣ подруги, а не рабыни и не игрушки мужей: многоженство здѣсь очень рѣдко. Ревность не заставляетъ красавицъ вѣчно прятаться подъ покрываломъ. Законы обезпечиваютъ дочерямъ треть наслѣдства по смерти отца. Рѣдко бываютъ браки между молодыми людьми разныхъ поколѣній, и заключаются только съ согласія старшинъ, или Бѣлыхъ Бородъ (Ришъ-Сефидъ). Эти старшины назначаютъ молодыхъ дѣвицъ, достойныхъ выбора супруга. Уваженіе къ Бѣлымъ Бородамъ такъ велико, что если какое-нибудь племя терпитъ утѣсненіе, одинъ изъ нихъ отправляется къ губернатору и выговариваетъ ему иногда самымъ оскорбительнымъ образомъ, а тотъ слушаетъ и молчитъ.

Хозяинъ тысячи барановъ, тридцати верблюдовъ, двадцати кобылицъ и т. д. считается богачемъ между Эйлеятами; однако жъ нѣкоторые вельможи огромностію стадъ своихъ напоминаютъ древнихъ патріарховъ. Говорятъ, что Эйса, ханъ Тюрбетскій, имѣлъ 160,000 барановъ, 20,000 верблюдовъ, 6,000 кобылицъ и соразмѣрное число другихъ животныхъ. Цѣнность вещей опредѣляется числомъ барановъ, иногда числомъ лошадей. Монеты у нихъ очень мало; но часто увидите древнія медали на ожерельяхъ у женщинъ и у дѣтей. Каждое племя кочуетъ по извѣстнымъ округамъ и не можетъ переступить рубежа ихъ, не подвергаясь немилости государя и болѣе опасному мщенію сосѣднихъ племенъ.

Кочевыхъ жителей Персіи можно раздѣлить по происхожденію и по языку ихъ на три разряда: Кур-

довъ, Луровъ, Афганцевъ и Белучей, которые всѣ Персидскаго и Мидійскаго корня; Арабовъ, пришедшихъ съ первыми халифами, и племена, говорящія языкомъ Турецкимъ. Послѣднія заняли сѣверныя области; Арабы — южный берегъ и древнюю Сузіану, Белучи — юговосточный край, а Афганцы — восточные предѣлы. Курды сидятъ въ гористыхъ странахъ къ западу, Луры — въ срединѣ, между Сузіаною, Курдистаномъ, Мидіею и Фарсистаномъ. Безпрестанные переходы раздробили и разсѣяли нѣкоторыя племена до такой степени, что Хорасанъ занятъ вмѣстѣ и Арабами, и Курдами, и Туркменами.

Четыре туземные народа составляютъ нынѣ болѣе четырехъ пятыхъ всего Эйлеятскаго населенія, изъ чего можно убѣдиться, что ни въ какое время не было недостатка въ Персахъ кочевыхъ; но высшая энергія Турецкихъ племенъ часто доставляла имъ преобладаніе; такъ изъ числа ихъ племя Эфшеровъ произвело знаменитаго Надиръ-шаха, а племя Каджарское — покойнаго Фетхъ-али. Поколѣнія Курдское и Лурское имѣютъ много сходства между собою. Послѣднее особенно весьма сильно, и числомъ и преимущественно тѣмъ, что племена его искони живутъ вблизи другъ отъ друга и никогда не переходятъ въ другія области. Между Мидіей, Персіей и Ассиріей занимаютъ они неприступныя горы, глубокія пещеры и тѣснины, служащія путемъ отъ одной изъ этихъ странъ въ другую. Это тѣ самые Уксійцы, которые требовали дани съ великаго царя Персіи, когда онъ отправлялся въ Экбатану, но которые не могли остановить Александра Великаго. Древность ихъ по-

ставлена внѣ всякаго сомнѣнія тѣмъ обстоятельствомъ, что они говорятъ еще однимъ изъ нарѣчій Пегльви, древняго языка Мидянъ, забытаго вездѣ, только не у нихъ. Они воинственны и дики и, по-прежнему, отнюдь не расположены признавать власть царей Персидскихъ. Кромѣ того, и вѣра служитъ поводомъ раздора между шахомъ и Эйлеятами, которые, по большей части, сунниты; нѣкоторыя изъ Лурскихъ племенъ даже не признаютъ Магомета пророкомъ.

Въ военное время, всѣ города Персіи много разъ подвергались опустошенію; въ мирное — деспотизмъ не даетъ жителямъ отдохнуть. Земледѣлецъ, обремененный налогами, долженъ безпрестанно ожидать, что ханъ или губернаторъ похититъ у него не жену, такъ дочь, если, на бѣду, онѣ пригожи; разбойники угоняютъ его скотъ или крадутъ хлѣбъ, который онъ собралъ; губернаторъ облагаетъ его тяжкими работами подъ предлогомъ, что такова воля шаха, и освобождаетъ только за деньги; оскорбленіямъ и обидамъ нѣтъ конца; за всякую малость сыплются палки по пятамъ и взысканія всякаго рода. Тогда селянинъ оставляетъ домъ, разрываетъ узы, связывающія его съ гражданскимъ міромъ и идетъ искать пріюта у кочевыхъ племенъ. Всѣ наглости, которыхъ онъ былъ жертвою, остаются ненаказанными, если губернаторъ успѣлъ награбить столько денегъ, чтобъ посылать ко двору большіе мѣшки въ видѣ актовъ оправдательныхъ.

Но чего ждать отъ второстепенныхъ властей, когда самъ шахъ поступаетъ не лучше. Приведемъ здѣсь анекдотъ о покойномъ Фетхъ-али, разсказанный од-

нимъ Русскимъ офицеромъ, бывшимъ при посольствѣ въ Тегеранѣ.

Шаху случилась надобность въ деньгахъ; онъ велѣлъ позвать одного изъ богатѣйшихъ купцовъ въ столицѣ. Его ввели съ честію, напомнивъ ему, чтобъ онъ, по обыкновенію, снялъ туфли при входѣ въ царскій покой. Фетхъ-Али-Шахъ подчивалъ его закуской и, поговоривъ съ нимъ очень милостиво о какомъ-то неважномъ предметѣ, отпустилъ его. Прислуга торопливо надѣла ему туфли, и онъ пошелъ въ полномъ удовольствіи, какъ вдругъ догоняютъ его тѣлохранители, схватываютъ и приводятъ къ шаху, который казался крайне разгнѣваннымъ. «Какъ! закричалъ онъ на купца: я дѣлаю тебѣ честь говорить съ тобою, угощаю тебя кофеемъ, шербетомъ... конфетами... аттаромъ... и ты, неблагодарный, крадешь у меня... мои собственныя туфли! Бездѣльникъ! ты умрешь подъ палками!» Тутъ бѣдный купецъ разглядѣлъ, что на немъ и въ самомъ дѣлѣ шахскія туфли; онъ клянется въ своей невинности; но къ казни приступаютъ въ присутствіи шаха. Отсчитано пятьдесятъ, шестьдесятъ ударовъ; купецъ проситъ помилованія; онъ предлагаетъ наконецъ выкупъ за жизнь свою. Шахъ не слушаетъ, упрекаетъ его въ неблагодарности, снова припоминаетъ свои благодѣянія и приказываетъ усиливать экзекуцію до тѣхъ поръ, пока несчастный купецъ не наобѣщалъ такихъ суммъ, которыя должны были разорить его невозвратно.

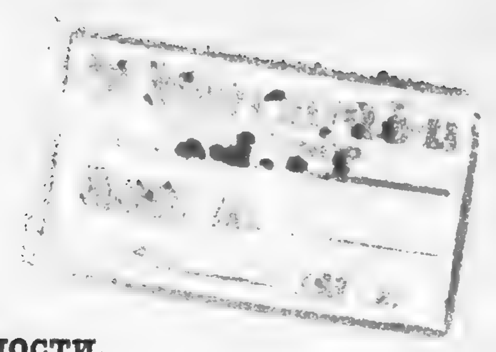
Нечему удивляться, если населеніе городовъ и деревень убываетъ съ каждымъ годомъ, тогда какъ число Эйлеятовъ безпрестанно ростетъ. Можно ска-

зать, что они составляютъ теперь четверть или треть всего населенія Персіи. Укрытые отъ деспотизма, свободные отъ повинностей общественныхъ, они только платятъ таксу со стадъ и служатъ въ шахскихъ войскахъ. Государь, изъ опасенія къ нимъ, старается ослабить ихъ частыми переселеніями. Главнѣйшихъ опредѣляетъ онъ къ себѣ въ гвардію и удерживаетъ начальниковъ при своей особѣ въ видѣ аманатовъ; но напрасно домогались разбить Арабскія племена, къ которымъ дворъ питаетъ наиболѣе недовѣрія. Хорошіе законы конечно превратили бы ихъ въ мирныхъ и полезныхъ членовъ общества, но при нынѣшнемъ состояніи восточныхъ правительствъ, нельзя ожидать, чтобъ эти люди рѣшились покинуть кочеваніе. Образъ жизни и собственная охота дѣлаютъ ихъ отличными солдатами, но имъ не достаетъ дисциплины.

КОНЕЦЪ ПЯТАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТАГО ТОМА.



ВАЖНѢЙШІЯ ПОГРѢШНОСТИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
11	23	зидалъ	издалъ
12	3	Бамбайскій	Бомбейскій
17	17	существуетъ съ первыхъ вѣковъ тамъ	существуетъ тамъ съ первыхъ вѣковъ
41	31	шехай	шейха
45	11	Бопальскимъ.	Бопальскимъ,
»	26	жени.	ниже.
46	8	Бильсы	Били.
50	12	въ	къ
78	15	Эти горы	Эти горы,
93	18	немогон	немного
102	27	открытіемъ	открытіемъ нашего вѣка.
111	11	Потменѣло	Потемнѣло
114	3	Багруевъ	Брагуевъ
129	17	три раза:	три раза
130	11	жестокой	жесткой
131	1	образомъ	образомъ:
134	7	грязовиднымъ	грязевиднымъ
139	19	самой Мешхеда въ Персіи до Калькутты.	Мешхеда въ Персіи до самой Калькутты.
142	31	Киндагаромъ	Кандагаромъ
147	9	Панковая	Пѣнковая
»	21	исполенія	исполненія
178	28	въ дорогу	въ дорогу;
184	19	ограниченная,	ограниченная
214	9	*родъ*	родъ
»	20	войлочные	валяные
215	20	торговлею	и торговлею
123	15	премыкающій	примыкающій
226	29	отъ	отъ него

Примѣчаніе. Въ IV томѣ, стран. 168, строка 18, вмѣсто *шести тысячъ* должно быть *шести сотъ тысячъ.*